

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(на материалах социологических исследований
в Красноярском крае и Республике Хакасия
в 2009 – 2011 гг.)

Монография

Институт педагогики, психологии и социологии

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Российское общество социологов
Красноярское региональное отделение

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**
(на материалах социологических исследований
в Красноярском крае и Республике Хакасия
в 2009 – 2011 гг.)

Красноярск
СФУ
2011

УДК 316.7
ББК 60.59
С69

Рецензенты: д-р социол. наук, профессор Л.А. Миндибекова,
д-р социол. наук, профессор Д.Д. Невирко

Авторы:

д-р социол. наук, профессор В.Г. Немировский – руководитель авторского коллектива, введение, главы 1, 3, заключение;
канд. социол. наук, канд. филол. наук А.В. Немировская, Ю.Е. Борисенко – глава 2;
канд. социол. наук Е.А. Верещагина – глава 4;
Т.Н. Анциферова – глава 5;
А.В. Немировская – компьютерная обработка данных 1, 2, 3 глав, данных 4, 5 – авторы глав

С69 Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009 – 2011 гг.): монография / отв. ред. А.В. Немировская. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 222 с. ISBN 978-5-7638-2440-7

Монография посвящена анализу социокультурных процессов в Восточной Сибири в контексте общероссийской ситуации. Эмпирической базой данной монографии выступают исследования, выполненные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», № 10-03-00001а и научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», № 11-03-00250а. Использован полипарадигмальный подход, включающий как опору на широкоизвестные теоретико-методологические разработки отечественных и зарубежных социологов, так и модели постнеклассического (универсального) подхода и соответствующие им нетривиальные методические средства. Рассмотрены особенности самоидентификации населения и модернизационных процессов в Восточной Сибири, специфика сибирского менталитета, ориентации на базовые ценности и ценностные переживания населения данных регионов. Особое внимание уделено христианским архетипам, архетипическим образам и ценностям в массовом сознании/бессознательном респондентов, а также их влиянию на социальные изменения. Представлен анализ ценностного отношения педагогов к своим ученикам и обществу в целом.

Для научных работников, преподавателей вузов, студентов, работников органов государственного управления.
ISBN 978-5-7638-2440-7

© Сибирский федеральный университет, 2011

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Siberian Federal University
Russian Society of Sociologists
Krasnoyarsk Regional Branch

Socio-cultural Processes in Eastern Siberia
(on the basis of empirical research
in the Krasnoyarsk Territory
and the Republic of Khakassia in 2009 – 2011)

Krasnoyarsk
SibFU
2011

УДК 316.7
ББК 60.59
С69

Reviewers: Dr. of Science in Sociology, Full Professor L.A. Mindibekova,
Dr. of Science in Sociology, Full Professor D.D. Nevirko

Authors:

Dr. of Science in Sociology, Full Professor V.G. Nemirovskiy –head of the team of contributors, Introduction, Chapters 1 and 3, Conclusion;

Candidate of Science in Sociology, Candidate of Science in Philology (PhD) A.V. Nemirovskaya, Yu.E. Borisenko – Chapter 2;

Candidate of Science in Sociology (PhD) E.A. Vereshagina – Chapter 4;

T.N. Antsiferova – Chapter 5;

A.V. Nemirovskaya – statistical data analysis in Chapters 1, 2, and 3

C69 **Socio-cultural** processes in Eastern Siberia (on the basis of empirical research in the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia in 2009 – 2011): monograph / editor in chief A.V. Nemirovskaya. – Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2011. – 222 c.
ISBN 978-5-7638-2440-7

This book presents the results of a comparative analysis of society and culture in Eastern Siberia, situated within a broader Russian context. The study is based on empirical research supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation under two grants: “The development of social capital in the Krasnoyarsk Territory” (scientific research program, grant № 11-03-00250a); and “A socio-cultural portrait of the Krasnoyarsk Territory” (scientific research program, grant № 10-03-00001a). It employs a multi-paradigm approach, based upon accepted theories by Russian and Western sociologists, and post-non-classical models with corresponding research methods as well. Modern Siberia (illustrated by its Eastern regions – the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia) is studied as a unique socio-cultural phenomenon. The study locates Eastern Siberian regions as a holistic socio-cultural formation within the Russian Federation. Thus, the research focuses on the particular identity of the Eastern-Siberian population, modernization processes in the region, and the distinguishing attributes of the Siberian mindset, including orientations on basic values and value experiences. Special consideration is given to Christian archetypes, archetypal symbols and values in the collective consciousness of the respondents. The effect of archetypal symbols and values on social changes is discussed. Finally, the research includes a study of attitudes among teachers to their students and society in general.

ISBN 978-5-7638-2440-7

© Siberian Federal University, 2011

Сведения об авторах

Немировский Валентин Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета. Автор более 180 научных публикаций, в том числе 29 монографий, учебников и учебных пособий (из них 4 пособия с грифом УМО) по современным социологическим теориям, социальным изменениям, социологии личности, социологии молодёжи, социологии региона, научным основам консультирования в управлении организацией, регионом и в развитии общественных связей.

Немировская Анна Валентиновна, кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета. Автор 45 научных публикаций, среди них – 3 монографии и 24 научных статьи, посвященных проблемам изучения массового сознания, динамики социокультурных процессов, социологии региона, исследованию тюркоязычной метафоры, теории и практике перевода.

Верещагина Елена Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития Института непрерывного педагогического образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Автор 15 научных работ, в том числе – одной монографии. Сфера научных интересов: ценностные ориентации и гендерные проблемы в образовании.

Анциферова Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры и социология религии, музееведение, музейное источниковедение, информационные технологии в музейном деле, история музейного дела, музеи мира.

Борисенко Юлия Евгеньевна, выпускница кафедры социологии Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	8
1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ ВОС- ТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ СИТУАЦИИ.....	10
1.1. Особенности социокультурной самоидентификации насе- ления Красноярского края и Республики Хакасия	10
1.2. Процессы социокультурной модернизации в регионах Вос- точной Сибири	21
2. РОССИЙСКИЙ И СИБИРСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ: СХОД- СТВА И РАЗЛИЧИЯ (по результатам социологических иссле- дований в Красноярском крае и Республике Хакасия)	34
2.1. Социологические подходы к изучению понятия «менталитет» ...	34
2.2. Менталитет как социокультурный феномен: факторы фор- мирования и региональные особенности	45
2.3. Российский менталитет и его ключевые черты (по данным социологических исследований)	57
2.4. Особенности сибирского менталитета (по материалам ис- следований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2010 и 2011 гг.)	67
2.5. Сравнительный анализ российского и сибирского мента- литета	86
3. ОРИЕНТАЦИИ НА ЦЕННОСТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ВОС- ТОЧНОЙ СИБИРИ.....	98
3.1. Социология эмоций: ориентации на ценностные пережива- ния и базовые ценности	98
3.2. Взаимосвязь ориентаций на ценностные переживания и ба- зовых ценностей, измеряемых по методике Ш. Шварца	107
3.3. Взаимосвязь ориентаций на ценностные переживания и ба- зовых ценностей, измеряемых по методике Н.И. Лапина	113
3.4. Ориентации населения региона на ценностные пережива- ния как показатель уровня развития и смыслового содержания социального капитала	119

4. ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПЕДАГОГОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ К УЧЕНИКАМ КАК СУБЪЕКТАМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И К СОЦИУМУ В ЦЕЛОМ	130
4.1. Методология и методика исследования.....	130
4.2. Ценностные представления педагогов о современном социуме.....	138
4.3. Ценностные представления педагогов о современных учениках	144
5. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (на материалах социологических исследований в Красноярском крае).....	154
5.1. Массовое сознание и массовое бессознательное как фактор социальных изменений и социальной дифференциации.....	154
5.2. Архетипы и ценности христианства в контексте постнеклассической универсальной социологии	160
5.3. Методика исследования влияния архетипических образов и ценностей христианства на социальные изменения и процессы социальной дифференциации.....	172
5.4. Формы проявления архетипических образов и христианских ценностей в социальных изменениях.....	181
5.5. Влияние ценностей христианства на социально-политические изменения и процессы социальной дифференциации	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	220

ВВЕДЕНИЕ

В современной Сибири происходят социокультурные процессы, далеко не всегда идентичные тем, которые характерны для других регионов России. Их социологическому анализу и посвящена эта книга. В центре внимания авторов – изучение современной Сибири (на примере двух её восточных регионов – Красноярского края и Республики Хакасия) как своеобразного социокультурного феномена. С одной стороны, рассматривается ситуация и процессы в этих регионах как целостных социокультурных территориальных образованиях в контексте общероссийской ситуации, с другой – анализируются отдельные, наиболее важные проблемные сферы этих регионов. По ряду показателей осуществлены сравнения с данными общероссийского исследования, проведённого в 2010 г. под руководством доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина.

При этом были использованы различные теоретико-методологические подходы и методы исследования. К ним относится разработанный Н.И. Лапиным антропосоциетальный подход, который опирается на понимающий и социокультурный подходы М. Вебера и П. Сорокина в сочетании со структурно-функциональным социетальным подходом Т. Парсонса. Применялись различные подходы, используемые в социологии и смежных дисциплинах к изучению таких социокультурных феноменов, как «менталитет», «архетип», «архетипические образы» и «христианские ценности», и влияние их на социальную динамику. Опора на теоретико-методологические принципы постнеклассической универсумной социологии, в частности методологическую модель минимального универсума, позволила рассматривать социокультурные процессы в регионах не только на уровне массового сознания, но и массового бессознательного, обратиться к анализу ориентаций респондентов на ценностные переживания, выявить уровень развития базовых ценностей населения, разработать структуру ценностей архетипических образов христианства в соответствии с принципами постнеклассической универсумной социологии и т.п. Анализируя социокультурные процессы, мы не могли не учитывать также различные подходы, представленные в настоящее время в активно развивающейся зарубежной социоло-

гии эмоций. Наконец, при исследовании ценностных ориентаций мы опирались на модели базовых ценностей, разработанные Н.И. Лапиным и известным американским социологом Ш. Шварцем.

В соответствии с полипарадигмальным подходом, реализованном в монографии, применялись различные методы сбора и анализа данных - как количественные, так и качественные: формализованное интервью, анкетный опрос, контент-анализ, экспертный опрос, методика для изучения ориентаций на ценностные переживания В.Г. Немировского, методики Н.И. Лапина и Ш. Шварца, ассоциативный эксперимент (метод анималистических ассоциаций), ассоциативный эксперимент для выявления архетипических образов христианства в массовом сознании/бессознательном респондентов, фокус-групповые интервью. Для статистической обработки данных был использован пакет прикладных программ SPSS с применением корреляционного и факторного анализа.

Эмпирической базой данной монографии выступают следующие исследования:

1. Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», проведенный ЦИСИ ИФРАН в 2010 г. (n = 1163).
2. Репрезентативный опрос методом формализованного интервью населения Красноярского края в 2010 г. (n = 1000).
3. Экспертный опрос методом формализованного интервью 150 экспертов в Красноярском крае в 2010 г.
4. Репрезентативный опрос методом формализованного интервью населения Республики Хакасия в 2010 г. (n = 600).
5. Репрезентативный опрос методом формализованного интервью населения Красноярского края в 2011 г. (n = 1250).
6. Репрезентативный анкетный опрос педагогов (n = 1333) в государственном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Хакасский республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» (2009 г.)
7. Ассоциативный эксперимент с педагогами Республики Хакасия в 2009 г. (n = 356).
8. Фокус-группы с жителями Красноярского края с целью проведения ассоциативного эксперимента в 2009 г. (n = 156).
9. Репрезентативный анкетный опрос населения Красноярского края в 2009 г. (n = 810).

1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ СИТУАЦИИ

1.1. Особенности социокультурной самоидентификации населения Красноярского края и Республики Хакасия

Современное российское общество выступает как достаточно слабо интегрированное идентификационное пространство, предоставляющее индивиду различные способы социокультурной самоидентификации. Несмотря на значительное число социологических работ как зарубежных, ставших классическими (от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса до А. Шюца, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и др.), так и отечественных авторов (З.Т. Голенковой, Е.Н. Даниловой, Л.М. Дробижевой, Л.Г. Ионина, П.М. Козыревой, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, В.А. Ядова, И.Г. Яковенко и др.), посвящённых теоретическим основам социокультурной самоидентификации и эмпирическому анализу её различных сторон, региональные аспекты этого процесса в современной России остаются, на наш взгляд, недостаточно изученными. Среди наиболее значимых работ отечественных социологов, посвящённых этой проблеме в последние годы, следует назвать публикации по результатам исследований: проведённых под руководством доктора социологических наук, члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова¹, осуществлённых в рамках программы «Социокультурная эволюция России и её регионов»², анализ идентичности москвичей³, ряд диссертационных исследований⁴ и др. Между тем адекватный

¹ Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. – 2008. – № 3.

² Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. – 2009. – № 1. – С. 43–50.

³ Рыжова С.В. Идентичность москвичей (опыт исследования) // Социс. – 2008. – № 8. – С. 40–49.

⁴ Фомина Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект: дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2007. – 150 с.

учёт факторов и механизмов социокультурной идентификации в региональном аспекте выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, сохранения его единства и социальной стабильности. Особенно актуальна эта проблема для регионов Сибири, которые традиционно являются специфическими поликультурными сообществами.

Исследования, лежащие в основе данной главы, осуществлены социологами Сибирского федерального университета в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН, созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Они опираются на разработанный Н.И. Лапиным социокультурный подход¹, а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социологических наук, профессором Л.А. Беляевой². Эмпирической базой послужили материалы трёх социологических исследований, проведенных отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета в 2010 г.: опросы населения Красноярского края и Республики Хакасия и экспертный опрос в Красноярском крае³.

Опрос населения Красноярского края осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия – в 11), по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки была обеспечена соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия.

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 15–40.

² Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 41–64.

³ Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. – Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. – 264 с.

Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия – 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа.

Экспертный опрос был посвящен изучению мнения 150 экспертов, проживающих в Красноярском крае. Он проводился методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты, включающей методику изучения характеристик базовых социокультурных типов регионов, разработанную доктором филос. наук, проф., чл.-кор. РАН Н.И. Лапиным¹. В данном исследовании в качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), видные представители СМИ, руководители крупных негосударственных компаний, представители общественного сектора, институтов гражданского общества. Они являются ключевыми «социальными агентами» и во многом влияют на процесс становления общественного мнения по важным вопросам функционирования и развития региона. Данные «агенты» активно включены в информационное пространство территории, отличаются наличием экспертного знания о социокультурном, политическом и экономическом развитии региона, и в то же время эти персоны не задействованы напрямую в структурировании социально-политической картины региона (с позиции принятия административных решений).

Важнейший аспект социокультурной самоидентификации - поселенческая самоидентификация жителей региона (табл. 1.1). Большинство опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия (59 %) самоидентифицируют себя с жителями поселения, в котором они живут (деревня, село, город). Менее трети (31 %) респондентов самоидентифицируются с жителями краевого или республиканского центра. Общерегionalная самоидентификация жителей края оказалась низкой – менее четверти из них (23 %) считают своими, близкими жителей всего края. При этом в Хакасии этот вид самоидентификации заметно выше – 32 % опрошенных. Ещё мень-

¹ Лапин Н.И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: Сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конференции. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С. 11.

Таблица 1.1

**Чувства близости или отдаленности жителей Красноярского края
и Республики Хакасия с жителями территориальных
общностей/сообществ**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Объекты самоидентификации	Свое, близкое		Безразлично		Далекое, чужое	
	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	59	59	13	13	14	15
Жители краевого (областного) центра, хотя я там и не живу	31	31	21	19	30	22
Жители всего моего края (ре- спублики)	23	32	22	20	36	27
Жители Москвы – столицы России	7	7	18	22	57	52
Жители всей России	17	22	14	16	47	40
Жители бывших республик СССР	7	7	13	12	33	22
Жители всей Земли	11	14	15	19	41	37

шая доля респондентов, проживающих в Красноярском крае, идентифицируют себя с населением России – 17 % и всей Земли – 11 %. В Республике Хакасия эти показатели несколько выше: соответственно, 22 % и 14 %. Напрашивается вывод, что у опрошенных сибиряков преобладает «чувство малой Родины». Причём данная особенность более ярко выражена в Красноярском крае, нежели в Хакасии. Наряду с этим проявляется «атомизация» российского социума в пределах отдельного региона.

Обращает на себя внимание и сравнительно высокая доля респондентов в обоих регионах, выразивших безразличное отношение к предложенным объектам самоидентификации, т.е. не имеющих

чётко выраженной собственной поселенческой самоидентификации: от 12 % до 22 % опрошенных.

Более половины опрошенных жителей края (57 %) считают жителей Москвы «далёкими, чужими» (подобные ответы дали 52 % респондентов из Хакасии), 47 % респондентов-красноярцев таким же образом оценили жителей России и 41 % – жителей всей Земли (население Республики Хакасия, соответственно, 40 % и 37 %). Иными словами, примерно для половины опрошенных жителей Красноярского края и несколько меньшей доли жителей Республики Хакасия характерна **антиидентификация** с жителями России и её столицы, что может выражать как недовольство «колониальной политикой Москвы» в отношении данного региона, так и не манифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма. В этой связи нельзя не вспомнить результаты социологических исследований, проведённых нами в 90-х гг. в Красноярском крае, которые свидетельствовали о существовании скрытого потенциала сибирского регионально-территориального сепаратизма¹.

Использование факторного анализа показало, что на уровне массового бессознательного респондентов как Красноярского края, так и Республики Хакасия существуют две латентных переменных, каждая из которых может быть описана следующими индикаторами:

Ф-1 выражает близость респондента с жителями поселения, в котором он проживает, жителями республиканского (краевого) центра, жителями всей республики. Описательная сила фактора – Красноярский край – 40,7%, Республика Хакасия – 39,3%.

Ф-2 описывает самоидентификацию респондентов с жителями Москвы, жителями всей России, жителями бывших республик СССР и жителями всей Земли. Описательная сила фактора – Красноярский край – 30,2 %, Республика Хакасия – 30,8 %.

Как видим, на уровне массового бессознательного у жителей двух сибирских регионов также преобладает поселенческая самоидентификация с населением своего поселения и региона по сравнению с иными более широкими социально-территориальными общностями и социокультурными общностями.

Можно сказать, что среди жителей двух сибирских регионов превалирует поселенческая идентификация с «малой родиной»; при

¹ Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И. Сибирь на пути к сепаратизму? // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 20–26.

этом люди, населяющие любые иные социальные пространства, часто воспринимаются как далёкие и чужие, что может потенциально порождать серьёзные социально-культурные и социально-политические проблемы.

Описанные выше данные существенно отличаются от результатов всероссийского исследования, проведённого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина, которые представлены в табл. 1.2. Очевидно, что у населения двух сибирских регионов на уровне массового сознания социокультурная самоидентификация с жителями всего своего региона (23 % – Красноярский край, 32 % – Хакасия, 59 % – Россия в целом), всей России (соответственно 17, 22, и 38 %), бывших республик СССР (7, 7 и 23 %) и всей Земли (11, 14, и 20 %) выражена заметно слабее, чем у населения страны в целом. Подобные выводы подтверждают и результаты факторного анализа ответов россиян, который также свидетельствует о преобладании у россиян значительно более широкой пространственной самоидентификации – с жителями всей России, бывших республик СССР и всей Земли.

Так, Ф-1 описывает самоидентификацию респондентов с жителями всей России, бывших республик СССР и всей Земли. Описательная сила фактора – 57,5 %.

Ф-2 выражает самоидентификацию опрошенных россиян с жителями поселения, в котором они живут, а также всей их области/края (республики). При этом жители бывших республик СССР и всей Земли зачастую воспринимаются как чужие. Описательная сила – 20,1%.

Специфика поселенческой самоидентификации сибиряков, на наш взгляд, свидетельствует о тенденции нарушения социально-психологического и социокультурного единства российского социума. К подобным заключениям приходит и алтайский социолог Д.И. Щербинин. Опираясь на результаты социологических исследований в ряде сибирских регионов, в том числе в Красноярском крае, автор делает вывод о том, что современный сибирский сепаратизм существует и характеризуется неманифестированностью, латентной конфликтностью, причём налицо признаки его выхода из латентной фазы в следующую стадию конфликта. Он проявляется главным образом: во-первых, в росте массового недовольства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспро-

Таблица 1.2

**Чувства близости или отдаленности жителей Российской Федерации
с жителями территориальных общностей/сообществ**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Объекты самоидентификации	Есть близость	Нет близости	Не знаю
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	76	16	8
Жители краевого (областного) центра, хотя я там и не живу	-	-	-
Жители всей моей области / края (республики)	59	27	14
Жители Москвы – столицы России	-	-	-
Жители всей России	38	43	19
Жители бывших республик СССР	23	55	22
Жители всей Земли	20	55	25

порций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской России; во-вторых, в негативно-стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающим социальную напряженность в сибирских субъектах Российской Федерации; в-третьих, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири. Причём различные проявления сибирского сепаратизма в настоящее время находятся в неодинаковой стадии развития: от уровня социального риска до стадии прямой угрозы целостности российской государственности¹.

Об этом свидетельствуют и данные, полученные нами в рамках настоящего исследования. Респондентам был задан вопрос «Учитывают ли реформы, проводимые Правительством РФ, интересы Сибири?» (табл. 1. 3). Только 4 % опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия ответили «в полной мере». По мнению

¹ Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях): автореферат дис. ... канд. социол. наук. – Барнаул, 2010. – С. 9–10.

Таблица 1.3

Распределение ответов на вопрос «Учитывают ли реформы, проводимые Правительством РФ, интересы Сибири?»
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
Учитывают в полной мере	4	4
Учитывают частично	48	45
Не учитывают совершенно	24	17
Затрудняюсь ответить	25	34

большинства респондентов, «учитывают частично», а 24 % респондентов в Красноярском крае и 17 % – в Хакасии полагают, что эти реформы интересы Сибири «не учитывают совершенно». Ровно четверть опрошенных в крае и треть – в республике затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, в целом, 72 % опрошенных жителей Красноярского края и 62 % населения Республики Хакасия в той или иной мере сомневаются в том, что реформы, проводимые Правительством РФ, учитывают интересы Сибири. Несколько выше доля критически настроенных среди респондентов, проживающих в региональных центрах и других городах, ниже в сельской местности.

Для изучения мнения экспертов был предложен открытый вопрос «Как Вы считаете, изменились ли жители Красноярского края по сравнению с россиянами в целом в результате реформ? Отразились ли реформы на традиционном «сибирском менталитете»? В результате контент-анализа ответов экспертов были получены следующие данные:

- изменились, как и все россияне, особенный сибирский менталитет не проявился (31 %);
- нет, не изменились (29 %);
- изменились, но в меньшей степени, чем все россияне; это связано с большей традиционностью и «периферийностью» территории (16 %);
- изменились в негативную сторону (пострадала нравственность, ухудшилось финансирование, отношения стали менее искренними) (8 %);

Таблица 1.4

**Распределение ответов на вопрос «Среди каких людей
Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?»
(% от числа опрошенных, 2010 г.)**

Варианты ответов*	Красноярский край	Республика Хакасия	РФ
В семье	66	61	76
В компании друзей	27	34	49
Среди соседей	2	2	24
На работе	9	11	24
В кругу единоверцев	2	2	5
Другое	2	2	-
Нигде	3	3	3
Отказ от ответа	4	3	1

* Допускается отметить не более трех вариантов

- да, изменились в целом (8 %);
- усилилось региональное самосознание (5 %);
- да, в силу иных жизненных условий, поскольку край живет лучше, чем остальные территории (3 %).

Таким образом, опрос показал, что подавляющее большинство опрошенных экспертов выявляют или специфические социокультурные изменения по сравнению с россиянами в целом произошедшие под влиянием особого сибирского менталитета жителей Красноярского края, или констатируют их отсутствие и сохранение традиционного сибирского менталитета. При этом только менее трети экспертов (31 %) не видят специфического проявления сибирской ментальности (или полагают, что феномен «сибирский менталитет» не существует как таковой) и считают, что в результате реформ сибиряки изменились так же, как и все россияне. На наш взгляд, данная тенденция может являться признаком недостаточного включения Красноярского края в общероссийские интегративные процессы. Безусловно, подобная гипотеза носит условный характер и требует привлечения дополнительных данных для исследования.

Отвечая на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (см. табл. 1.4), две трети жителей Краснояр-

ского края назвали семью. Именно собственная семья в настоящее время выступает основным психологическим «убежищем» человека от проблем и опасностей окружающего мира, именно родные и близкие и составляют его жизненный мир. Значительно больше социальная дистанция респондентов от друзей – только четвертая часть респондентов сказали, что наибольшее взаимопонимание они находят в компании друзей. Почти каждый десятый из опрошенных назвал в качестве предпочитаемого круга общения коллег по работе. Совершенно незначительное место как круг общения жителей региона занимают соседи (2 %) и единовверцы (2 %). Контент-анализ варианта ответа «другое» показал, что респонденты наиболее часто называют «везде», «где угодно».

Как следует из данных, приведённых в табл. 1.4, можно говорить о тенденции атомизации двух обследованных сибирских региональных социумов, ослаблении и нарушении в них социальных связей между людьми, когда жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и сужается до пределов населённого пункта, в котором он проживает. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что наибольшее взаимопонимание четверть жителей Красноярского края и около трети населения Республики Хакасия находят в компании друзей (данные по России в целом – 49 %), два процента – среди соседей (Россия – 24 %), примерно каждый десятый в Красноярском крае и Республике Хакасия – на работе (Россия – 24 %). И даже в семье россияне в целом чаще находят взаимопонимание – 76 %, чем жители Красноярского края – 66 % и Республики Хакасия – 61 %, что говорит и о более остром проявлении в Восточной Сибири деструктивных процессов в сфере семейных отношений.

В вопросе об общем эмоциональном отношении к своему региону (табл. 1.5), большинство респондентов-сибиряков выбрали вариант ответа «в целом я доволен, но многое не устраивает» – соответственно 46 % и 40 %. В целом по России подобные ответы дали 41% опрошенных. Но только каждый четвертый из опрошенных жителей Красноярского края и каждый третий из жителей Хакасии ответил: «Я рад, что живу здесь», в то время как аналогичным образом ответили 41 % респондентов из числа населения России в целом. У сибиряков также выше, чем у населения страны в целом, безразличное отношение к своему региону, а также желание уехать в другой регион или же вообще покинуть Россию.

Таблица 1.5

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?»
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия	РФ
Я рад, что живу здесь	24	31	41
В целом я доволен, но многое не устраивает	46	40	41
Не испытываю особых чувств по этому поводу	12	13	7
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5	3	5
Хотел бы уехать в другой регион России	6	6	3
Хотел бы вообще уехать из России	4	5	1
Затрудняюсь ответить	2	1	1
Отказ от ответа	1	1	1

Таблица 1.6

Мнение жителей Красноярского края и Республики Хакасия о жизни в своем и соседних регионах
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	10	16
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	62	59
В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	9	8
Затрудняюсь ответить	19	18
Отказ от ответа	0,9	0,3

В этой связи небезынтересно сравнить мнение респондентов из Красноярского края о качестве жизни в данном регионе с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири (см. табл. 1.6).

Сразу отметим, что к числу «патриотов», по мнению которых «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах», относится только каждый десятый респондент в Красноярском крае и каждый шестой – в Республике Хакасия. При этом 9 % сибиряков-красноярцев и 8 % жителей Хакасии придерживаются противоположной позиции – «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах». Однако большинство опрошенных – 62 % в крае и 59 % – в республике – полагают, что «по сравнению с одними регионами, у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже». Иными словами, придерживаются нейтральной позиции.

Образно говоря, результаты исследований в двух регионах Восточной Сибири показывают, что их представители – это скорее «представители конкретного поселения (деревни, посёлка, города)», в то время как население России в целом зачастую воспринимает себя «жителями всей России, бывших республик СССР и даже всей Земли». Подобная социально-поселенческая самоидентификация сибиряков свидетельствует о глубоко противоречивой социокультурной и социально-психологической ситуации в этих регионах, что в любой момент может привести к негативным социально-политическим последствиям.

1.2. Процессы социокультурной модернизации в регионах Восточной Сибири¹

Реализация в России политики модернизации, провозглашённой Президентом РФ Д.А. Медведевым, встречает определённые трудности, анализу которых посвящён ряд научных публикаций². Как из-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10–03–00001а.

² Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под редакцией Ю.А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – С. 253; Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; Институт социологии РАН. –

вестно, модернизация представляет собой сложный по своей структуре и содержанию процесс, важным элементом которого выступает социокультурная модернизация. Поэтому, не углубляясь в анализ самого содержания процесса современной модернизации России, отметим, что весьма серьёзным и практически неизученным фактором, который может негативно сказаться на её эффективности, являются социокультурные особенности различных регионов страны.

В настоящее время Сибирь выступает одним из наиболее важных как в промышленно-сырьевом, так и в научно-культурном отношении регионов России. Специфика протекания модернизационных процессов в Сибири обусловлена целым рядом различных факторов. Мы сосредоточим своё внимание на социокультурной модернизации в двух важных регионах Восточной Сибири: Красноярском крае (население, по данным на 1 января 2010 г., 2894,9 тыс. человек, площадь – 2339,7 тыс. кв. км, что составляет 13,6 % общей площади РФ) и Республике Хакасия (население – 546 тыс. человек, площадь – 61 тыс. кв. км).

При этом мы будем учитывать некоторые подходы, разработанные китайскими учёными¹. Глубокие исследования процессов модернизации, проведённые специалистами Китайской Академии наук в 131 стране мира, показали, что выделяются два исторических этапа (или вида) модернизации: индустриальная (первичная) и информационная, основанная на знаниях (вторичная). Координация этих этапов, обеспечивающая эффективное снижение угроз и рисков, означает интегрированную модернизацию². Построенная известными российскими учёными Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой агрегированная типология социокультурной модернизированности 25 стран Европы и России свидетельствует, что Россия находится на очень низком уровне социокультурной модернизации, причём первая и вторая модернизации в России рассогласованы... «Налицо низкая социокультурная конкурентоспособность России в сравнении с большинством стран Европы, чреватая взрывоопасными рисками»,

М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 336 с.; Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. Руководитель авт. группы чл.-кор. РАН М.К. Горшков. – М.: ИСПАН, 2010. – 179 с. и др.

¹ CAS (2006) China Modernization Report 2006, edited by Chinese Academy of Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.modernization.com.cn/cmr2006%20overview.htm.

² China Modernization Report 2010: Overview of World Modernization. – Beijing, Peking University, 2010. – 461 p.

подчёркивают авторы¹. Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой регионы Восточной Сибири находятся на более низком уровне социокультурной модернизации, нежели Россия в целом, что порождает определённые угрозы и риски.

Эмпирические исследования осуществлены социологами Сибирского федерального университета в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный доктором философских наук, профессором, членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным социокультурный подход², а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социологических наук, профессором Л.А. Беляевой³. Эмпирической база была охарактеризована ранее (см. Введение).

С помощью методов математической статистики были выделены следующие индикаторы процесса социокультурной модернизации, наиболее ярко показывающие специфику сибирских регионов по сравнению с Россией в целом:

- локус контроля (представление человека о том, от кого зависит улучшение его жизни);
- жизненные стратегии респондентов;
- представления населения о том, в какой мере реформы, проводимые правительством страны, соответствуют интересам жителей Сибири;
- протестный потенциал населения регионов;
- удовлетворённость населения своей жизнью;

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН [Электронный ресурс] // Интеллектуальная Россия. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integririvannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html

² Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 15–40.

³ Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 41–64.

- мнения респондентов о том, что необходимо в первую очередь сделать для улучшения жизни населения;
- поселенческая самоидентификация жителей регионов Восточной Сибири.

Также были использованы результаты контент-анализа ответов экспертов на вопросы о социальных последствиях постсоветских реформ и о влиянии этих реформ на сибирский менталитет.

Итак, рассмотрим локус контроля. Если респондент полагает, что улучшение его жизни зависит в основном от внешних факторов, – это свидетельствует о преобладании у него внешнего, экстерналистского локуса контроля. Если придерживается мнения, что сам несёт ответственность за улучшение своей жизни, – это показатель интерналистского, внутреннего локуса контроля. Обладающий таким локусом контроля человек более самостоятелен в своих решениях и поступках, его поведение способствует реализации современных модернизационных процессов.

Как следует из данных, представленных в таблице 1.7, жители Красноярского края и Республики Хакасия на вербальном уровне демонстрируют значительное преобладание интерналистского локуса контроля над экстерналистским; на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит» более половины опрошенных – 57 % – Красноярский край, 63 % – Республика Хакасия, 54 % – Российская Федерация в целом – выбрали вариант ответа «от вас самих». Характерно, что при этом население России в целом демонстрирует менее высокий показатель интерналистского локуса контроля, нежели жители исследуемых сибирских регионов (см. табл. 1.7).

Использование факторного анализа показало во многом сходную картину как в глубинных слоях массового сознания населения России в целом, так и у жителей двух сибирских регионов. В каждом из трёх случаев выделились два фактора, первый из которых (описательная сила 40 – 42 %) характеризует мнение респондентов о том, что улучшение их жизни зависит от самого себя и собственной микросреды (близких родственников, друзей, земляков). Второй фактор (описательная сила 24 – 27 %) выражает зависимость от районной, городской, республиканской, краевой и общероссийской власти.

Весьма характерной особенностью сибирского менталитета является факт, что «начальника по работе» респонденты из двух сибирских регионов включают в свою микросреду, в то время как жители России в целом относят его к представителям власти. Это говорит о

Таблица 1.7
Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит»
 (% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Полностью зависит			Пожалуй, зависит			Не знаю, трудно сказать			Пожалуй, не зависит			Совершенно не зависит		
	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация
От вас самих	57	63	54	28	25	30	7	6	6	4	8	3	2	3	
От близких родственников	10	12	18	44	46	44	17	17	13	15	16	11	11	9	
От друзей, земляков	2	3	5	20	24	27	28	28	24	29	26	21	20	18	
От начальника по работе	10	11	12	38	41	34	23	20	17	12	13	17	16	23	
От районной, городской властей	12	10	17	32	32	37	27	29	18	14	17	14	14	11	
От республиканской, краевой властей	11	10	16	31	32	33	28	27	21	14	16	17	15	14	
От общероссийской власти	19	18	23	33	32	35	24	24	18	11	13	14	14	12	

более «близких» неформальных отношениях многих подчинённых со своим непосредственным руководством в данных регионах. В основе лежат патриархальные, «домодернизационные» отношения и ценности во многих трудовых коллективах и организациях двух регионов Сибири независимо от формы собственности, что выступает одним из факторов коррупционного поведения.

В процессе исследования были выделены три базовые стратегии поведения людей во взаимоотношениях с государством:

- иждивенческая – социальные гарантии со стороны государства следует расширить выше минимального уровня потребления;
- рациональная – человек обеспечивает себя сам, но государство должно гарантировать прожиточный минимум каждому гражданину;
- самостоятельная – каждый человек должен обеспечить себя сам (за исключением чрезвычайных обстоятельств: стихийные бедствия, инвалидность и т.п.).

Опрос показал, что наиболее распространённой на вербальном уровне у респондентов в Красноярском крае и в Республике Хакасия является рациональная стратегия опрошенных (табл.1.8). Вместе с тем более трети респондентов выбирают иждивенческую стратегию. Лишь десятая часть жителей края и 13 % населения Хакасии придерживаются самостоятельной стратегии. Таким образом, среди населения сибирских регионов весьма сильны патерналистские настроения, которые препятствуют эффективному осуществлению социокультурной модернизации России.

Для оценки последствий постсоветских реформ для жителей региона и преобладания того или иного типа модернизации экспертам было предложено ответить на следующий открытый вопрос: «На Ваш взгляд, какие социальные последствия постсоветских реформ можно оценить как «позитивные», а какие – как «негативные» для жителей Красноярского края?».

В целом «негативные» последствия реформ, отмеченные экспертами, численно преобладают над «позитивными» (197 вариантов ответов против 146).

Среди выделенных категорий, **«позитивные»** последствия характеризуются следующим образом:

а) появление больших свобод (свобода выезда за границу, слова, мысли, творческого развития, личной жизни и профессионального самоопределения, выбора, совести, поведения) – 28 %;

Таблица 1.8

Распределение ответов на вопрос «Существуют различные мнения о роли государства в Вашей жизни, в социальной защите населения. С каким из них Вы согласны?»
 (% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
Каждый человек должен полностью обеспечить себя сам (за исключением чрезвычайных обстоятельств: стихийные бедствия, инвалидность и т.п.)	11	13
Человек обеспечивает себя сам, но государство должно гарантировать прожиточный минимум каждому гражданину	49	47
Социальные гарантии со стороны государства следует расширить выше минимального уровня потребления	37	37
Затрудняюсь ответить	3	3

б) развитие рынка (появление конкуренции, рынка, либерализма, разнообразия товаров и услуг) – 25 %;

в) развитие бизнеса (предпринимательства, частного сектора, появление возможности зарабатывать) – 16 %;

г) улучшение качества и условий жизни, медицины и образования – 10 %;

д) исчезновение «железного занавеса» (открытие границ, возможность международного сотрудничества, расширение международных связей) – 8%.

е) информатизация (рост доступности информации, появление новых информационных технологий) – 7 %;

ж) появление ориентации на собственные силы, инициативы – 6 %.

В оценке негативных последствий постсоветских реформ эксперты были более единодушны:

а) падение уровня жизни (уменьшение заработной платы, падение уровня жизни, обнищание населения, рост безработицы) – 24 %;

б) разрушение государственных институтов (разрушение систем производства, здравоохранения, образования, сельского хозяй-

ства, снижение качества товаров и услуг, утрата государством контроля за качеством товаров и услуг) – 23 %;

в) духовная деградация (потеря национальной идеи, снижение социальной ответственности, снижение уровня культуры и образования, духовная деградация) – 18 %;

г) рост социальной незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне – 12 %.

Как видим, приведённые ответы экспертов свидетельствуют о том, что в Красноярском крае (анализ публикаций в региональных СМИ в Республике Хакасия даёт все основания полагать, что аналогичная ситуация наблюдается и в этом регионе Сибири) происходит деиндустриализация, что требует «повторения» первичной модернизации. Одновременно вторичная модернизация, основанная «на знаниях», сталкивается в регионе с большими трудностями.

Тот факт, что модернизация страны зачастую осуществляется без учёта интересов населения сибирских регионов, неоднократно всплывал в ходе интервью. В частности, респондентам был задан вопрос: «Учитывают ли реформы, проводимые Правительством РФ, интересы Сибири?» (описание распределения ответов респондентов см. в параграфе 1.1. С. 15). Осознание жителями Сибири подобной ситуации не могло не повлиять на рост их протестного потенциала. С целью его изучения респондентам был задан вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?».

Как показано в табл. 1.9, в целом протестный потенциал населения Красноярского края и Республики Хакасия довольно высок: соответственно, 48 и 43 % опрошенных выразили ту или иную степень готовности (готов + пожалуй, готов) принять участие в акциях протеста (Россия в целом – 31 %). При этом неготовность (пожалуй, не готов + не готов) в этом участвовать высказали 33 % респондентов из края и 37 % из республики (Россия в целом – 59 %). Каждый пятый из жителей сибирских регионов затруднился ответить. Сельское население несколько чаще высказывает готовность принять участие в акциях протеста, что связано с более тяжёлой социально-экономической ситуацией во многих сельских поселениях по сравнению с городами. При этом в разных городах сибирских регионов готовность людей к участию в протестных акциях тоже может различаться, детерминируемая многими специфическими факторами.

Таблица 1.9

**Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста
(против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия	РФ
Готов	20	18	14
Пожалуй, готов	28	25	17
Пожалуй, не готов	15	17	19
Не готов	18	20	40
Затрудняюсь ответить	16	16	10
Отказ от ответа	4	6	2

Итак, протестный потенциал в данных сибирских регионах значительно выше, чем в России в целом.

Всё это свидетельствует о серьёзных проблемах, непреодоленных рисках и угрозах, которые сопровождают процесс социокультурной модернизации в регионах Восточной Сибири.

Как следует из таблицы 1.10 доля респондентов, удовлетворённых своей жизнью (вариант ответа «полностью удовлетворены» + «скорее удовлетворены») в Красноярском крае и Республике Хакасия составляет, 49 и 55% соответственно. В России она заметно выше – 59 % опрошенных. Одновременно в России в целом по сравнению с данными регионами Восточной Сибири несколько ниже доля респондентов, которые в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью («не очень удовлетворены» + «совсем не удовлетворены»): Красноярский край – 32 %, Республика Хакасия – 31 %, Россия в целом – 27 %.

Для выявления слабо реализованных, но актуальных направлений модернизации, стагнация которых таит в себе различные угрозы и риски, респондентам был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения?», который позволит выявить ожидания населения от процессов модернизации страны.

В Красноярском крае, Республике Хакасия (табл. 1.11) и России в целом (табл. 1.12) наиболее распространены следующие ответы: создавать новые рабочие места – соответственно, 56, 54 и 44 %; навести

Таблица 1.10

**Удовлетворенность жителей Красноярского края, Республики Хакасия
и Российской Федерации своей жизнью в целом**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край			Республика Хакасия	РФ, 2006	РФ, 2010
	город	село	всего			
Полностью удовлетворены	9	8	9	12	9	13
Скорее удовлетворены	39	41	40	43	45	46
Затруднились сказать точно	17	16	17	14	17	14
Не очень удовлетворены	28	29	28	27	24	21
Совсем не удовлетворены	5	5	4	4	5	6
Отказались от ответа	2	1	2	1	0	0

Таблица 1.11

**Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению,
необходимо сделать для улучшения жизни населения?»**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов*	Красноярский край	Республика Хакасия
Улучшить медицинское обслуживание	39	38
Создавать новые рабочие места	56	54
Оздоровить природу	20	25
Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	36	32
Развивать малый и средний бизнес	24	33
Решительнее отстаивать интересы региона в центре	23	23
Быстрее строить новые дороги	17	16
Усилить государственный контроль за экономикой	27	26
Улучшать образование	13	18
Затрудняюсь ответить	3	2
Другое	2	2

* Допускается не более трех вариантов ответа

Таблица 1.12

**Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению,
необходимо сделать для улучшения жизни населения?»**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов*	РФ
Улучшить медицинское обслуживание	37
Создавать новые рабочие места	44
Оздоровить природу	24
Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	32
Развивать малый и средний бизнес	14
Решительнее отстаивать интересы региона в центре	11
Быстрее строить новые дороги	16
Усилить государственный контроль над экономикой	19
Улучшать образование	11
Расширить самостоятельность регионов в решении социальных проблем	7
Строить доступное жилье	29
Повысить уровень жизни (увеличить заработную плату, пенсию)	2
Больше внимания уделять проблемам молодежи	1
Улучшить работу служб ЖКХ	1
Сменить руководство	1
Восстанавливать промышленные предприятия / открывать новые	0,2
Способствовать повышению уровня культуры населения	0,3
Заниматься благоустройством города	0,3
Решать проблемы сельского хозяйства	0,4
Сдерживать рост цен	0,3
Отказ от ответа	0,1
Затрудняюсь ответить	5,2

* Допускается не более трех вариантов ответа

порядок, бороться с криминалом, коррупцией – 36, 32 и 32 %; развивать малый и средний бизнес – 24, 33 и 14 %; усилить государственный контроль за экономикой – 27, 26 и 19 %; решительнее отстаивать интересы региона в центре – 23, 23 и 11 %, оздоровить природу – 20, 25, и 24 %.

Как видим, имеются существенные различия в ответах сибиряков и жителей России в целом, которые свидетельствуют о различных темпах социокультурной модернизации двух восточносибирских регионов и всей страны. На основании проведённых исследований можно сделать выводы, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: регионы Восточной Сибири находятся на более низком уровне социокультурной модернизации, нежели Россия в целом.

Модернизационные процессы в изученных регионах Восточной Сибири затруднены целыми рядом социокультурных факторов, специфичных для этих регионов. При этом жители двух сибирских регионов имеют более высокий показатель интернального локуса контроля, нежели население России в целом, что говорит о потенциально более благоприятных условиях и перспективах проведения социокультурной модернизации в Сибири. Однако среди населения сибирских регионов весьма сильны патерналистские настроения, значительно более широко распространены патриархальные ценности и социальные нормы, которые препятствуют эффективному осуществлению социокультурной модернизации этой части России. Вместе с тем такая ситуация способствует поддержанию некоторой социальной стабильности в Красноярском крае и Республике Хакасия, когда под влиянием модернизационных процессов, проводимых руководством страны, происходит разрушение социальных связей между людьми, жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и населённого пункта, в котором он проживает. Всё это способствует сохранению патриархальных ценностей и поддержанию элементов квазифеодальных отношений в данных регионах.

В двух регионах Восточной Сибири заметно выше общая неудовлетворённость жизнью, нежели у жителей России в целом, что во многом порождает стремление «найти виновных» в невозможности улучшить свою жизнь. Образ «виновного» проецируется как на различные органы власти и их представителей, так и на жителей центральных и западных регионов страны, а также столицы. Неслучайно примерно для половины опрошенных жителей Красноярского края и несколько меньшей доли жителей Республики Хакасия характерна

антиидентификация с жителями России и её столицы. Существует и препятствует эффективной модернизации также неманифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма.

Налицо незавершённость первичного этапа модернизации в Восточной Сибири. На наш взгляд, можно говорить также и о «модернизационном откате» в этих сибирских регионах, который произошёл в 90-е – 2000-е гг. в связи с разрушением там целых отраслей промышленности. Кроме того, существуют серьёзные риски и угрозы в осуществлении второго, информационного, этапа модернизации как в России в целом, так и в двух сибирских регионах. Ориентация экономики данных регионов на добычу и первичную переработку полезных ископаемых, а также электроэнергетику при слабом развитии социокультурной инфраструктуры зачастую создаёт у респондентов-сибиряков мнение, что они живут в колониальной придатке России. Так, в Красноярском крае и Республике Хакасия происходит деиндустриализация, что требует «повторения» первичной модернизации. Одновременно вторичная модернизация, основанная «на знаниях», сталкивается в регионах с большими трудностями.

Представляется целесообразным привести в заключение слова одного из наших экспертов: «...основным фактором, который препятствует модернизации в Сибири, является колониальная политика, проводимая руководством страны в отношении сибиряков. Обратно говоря, главное препятствие на этом пути – сама принадлежность сибирских регионов к Российской Федерации». Утверждение во многом дискуссионное, однако, его нельзя игнорировать...

2. РОССИЙСКИЙ И СИБИРСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ (по результатам социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия)

2.1. Социологические подходы к изучению понятия «менталитет»

Менталитет русского и сибирского народов можно рассматривать как важнейший фактор, определяющий социальное и экономическое развитие России. Человечество в целом находится в такой стадии развития, когда возрастает зависимость вектора и динамики развития общества и государства от человека, от человеческого и социального капитала. Процессы, происходящие в современном российском социуме, в свою очередь, во многом зависят не только от политической конъюнктуры, но и от существующих в обществе ценностей, национально-психологических особенностей народов Российской Федерации, культурных традиций. В этой связи проблема менталитета заслуживает особого внимания и пристального изучения. С одной стороны, особенности исторического развития формируют менталитет нации, с другой – менталитет как специфическая реальность выступает фактором социального поведения людей.

В широком смысле менталитет понимается как обобщенный способ восприятия мира, манера думать и чувствовать, характерная для людей определенной эпохи или территории. Интерес российской социологической науки к данной проблематике возник на рубеже 80-90-х гг. прошлого века и был вызван изменениями в идеологии и мировосприятии. Данная категория активно вошла в научный оборот в общественных науках, однако из-за своей сложности до сих пор не получила однозначного научного определения. Авторы многих статей, не давая понятию «менталитет» развернутого определения, согласны с тем, что это некая интегральная характеристика людей,

живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него¹. Как правило, социологи характеризуют **менталитет** как «определенное социально-психологическое состояние нации, народности, народа, граждан, запечатлевшее в себе результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета»². Под менталитетом также понимается некоторая глубинная структура сознания, зависящая от социокультурных, языковых, географических и других факторов³. Менталитет – это и образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих индивиду или группе лиц. Таким образом, менталитет представляет собой своеобразный склад различных социально-психологических и психических свойств и качеств, сложившихся в результате длительного исторического воздействия естественно-географических, социально-политических, этнических, культурных условий проживания субъекта менталитета, возникающих на основе бессознательной связи прошлого с настоящим. Это совокупность сходных характерных состояний видения мира, способов чувствования и мышления живущих, действующих в данном обществе людей.

Ментальность (от лат. mens, mentis, «разум, ум, интеллект») – совокупность этнокультурных, общественных навыков и духовных установок, стереотипов. В традиционном значении «ментальность» синонимична «менталитету» и подразумевает, как правило, в социологических контекстах тот или иной «склад ума», то есть устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду (обычно как представителю некоторой социальной группы). Ментальность – способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций, это интеллектуально-эмоциональные особенности индивида, мысли и эмоции которого неразделимы, где мысли диктуются культурой, а эмоции – реакция на изменения внешней среды, которая опирается на культурные ценности инди-

¹ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. – М., 1990.

² Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 94.

³ Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – С. 49.

вида¹. Как указывает Ю.С. Степанов, ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национально-го характера в типичных его проявлениях. Единицей ментальности признается концепт данной культуры².

Нередко социальными учеными применяется термин **картина мира** – совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (также групповом, индивидуальном) сознании. Также под картиной мира понимают все представления человека о действительности. Картина мира обязательно несет на себе национально-культурный отпечаток. Для многих исследователей картина мира предстает как «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» (Т.Г. Утробина). Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира (В.Г. Колшанский). Непосредственная картина мира – это картина мира, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности, включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности³.

В определенной мере с понятием «менталитет» связаны широко распространенные в западной научной литературе поведенческие концепции личности, в том числе «методологический индивидуализм», «теория рационального выбора», а в идеологии – либерализм. Многие западные исследователи менталитета обращают внимание на две ипостаси менталитета, связанные с сознательным и бессознательным – со знаниями и верованиями. Так, американский философ Д. Роулз, автор работы «Теория справедливости», приводит различие между двумя типами логики действий – логикой «разума» и логикой «рассудка». Последняя, по его мнению, носит общественный характер. С подменной рассудочностью логики, логикой разума, связывается появление таких «безжизненных» понятий, как «установка», «когниция», «социализация», «система», взамен нормативно-насыщенных понятий: справедливость, патриотизм, добродетель,

¹ Ментальность [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134513>

² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.

³ Попова З.В., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-запад, 2007. – С. 51.

честность, нация, право и др.¹ Менталитет относится не столько к логике «разума», сколько к логике «рассудка», которая носит общественный характер, возвращая к жизни традиционно устоявшееся представление о социальной справедливости.

В обзоре применения понятия «менталитет» в зарубежной историографии Л. Пушкарев показал, что проблема менталитета вышла далеко за рамки исторической науки. Подводя итоги своего анализа, он отмечает, что менталитет регулирует не мышление человека, а его поведение, его отношение к миру: «Мышление – это познание мира, а менталитет – осмысление мира, его оценка, характеристика. Это манера мышления, своеобразие мышления. Это мышление не по понятиям, а образами, это – эмоциональные и ценностные ориентации (причем не только одного человека, но и коллектива, коллективная психология, влияющая на общественное поведение масс)»².

Мышление образами, типологические характеристики широко используются в художественной литературе. Поэтому отечественные и зарубежные исследователи часто обращаются к литературным источникам. Особое значение для понимания российского менталитета имеет творчество Пушкина, Достоевского, Толстого с их поразительным проникновением в самые глубины народной жизни социальной природы и духовного мира человека. Так, по словам героя «Записок из подполья», на разуме и науке нельзя построить современное общество, можно предположить, что «подполье» и есть то, что называется ментальным пространством, на котором разворачивается противоречие между «быть», «казаться» и «иметь». «Лучшие люди, – пишет Достоевский, – люди сердца». Чтобы умно поступать, одного ума мало. Или еще: объясняя свою любовь к жизни, один из героев Достоевского говорит: «Дороже мне клейкие, распустившиеся весной листочки, дорог голубое небо, дорог иной человек. Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь»³.

Нельзя также не отметить имеющиеся примеры использования проблемы менталитета в работах о будущем российского образования, чему посвящена значительная часть содержания книги Б.С. Гершунского «Философия образования для XXI века». Свою

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

² Пушкарев, Л. Н. Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М., 1999. – С. 81–82.

³ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. – М., 1958. – Т. 9. – С. 288–289.

образовательную концепцию автор строит на основе широкого понимания менталитета, обосновывая его роль в системе ценностей и целей российского образования XXI в. Б.С. Гершунский обосновывает необходимость социологических исследований индивидуальных и групповых характеристик ментальности, указывая в то же время на методологические трудности в исследованиях ментальности социума, который находит свое материальное воплощение в культуре. «По существу, менталитет социума – производная от широко понимаемой культуры, хотя и сам менталитет порождает и изменяет культуру»¹.

Что касается российской истории и российского менталитета, то необходимо также упомянуть исторические портреты В.О. Ключевского, написанные по принципу «Личность в контексте эпохи». В своих исследованиях характера россиян Ключевский учитывал географический фактор, природную среду, материальные и социальные условия жизни. По его мнению, если речь идёт о конкретном человеке, имеет значение вся совокупность окружающих его обстоятельств, формирующих характер поведения от рождения до последних дней.

Как писал Лихачев, «русский идеал широк, но антиидеал устойчив. В Древней Руси человеку была присуща любовь к миру с осознанием его как суетного и греховного, высокая культура сочеталась с некоторой отсталостью. Корни русских в фольклоре, искусстве, культуре в целом, в родной природе. Русский дурак всегда мудр, он свободен от условностей и страха»².

А.О. Бороноев и П.И. Смирнов делают вполне обоснованный вывод о том, что характер русского человека определили законы крестьянской общины³. Отсюда следует, что все достоинства и недостатки нашего народа укладываются в достоинства и недостатки общинного крестьянского быта. При этом авторы доказывают, что русская община была по своей сути тупиковой социальной конструкцией, не пригодной для жизни в условиях нынешней демократии. Это будто бы и обуславливает конфликты современного общества, и предreshает исторический тупик русского самосознания. Сейчас традиционная культура вытеснена из мироощущения, меняется язык, но мно-

¹ Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. – М., 1998. – 175 с.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском // Избранные работы в трех томах. Т. 2. – Л.: Худож. лит., 1987. – С. 418–494.

³ Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские: характер народа и судьба страны. – СПб., 1992.

гие стереотипы продолжают существовать. Русские живут одновременно в нескольких измерениях, где есть и полузабытые традиции, и наследие современной эпохи, и либеральность новой.

Определение «менталитета» с позиций исторической психологии звучит следующим образом: менталитет – это обобщение всех характеристик, отличающих ум, образ мышления. Наибольших успехов в исследовании менталитета достигла французская историческая школа «Анналов». М. Блок и Л. Февр, предложившие понятие «менталитет», обращали внимание своих коллег на тот пласт сознания, который в силу своей слабой отрефлектированности не получал прямого отражения в источниках, а потому и постоянно ускользает из поля зрения историков¹. По мнению последователей данного направления, в человеческом сознании в той или иной форме находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в системе образов, представлений, символов. Именно поэтому изучение образа мыслей людей, способов и форм организации мышления, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании, рассматривается в качестве возможности понять логику исторического процесса как в целом, так и применительно к отдельным историческим феноменам. Приверженцами этой точки зрения на менталитет в отечественной науке стали представители культурологической школы А.Я. Гуревича. Менталитет, по мнению Гуревича, представляет собой тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, - люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бес-сознательно².

На сегодняшний день, ученые-обществоведы переходят к комплексным трактовкам понятия менталитет. Этот подход объединяет историко-психологическую и социокультурную трактовки данного термина. Эта точка зрения исходит из положения о человеке, как части культуры, представляющей собой совокупность практикуемых данным обществом основных способов производства и взаимодействия с природой, деятельности социальных институтов и других

¹ Зубкова Е.Ю. Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. – 1995. – № 7.

² Гринева С. Менталитет и ментальность: преемственность и изменчивость // Бренное и вечное: прошлое в настоящем и будущем философии и культуры: материалы Всероссийской науч. конференции, посв. 10-летию Новгород. Гос. Ун-та им. Я. Мудрого. 27–29 октября 2003 г. – Великий Новгород, 2003. – С. 140–146.

регуляторов современной жизни, а также включающая в себя верования, иерархию ценностей, мораль, особенности межличностного поведения и самовыражения, тот или иной язык, способы передачи опыта через поколения¹.

Сущность менталитета определяется как «общая настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создаёт картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества»². Менталитет социальной общности включает в себя систему коллективных ценностей и характерный для неё набор целей. Индивидуальный менталитет представителя этой общности будет включать, наряду с личностными особенностями, качества, сформировавшиеся в результате воздействия социогенных факторов: менталитета и социального статуса родителей; влияние примера сильных личностей; воздействия системы общественного обучения и воспитания; привитых образцов поведения и культурных традиций, развитости информационного поля социума и другие.

Менталитет – понятие хотя и сложное, но не системное, поскольку включает много составляющих, зависящих от исследовательских подходов. Различные учёные подчеркивают и обосновывают его отдельные черты, например, такие как его проявления во времени большой протяженности (Ф. Бродель), социальная энергия, обладающая исторической силой исключительного значения (А. Гуревич), влияние постоянно утолщающейся социально-психической среды (П. Сорокин). «Мы живём Мёртвыми». «Нами, прежде всего, управляют мёртвые», все поколения, когда-то жившие раньше нас. Жизнь, судьба и деятельность каждого поколения предопределены жизнью и деятельностью предыдущих поколений. Каждое последующее поколение сковано нерасторжимой цепью с предыдущим. Оно может погибнуть, но разбить эту цепь бессильно³.

Важной составляющей менталитета также является и социальная память. Социальная память – это особенность восприятия исторического наследия. Она окрашивает его чувствами, мифологизирует, трансформирует с помощью ошибок и несовершенств чело-

¹ Емельянов Ю.М., Скворцов Н.Г. Культурантропология как традиционная наука и ее нетрадиционные возможности // Вестник ЛГУ. – Сер. 6. – 1991. – Вып. 3.

² Мыльников А.С. О менталитете русской культуры: моноцентризм или полицентризм // Гуманитарий: Ежегодник. – СПб., 1996. – № 1.

³ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М., 1998. – 175 с.

веческой памяти. Наследники этой памяти в последующих поколениях закрепляют в ментальных характеристиках общности правила поведения, основанные на истине и мифологических продуктах сознания. Если в эту канву формирования социальной памяти входят травмирующие осколки исторической или культурной событийности, то память изменяет свой рисунок. Таким образом, наследники начинают острее воспринимать исторические события. Энергетически сильные «пятна» в структуре менталитета могут изменить самосознание общности, её восприятие новых социальных ситуаций и реакции на реальные события, в том числе и политические. Это маркеры социального поведения членов общности, которые не в состоянии закрасить в унифицированный цвет события социальной или политической практики¹.

Академик А.О. Панченко видит в менталитете образ жизни, называемой им «обиход». По его мнению, обиходный слой, составляя фундамент слоя событийного, слагается из «прописей», из принятых научной социальной и культурной формацией аксиом о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, всего того, что определяет поведенческие структуры. Обиходный слой весьма консервативен, он меняется гораздо медленнее, нежели событийный. Обиход трудно описывать потому, что это обиход, который сам себе довлеет и сам собою разумеется². А.О. Панченко прямо не называет «обиход» менталитетом, но, по сути, говорит о нём. Неслучайно в качестве примера российского менталитета он обращается к Лескову не столько как к писателю, сколько как к мыслителю, анализируя его рассказ «Левша». В упомянутой книге есть раздел, посвящённый истории русской души, а в нём – великолепное социальное – ментальное исследование под названием «Лесковский Левша как национальная проблема»³.

Но это история. А что говорят о российском менталитете сегодня? В трудах ряда учёных есть прямые указания на менталитет как сущностную характеристику современного российского социума. Так, современный выдающийся русский философ, политолог и публицист А.С. Панарин, награжденный премией им. А.Н. Солженицына за две блестящие аналитические книги «Реванш истории»

¹ Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно–родовую память сибиряков // Социс. – 2009. – № 9. – С. 127–130.

² Панченко А.О. О русской истории и культуре – СПб., 2000.

³ Там же.

и «Искушение глобализмом», отмечает, что «...наши политологи, пытающиеся переносить западные утверждения на нашу почву, видят препятствие этому в глубоких пластах русской истории, русской традиции в русском менталитете, о который якобы разбиваются усилия власти по демократизации общества. Власть не знает, что делать с этим народом и этой традицией»¹.

Стремление к совершенной правде и справедливости – источник русского героизма, подвижничества, способности к жертве. Прогрессивное восхождение русской нации стало возможным, как отмечал П. Сорокин, потому, что у русского человека всегда была «готовность жертвовать своими жизнями, судьбами, ресурсами и благополучием во имя спасения свободы, достоинства и других великих национальных ценностей»².

Совершенно очевидно, что в наше время понятие «менталитет» связано с особенностями общественной жизни, с теми путями, которыми предстоит идти России. Если она выберет западный путь, то положительное отношение к российской традиции, истории, менталитету вряд ли будет способствовать этому процессу. Кстати сказать, тезис Ф. Фукуямы о конце истории или К. Поппера о кризисе историзма не совместимы с признанием менталитета. И, наоборот, признание менталитета в качестве основной характеристики российского социума обращает нас к истории, традициям народа, к патриотизму. Эта мысль отчетливо проходит по упомянутой выше книге А.С. Панарина. «Сегодня, – пишет А.С. Панарин, – когда «либеральные» теоретики - публицисты рассуждают о тоталитаризме, они делают упор на «туземных» корнях – на традициях русской общины, на причудах неисправимого национального менталитета, словом, на особенностях природы русского человека»³. По мнению А.С. Панарина, «интимная» сторона модернизма, глобализма состоит в последовательном отстранении от национального менталитета. При этом все незападные менталитеты признаются патологиями, которые нельзя изменить просвещением. «Сколько тех или иных «туземцев» не просвещай, их наследственность возьмёт своё и сведёт на нет страдания

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 1998. – С.19.

² Цит. по Андреев А. Русский человек (особенности менталитета) [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/And_RuChel.php

³ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.,1998. – С. 19.

миссионеров»¹. Кто же является носителем национального менталитета, против которого ведут борьбу современные «западники»? Очевидно, крестьянство, интеллигенция и все люди, наделённые культурно- исторической памятью, то есть народ. Новейшая идеология модернизации, полагает автор, направлена на дискредитацию прошлого. В то же время критика прошлого плодит не новаторов, а конформистов: «Глупость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим: модернистский менталитет имеет гораздо более сложную структуру, нежели та плоская идиомерность, которые ныне проповедают поклонники самодовольной современности»².

Вот почему так необходимо рассматривать менталитет как важнейшую социологическую категорию, как понятие, характеризующее глубинную сущность российского социума. Ведь именно в социальной сфере формируются те критерии, основания и ценности, в соответствии с которыми человек выражает своё отношение к жизни, своим поступкам и поведению членов социума в целом. Итак, менталитет отнюдь не модное понятие, а научная категория, отражающая сложные социальные явления, коренящиеся в глубинах народной жизни. Её социологическая актуальность связана не только с обогащением научных знаний, но и с историческими судьбами России. Неоспоримо то, что со словом «менталитет» связывается понимание и оценка происходящих в нашем обществе социально-политических и духовных процессов, которые принято оценивать как результат продолжающихся реформ. «Главные вопросы, обсуждаемые сегодня, – отмечает В. Ядов, – каким может быть путь России, если учесть, что предшествующие два тысячелетия не могли не оставить следа в особенностях культуры и менталитета народа»³. Оценивая продолжающиеся в России процессы, важно помнить слова П. Сорокина: «Реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить её базовым инстинктам»⁴.

В данном исследовании российского и сибирского менталитета был применен системный подход, предполагающий, в частности, междисциплинарный метод анализа ситуаций и рассмотрение явлений в совокупности с другими фактами, с учетом причинно-

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 1998. – С. 19.

² Там же.

³ Ядов В.А. Предисловие. Социология в России. – М., 1998.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

следственных связей и отношений. Менталитет рассматривается как социальный феномен, имеющий в основе объективно существующие и субъективные основания. Таким образом, менталитет может изучаться как система, с присущими ей собственными законами формирования и развития. В качестве базового подхода к изучению менталитета предложен социокультурный подход, трактующий его как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы. Иными словами, менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него¹.

Согласно социокультурному подходу объект и его подсистемы представляют собой взаимопроникающую связь культуры и социальности (М. Вебер, П. Сорокин). Н.И. Лапин, систематизировав принципы социокультурного подхода, выдвигая в качестве исходного принцип человеческой деятельности (К. Маркс), противоречивости функций социального действия (Т. Парсонс), обозначает такую интеграцию позиций классиков, как антропосоциетальный подход². При этом используется и устоявшийся термин «социокультурный подход» – в уточнённой, современной его интерпретации: как синтез субъективно – деятельностного и объективно-исторического понимания общества. С позиций этого подхода общество, или социум, есть антропосоциетальная система, которая представляет собой неразрывную взаимосвязь трёх компонентов: индивидов, культуры, социальности. Социокультурное пространство социума и его региона можно охарактеризовать как множество субъектов культуры и социальности (население, этносы, поселения, организации, институты, иные социальные и культурные общности и сообщества), которые устойчиво связаны с определённой территорией, воздействуют на её объекты и взаимодействуют между собой³. Их взаимодействия образуют социокультурные поля, в которых различаются центр и

¹ Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.

² Лапин Н.И. Общая социология. – М.: Высш. шк., 2006; 2-е доп. изд. – М.: 2009. – Ч. 1.

³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М: Academia, 2009. – 808 с.

периферия, узлы и диффузные рыхлости, горизонтальные и вертикальные структуры, между которыми осуществляется мобильность населения, проживающего на данной территории. Определенные результаты взаимодействия представляют собой наблюдаемый (визуальный) слой социокультурного ландшафта, на котором вырастает идентичность населения с теми или иными ареалами социокультурного пространства. В свою очередь, интенсивность идентичности зависит от различных факторов: социокультурных смыслов ареала (страны, её региона), от физической близости/отдалённости его субъектов друг от друга, от характера и скорости коммуникаций между ними.

2.2. Менталитет как социокультурный феномен: факторы формирования и региональные особенности

Представляется совершенно правомерным рассматривать менталитет как социокультурный феномен. Оно давно вошло в обиход социогуманитарного знания на Западе и связывается здесь с латинскими словами: *mens, mentis*, т. е. ум, мышление, рассудок, образ мыслей, мнение, намерение, размышление и т. д. Так, изначально понятие «менталитет» берёт свое начало от латинского слова *mens*, означавшего в широком смысле ум человека. От него произошло прилагательное *mentis*, появившееся в языке средневековой схоластики в XIV в. Спустя 300 лет в Англии возникло существительное «*mentality*», сохранившее до наших дней значение склада ума, мышления, мировосприятия. В многозначности латинского слова изначально заложена возможность самого широкого его толкования и применения. И действительно, термин активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, во французском языке – *mentalite* – означает направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума. В английском – *mentality* – умственное развитие, склад ума, умонастроение. В немецком – *die Mentalitet* – склад ума, образ мыслей. Следует отметить, что представленные определения отличаются исключительной краткостью, а разнородный характер раскрывающих понятие феноменов свидетельствует о недостаточной научной проработке данного термина.

Что касается научной традиции, то, например, в социологическом словаре, даётся следующее определение менталитета: совокупность и специфическая форма организации, своеобразный склад различных человеческих психических свойств и качеств, особенностей их проявлений¹. Значительное количество определений менталитета в зарубежной (особенно французской) литературе появилось в 60-70 гг., XX в. при этом нередко к менталитету причислялись все проявления духовной деятельности человека. Именно это было усвоено российской гуманитарной наукой конца XX - начала XXI века, как видно они опоздали в разработке этой проблемы от французских учёных на два десятка лет, стали повторять их ранние ошибки².

Менталитет – восприятие мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством.

В западной литературе единое, общепринятое определение менталитета до сих пор отсутствует, хотя есть более или менее распространённые интерпретации этого понятия, дающие основания судить о его значении для теории и практики. В российской философии, культурологии и публицистике понятие менталитета обычно употребляется для характеристики национальных особенностей народов, особенностей культуры. Например, черты русского менталитета – духовность, широта души.

При анализе менталитета следует исходить из того, что данное понятие описывает именно специфику отражения внешнего мира, обуславливающую специфику способов реагирования достаточно большой общности людей. Таким образом, содержание менталитета заключается в когнитивной сфере. Оно определяется теми знаниями, умениями, видением, которыми владеет изучаемая общность. Они выступают базой менталитета, задавая вкупе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующую данную общность.

Отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке, который выступает в силу этого одним из объектов

¹ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь в 2 т. – М.: Вече, АСТ, 1999.

² Лесная Л.В. Интерпретация менталитета в российских и зарубежных источниках // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: Сб. науч. докл. – М., 2003. – С. 237–238.

анализа при изучении менталитета. Кроме специфики связей между элементами языка, отражающей отношение людей к окружающему миру, особое внимание привлекают здесь различия в значениях, которыми в разных культурах наполняется одно и то же понятие (например, «демократия»). Как указывает И.Г. Дубов, эти различия применительно к этносу в целом являются различиями в социальных смыслах этого понятия для тех или иных обществ¹.

Очевидно, что специфика когнитивной сферы отражается и в сфере мотивационной. Система доминирующих в большой социальной группе мотивов, детерминированная существующей иерархией ценностей, отражает некоторые единые для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности и интересы. Эти и другие обеспечивающие готовность действовать определенным образом факторы выступают социальными установками и могут считаться одной из основных характеристик менталитета нации или социального слоя. По существу, все неосознаваемое содержание менталитета, те отличия во взглядах на мир, которые становятся заметны людям только после сравнения себя с представителями иной культуры, представляют собой набор социальных установок.

Трудно не согласиться с мнением И.Г. Дубова о том, что, относясь к когнитивной сфере личности, менталитет наиболее отчетливо проявляется в типичном поведении представителей данной культуры, выражаясь прежде всего, в стереотипах поведения, к которым тесно примыкают стереотипы принятия решений, означающие на деле выбор одной из поведенческих альтернатив. Здесь следует выделить те стандартные формы социального поведения, которые заимствованы из прошлого и называются традициями и обычаями. Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других².

¹ Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.

² Там же.

Менталитет личности как источник социальной динамики формируется и изменяется в зависимости от традиций, социальных структур и среды обитания человека. Среди видов менталитетных образований особое место занимают территориально-географические формы, которые характеризуют население определенных территориальных регионов, составляя его модальные черты, представления и ценности и т.д. Известно, что каждая географо-социальная территория обладает своими особенностями: спецификой природных условий, сложившейся структурой культурных взаимодействий, пространством, отношениями с Центром (метрополией). Все это влияет на формирование своеобразного «типа» населения с его психологическими и нравственными характеристиками, социальным характером сложившейся общности и личности. Это в полной мере относится к Сибири, которая обладает материально-физическими чертами (природа, ландшафт, пространство), множеством культур, традиций, верований и их своеобразным переплетением. Сибирь одна из редких территорий, где сложилась своя субкультура и соответственно структура местного менталитета. Более ста лет тому назад (1888) А. Пыпин писал, что «... Сибирь отличается от России своим гражданским положением, и, кроме того, в своем русском населении представляет этнографический тип, которого опять нельзя отождествлять с господствующим типом русской народности в европейской России»¹. Это же происходило и с аборигенами. В процессе взаимовлияния и смешения культур и традиций они приобщались к европейской культуре, представлениям и опыту жизни. Формированию сибирского типа личности, сибирского менталитета способствовали, кроме природных условий и культурно-бытового приближения народов, сложившиеся отношения с метрополией, которые характеризовались слабой связью, отчужденностью, что во многом было связано с пространственной отдаленностью. Это одна из основ формирования «Сибирской разнородности русского народа» (А. Пыпин), которая приобрела многие представления, традиции и опыт коренного населения (и наоборот), что послужило становлению особых сибирских модальных черт сознания и поведения. Менталитет сибиряков включает в себя первичное мировоззрение (отношения человек – природа, основы пространственной и временной картины мира, нравственные представления), ценностные ориентации и пред-

¹ Пыпин А. Сибирь и исследования её // Вестник Европы. Кн. 4-ая. – апрель, 1888.

почтения, понятие жизненных перспектив и определенной настрой. Он определяет коллективные отношения и взаимодействия, жизненный стиль людей, нравственно-психологические характеристики, что позволяет говорить о сибиряках, сибирском образе жизни и его особенностях. Можно утверждать, что менталитет населения Сибири – это своеобразное сочетание представлений, ценностных ориентаций, верований, нравственных и других норм, который определяет модальные черты этой территориальной общности, личностные характеристики, стиль жизни поведения. Это активно функционирующий феномен, который определяет специфику отношения к окружающей среде, социально-трудовую практику населения, социальную память, жизненные стратегии и их перспективы¹.

Менталитет «откликается» на специфику жизни личности, раскрывается в системе взглядов, оценок, норм и умонастроений; основывается на имеющихся в обществе знаниях и верованиях; задаётся вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного. В поведении личности и внутреннем мире те обычаи, нормы и ценности, которые имеются в составе культуры, срабатывают или же не срабатывают, а подчас могут подвергаться разного рода трансформации. Являясь интегративной характеристикой личности, отражающей психологические, этнические, конфессиональные и иные параметры индивидуума, его систему ценностей и врождённые черты, менталитет во многом модифицирует поведение человека, а также его стремление следовать определённым образцам и моделям социального поведения.

Менталитет можно рассматривать как способ и метод изучения общественных и цивилизационных структур исторического процесса в целом, т.е. изучение менталитета выступает как метод исторического познания. Гораздо большее прикладное значение имеет изучение менталитета конкретной эпохи, конкретной социальной группы или класса. В этом случае часто употребляют не термин «менталитет», а термин «ментальность». Отличие заключается в том, что менталитет имеет всеобщее, общечеловеческое значение, а ментальность может относиться к самым различным социальным стратам и историческим временам. Следует отметить, что употребление этих

¹ Бороноев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=50:2010-04-05-13-59-24&id=435:-iii-----&Itemid=204

двух терминов еще не устоялось. Есть исследователи, которые применяют их как равнозначные.

Составляющими менталитета также являются:

- 1) партикулярная культура
- 2) социальный отклик.

Партикулярный уровень, или бессознательное, отражает общие тенденции частной жизни и во многом обуславливает формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимоотношений с другими индивидами. Это привычные бытовые отношения, ритуалы, социальные нормы, ценности, оценки – словом, отчасти нерелефлируемый мир социальных взаимодействий.

Социальный отклик – это реакция общности или индивида на политику, государственную власть, реформы и т.п.¹

Менталитет формируется в результате индукционного воздействия на человека внешнего мира. Основными факторами, определяющими тип менталитета, являются (в нисходящем порядке):

- литература, прочитанная в детстве и юности;
- биологические факторы (уровень физического и психического здоровья, детские болезни);
- менталитет родителей; социальная среда в детстве и отрочестве;
- воздействие со стороны отдельных “сильных личностей”;
- теле- и кинофильмы, просмотренные в детстве и юности;
- средства массовой информации;
- школа;
- иные формы искусства (кроме литературы и кино)².

Менталитет – мировоззренческая матрица, картина мира в сознании человека и его вписанность в эту картину. Это норма представления мира вокруг себя и себя в нём. Специфические элементы менталитета – интуитивизм, рационализм, цветовая гамма, семейные образы, лиризм и т.д.

Национальный менталитет – это система взаимосвязанных образов, включая бессознательные, которые лежат в основе коллективных представлений нации о мире и о своем месте в мире. Эти образы устойчивы к изменению, большинство из них передается в генотипе

¹ Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской // Полис. – 1995. – № 4.

² Переслегин, С.Б. Понятие менталитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Mentall.htm

и оказывает значимое влияние на конфигурацию других компонентов национального психического склада.

По мнению Г.Н. Волкова, менталитет раскрывается в двух взаимосвязанных структурных элементах: национальная идея, национальный герой¹.

Национальная идея – это образ идеального национального общества. В структуру этого образа включены, с одной стороны, представления о национальном обществе, которое в национальном сознании представляется идеалом, с другой – представления о позиционировании этого национального общества в общемировой системе, например, представление о России как о третьем Риме.

Национальная идея – это квинтэссенция менталитета, часто по национальной идее можно судить обо всем национальном менталитете в целом. Национальная идея может быть осознанной или неосознанной народом, но она обязательно присутствует в глубинах национального духа, дожидаясь того удобного момента, когда наступят реальные условия для попытки ее воплощения.

Национальный герой – типичный яркий выразитель национальной идеи, несовпадающий у разных народов.

Формирование российского менталитета происходит под влиянием следующего комплекса факторов²:

1. Геоклиматические (географическое положение, рельеф, климат местности).

2. Этноисторические (общность исторических изменений – образ жизни славян в лесах, занятие переложным земледелием и всем тем, что связано с этим процессом).

3. Социально-экономические изменения (длительное господство в системе земельных отношений России общины как определенного социального института).

4. Религиозные (формирование спектра нравственных ценностей русского народа на основе православной ветви христианской религии).

Формирование особенностей менталитета русского народа происходит, во-первых, под влиянием комплекса условий:

– структурные условия (природные, социальные, духовные);

¹ Волков, Г. Н. Этнопедагогика. – М., 2000. – С. 49.

² Концепции формирования российского менталитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/management/00293466_0.html

– функциональные условия (длительная консервация общины в России приводила к формированию целого ряда особенностей русской ментальности: таких особенностей поведения русских, как коллективизм, взаимопомощь и взаимовыручка в труде; формирование специфических нравственных качеств людей, таких как сострадательность, сочувствие чужому горю).

Эти условия начинают действовать одновременно: вначале включаются природные факторы, затем особенности жизни и занятий сельским хозяйством населения, а отсюда уже особенности формирования менталитета русской нации.

На менталитете русского народа в значительной степени отразилась и суровость климата. Проживая на территории, где зима длится около полугода, русские выработали в себе огромную силу воли, упорство в борьбе за выживание в условиях холодного климата. Низкая температура в течение большей части года повлияла и на темперамент нации. Существует мнение, что русские более меланхоличны, медлительны, чем западноевропейцы. Им приходится сохранять и аккумулировать свою энергию, необходимую для борьбы с холодом. Северно-евразийский характер нашей страны сформировал тип национальной психологии, который не только не соответствует преобладающим мировым тенденциям, но прямо противоположен им. Отсюда вместо развития товарного хозяйства – психология ухода в натуральное хозяйство (спасительная в годы иностранной интервенции, но непродуктивная для строительства интенсивной экономики), вместо самостоятельности – привычка к патернализму, вместо высоких материальных запросов – неприхотливость к условиям жизни.

Суровые российские зимы оказали сильное влияние на традиции русского гостеприимства. Отказать путнику в крове зимой в наших условиях означает обречь его на холодную смерть. Поэтому гостеприимство воспринималось русскими людьми не иначе, как сама собою разумеющаяся обязанность. Суровость и скупость природы научили русского человека быть терпеливым и послушным. Но еще большее значение имела упорная, непрерывная борьба с суровой природой. Русским издавна наряду с земледелием приходилось заниматься и всякого рода ремеслами. Этим объясняется практическая направленность их ума, ловкость и рациональность. Рационализм, расчетливый и прагматичный подход к жизни не всегда помогает великороссу, так как своенравие климата порой обманывает самые скромные ожидания. И, привыкнув к этим обманам, русский человек

предпочитает порой выбрать очертя голову самое что ни на есть безнадёжное решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эту склонность дразнить счастье, играть в удачу В.О. Ключевский назвал «великорусским авосем».

Жить в таких непредсказуемых условиях, когда результат труда зависит от капризов природы, можно только с неисчерпаемым оптимизмом. В рейтинге национальных черт характера, составленном на основе опроса журнала Reader's Digest, проведенного в 18 европейских странах в феврале 2001 г., это качество у россиян оказалось на первом месте. Оптимистами объявили себя 51 % российских респондентов (пессимистами – только 3 %)¹.

Особую роль в становлении менталитета русского народа сыграли реки, горы, в том количестве вулканического происхождения, степи и т.д. Различие природных условий порождает разного рода образ жизни, разные типы трудовой и хозяйственной деятельности. С одной стороны, степь символизировала волю, удачу, разгул, широту, не ограниченные никакими узами и запретами, это зримый образ безмерности и безудержности, свободы и самостоятельности; с другой – это воплощение бездомности и бездоля русского человека, его брошенности на произвол судьбы и сложной задачи одинокого выживания.

Любовь русского человека к реке безгранична, она была соседкой и кормилицей, воспринималась как член и даже глава семьи (в частности Волга-матушка, Енисей-батюшка, Амур-батюшка). Река служила водным и ледовым маршрутом, воспитывала в народе «чувство порядка» и общности, приучала прибрежных обитателей к общению с «чужими людьми», в том числе и с соседними народами, воспитывала дух предприимчивости, сближала разбросанные селения. Если что и способствовало формированию в русском народе навыков предпринимательства и торговли раннекапиталистического духа, то таким фактором являлась на Руси как раз река.

Географической основой русской истории, как отмечал русский историк Г. Вернадский, является соотношение лесной и степной зон, борьба леса и степи, граница между которыми была и остается до сих пор размытой – и в ландшафтном, и в хозяйственном отношении².

¹ Волюнкина В.М. Менталитет русского народа при изучении географии России в 8–9-м классах [Электронный ресурс] // География. – 2003. – № 4. – Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2003/04/9.htm>

² Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. – Прага, 1927.

Лесная зона с древнейших времен – территория охотников; степная – территория скотоводов. Земледелие вбивало «клин между лесом и степью», вместе и разделяя, и сближая охотничью и скотоводческую культуры Евразии. Русский народ выступал в истории Евразии большей частью носителем земледельческой культуры, впрочем, наряду с земледелием он был посредником между лесными промыслами и степным скотоводством. Называя русский народ не только народом-пахарем, но и лесопромышленником, и скотоводом, Г. Вернадский в то же время утверждал, что это одновременно и народ–посредник между разнообразными хозяйственно-природными местами, всяческими этносами и народностями, живущими по соседству; народ-торговец, для которого огромное значение имели торговые дороги и, прежде всего естественные пути, объединяющие лес и степь, т.е. великие реки с их притоками. Так, образы маршрута, реки, лесостепи, межкультурного посредничества стали созвучны как составная статья менталитета русской культуры в общем. Большое влияние оказывала на менталитет русского человека бескрайняя равнина, отличающаяся пустынностью и однообразием, протяженностью и неопределенностью. Равнинность ландшафта порождала противоречивый культурно-семантический комплекс в сознании русского народа: душевная мягкость и скромность дополнялись семантической неопределенностью и робостью; невозмутимое спокойствие граничило с тягостным унынием; отсутствие ясной мысли, вытекающее из предрасположенности к духовному сну, порождало отвлеченную мечтательность, оправдывавшую лень; аскетизм пустынножительства, родственной беспредметности творчества, приводил к глубокому предубеждению в отношении житейских удобств и бытового благоустройства¹.

В таблице 2.1 перечислены факторы, влияющие на менталитет, в соотнесении с национальными чертами русского характера.

Каждый регион выполняет специфическую роль в жизни российского общества в целом. С каждым годом всё большую актуальность приобретает необходимость глубокого изучения горизонтального среза социокультурного пространства российского общества.

В широком, общетеоретическом, смысле регион – это исторически сложившееся социокультурное сообщество, в котором первич-

¹ Факторы влияющие на развитие русского менталитета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mentalite.ru/factory-vlijajushchie-na-razvitie-russkogo-mentaliteta.html>

Таблица 2.1

Факторы, влияющие на черты национального характера¹

Факторы, влияющие на менталитет	Черты национального характера
Географическое положение, обширность территории	Широта души Вольность Духовная свобода Подавленность Бесхозяйственность Безынициативность Лень (обломовщина)
Климат (суровость климата, длинная зима, низкие температуры)	Меланхоличность Медлительность Недооценка своего труда Гостеприимство Терпение Послушание Коллективизм
Ландшафт	Созерцательность Мечтательность Наблюдательность Вдумчивость Слежение за природой (смотреть в оба) Обсуждение пройденного пути

ные поселенческие общности и жизненные миры людей непосредственно взаимодействуют со структурами большого общества – институтами, организациями. Регион возникает на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей. Население региона живёт в первичных территориальных общностях – городских и сельских поселениях, консолидировано ценностями и нормами культуры. Как мезоуровень большого общества регион представляет собой социокультурное сообщество, которое включает общности и имеет сложную, многомерную структуру. Каждый реги-

¹ Вольнкина В.М. Менталитет русского народа при изучении географии России в 8–9-м классах [Электронный ресурс] // География. – 2003. – № 4. – Режим доступа: <http://geo.1september.ru/2003/04/9.htm>

он обладает особенностями, отличающими его от других регионов данного социума, взаимодействует со многими из них, выступает как активная ячейка горизонтальной дифференциации социокультурного пространства общества¹.

Российский и сибирский менталитет – это действительно два отличающихся друг от друга менталитета. Большинство жителей Сибири отождествляют себя с сибиряками и, по их же мнению, являются носителями «сибирского характера».

Как уже было отмечено, менталитет включает в себя социальную память. Социальная память, (следовательно, и менталитет сибирской территориальной общности) имеет длительную историю формирования под воздействием ряда факторов:

1. *Природно-климатический фактор.* Сибирь привлекала обилием земель и угодий. Там, где была возможность изменить правила общинного землепользования, формировался тип нового хозяина, отличавшегося от крестьян в европейской части России особым достоинством, укладом жизни, определённой свободой². Климат (суровость климата, длинная зима, низкие температуры) формирует меланхоличность, медлительность, недооценку своего труда, гостеприимство, терпение, послушание, коллективизм, безудержность.

2. *Географическая удалённость, обособленность,* в том числе и экономическая, от центра государства. Формирование сибирской общности изначально было основано на дихотомии «Сибирь-Европейская Россия»³. Географическое положение, обширность территории, ландшафт формируют такие черты, как широта души, вольность, духовная свобода, подавленность, лень (обломовщина), созерцательность, мечтательность, наблюдательность, вдумчивость, слежение за природой (смотреть в оба), обсуждение пройденного пути.

3. *Социально-политический фактор* основан на отсутствии крепостного права, на более выгодном положении крестьянства в «некоренной» России. Это «крестьянский» край, где не было дворянства. Представители привилегированных сословий, как правило, приезжали в Сибирь социально и политически мёртвыми, лишён-

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М: Academia, 2009. – 808 с.

² Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно родовую память сибиряков // Социс. – 2009. – № 9. – С. 127–130.

³ Там же.

ными чинов и званий. В архивных документах встречаются акты и сделки на землю, оформленные крестьянами наравне с представителями других сословий. В одной семье братья могли быть чиновниками, хлебопашцами, но по рождению дворянами. Между крестьянами встречались дети духовного звания, а в духовенство попадали из крестьян. Существенной чертой сибирской общественной жизни и нравов является демократизм.

4. *Особенности менталитета сибиряков*, основанные на осознании общности исторического прошлого. Уже к середине XVII в. сложился особый этнографический тип жителя Сибири – «сибирянина», а сибирскую территориальную общность в «Краткой Сибирской Летописи» называют красивым неологизмом – «Сибирство». Население Сибири исследователи считают особым этнографическим типом, в котором просматриваются особый характер, физический и бытовой; колонизация соединила в Сибири людей весьма различного происхождения и склада, которые, не сохранив первоначальных свойств, в своём взаимодействии выработали новые черты на русской племенной основе.

5. *Мирное сосуществование этносов* определяло межнациональное общение в Сибири как ассимиляционный процесс. Сибирь представляла собой большой котёл, огромную территорию без национальных и конфессиональных границ, где сложилась ещё одна черта сибирства – толерантность.

6. *Многослойность* исторического формирования социальной семейной памяти сибиряков¹.

2.3. Российский менталитет и его ключевые черты (по данным социологических исследований)

Несмотря на утрату значительных территорий после распада СССР, современная Россия остаётся большим многонациональным обществом, социокультурным макросоциумом. Её социокультурное пространство глубоко противоречиво. С одной стороны, оно представляет собой исторически сложившееся целое, основу кото-

¹ Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно – родовую память сибиряков // Социс. – 2009. – № 9. – С. 127–130.

рого составляет единство ряда базовых критериев. С другой – оно спонтанно дифференцировано по горизонтали и целенаправленно по вертикали. Это проявляется как в согласованных действиях, так и в противоречиях центра и регионов Российской Федерации, в межрегиональных и внутрирегиональных конфликтах, подчас создающих угрозу целостности страны¹.

Россия – самое большое государство мира, расположенное в Восточной Европе и Северной Азии. Занимает территорию 17 075 400 км² или 11,46 % площади всей суши Земли, или 12,65 % заселённой человеком суши. Население на 2010 год составляет 141 927 296 человек, в настоящее время страна занимает девятое место в мире по этому показателю. Государственный язык на всей территории страны – русский. В 23 субъектах РФ наряду с русским используются другие государственные языки. В составе Российской Федерации 83 равноправных субъекта Федерации, в том числе 21 республика, 9 краёв, 46 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа.

Согласно данным переписи населения 2002 г., в России проживают представители более 180 национальностей (этнических групп). Около 80 % населения России составляют русские (табл. 2.2). Русские расселены по территории страны неравномерно: в некоторых регионах, таких как Ингушетия, составляют менее 5 % населения. Важно отметить, что Россия – многонациональная страна и нередки случаи, когда русскими называют гражданина России, но не русского по национальности. Представители многих национальностей говорят на русском языке без акцента, могут соблюдать обычаи русской культуры, однако по рождению не являются русскими, принадлежат к другой национальности, при этом нередко владеют языком своего этноса и идентифицируют себя с его представителями, и в таких случаях национальная культура, традиции обязательно накладывают отпечаток на способ мышления, менталитет.

По результатам исследований 2010 г. Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», мигрантов из стран бывшего СССР в России только 5 % (табл. 2.3). По данным переписи 2002 г. мигранты составляли 4 % населения России. По данным опро-

¹ Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расщепления Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 41–64.

Таблица 2.2

**Этнический состав населения
(% от числа опрошенных, по данным переписи 2002 г.)**

Российская Федерация			
Пять наиболее многочисленных этнических групп	%	Некоторые другие значимые этнические группы	%
Русские	79,8	Чеченцы	0,9
Татары	3,8	Армяне	0,8
Украинцы	2	Мордва	0,6
Башкиры	1	Аварцы	0,6
Чуваши	1	Белорусы	0,6
Всего этнических групп в стране	N = 180		
Красноярский край			
Пять наиболее многочисленных этнических групп	%	Некоторые другие значимые этнические группы	%
Русские	88,95	Белорусы	0,61
Украинцы	2,31	Чуваши	0,57
Татары	1,5	Армяне	0,37
Немцы	1,24	Мордва	0,25
Азербайджанцы	0,66	Долганы	0,2
Всего этнических групп в регионе	N = 157		
Республика Хакасия			
Пять наиболее многочисленных этнических групп	%	Некоторые другие значимые этнические группы	%
Русские	80,3	Белорусы	0,5
Хакасы	12	Чуваши	0,5
Немцы	1,7	Мордва	0,3
Украинцы	1,5	Азербайджанцы	0,3
Татары	0,7	Шорцы	0,2
Всего этнических групп в регионе	N = 100		

Источник: Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство», табл. 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

Таблица 2.3

**Распределение ответов на вопрос «Вы здесь родились
или приехали из другого места?»**
(% от числа опрошенных, РФ, 2010 г.)

Здесь родился	55
Из другого города/ села этой области/края	29
Из другой области/республики/края России	11
Из другой страны бывшего Советского Союза	5

са в Красноярском крае и Республике Хакасия, приехали из другого региона РФ или стран СНГ 18 % и 14 %, соответственно (табл. 2.3).

Описание русского менталитета – трудновыполнимая и чрезвычайно масштабная задача, поэтому позволим себе отметить лишь ключевые, самые яркие, его черты.

Ю.Е. Прохоров и Е.А. Стернин на основе анализа коммуникативного поведения носителей русского языка выделяют следующие основные характеристики русского менталитета: соборность, душевность социальных отношений, созерцательность мышления, историческая терпеливость, бытовая импульсивность, неосмотрительность, нелюбовь к среднему (склонность к крайностям), закононебрежение (допущение исключений из правил и правовой нигилизм в целом), ответственность перед внешним контролем, потребность в идеалах, стремление к справедливости, второстепенность материального, национальная самокритичность, пассивность в приобретении знаний, надежда на централизованное решение всех проблем, вера в возможность быстрого и простого решения сложных проблем¹.

Одна из наиболее ярких черт российского менталитета связана с историей крепостного права. По данным переписи населения конца XIX в., в России более 80 % населения составляли крестьяне. В течение почти тысячелетия до этого в России существовали различные формы крепостничества, которое со временем изменялось только в сторону ужесточения. По сути, жизнь крестьянина делилась на две неравные части: большую часть рабочего времени он трудился на

¹ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта; Наука, 2007. – С. 90–123.

Таблица 2.4

**Распределение ответов на вопрос «Вы здесь родились
или приехали из другого города (села), из другого региона?»**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
Здесь родился	43	51
Приехал по своему желанию из другого города (села) нашего региона	38	35
Приехал по своему желанию из другого региона РФ или СНГ	17	13
Вынужденный переселенец из другого региона РФ или СНГ	1	1
Отказ от ответа	1	0

помещика, остальное время – работал на самого себя. Если крестьянин хорошо выкладывался, работая на хозяина, то ему не оставалось сил так же качественно работать и на себя. Поэтому в менталитете четко закрепилось разделение между «работой на себя» и «работой на хозяина».

Что касается финансово-экономической сферы, то в русском языке существует много отрицательно окрашенных слов, связанных с понятием прибыли, выражающих глубинные черты ментальной психологии: нажива, барыга, куш, деляга, торгаш, хапуга. В советскую эпоху в этот негативный ряд попали слова: предприниматель, финансист, бизнесмен, коммерсант, собственник, спекулянт¹.

В настоящее время материальное положение жителей России не является удовлетворительным (табл. 2.5). Исследование показало, что на повседневные затраты уходит вся заработная плата у 19 % россиян, причём у 12 % из них денег до зарплаты не хватает, и более половины опрошенных (52 %) испытывают затруднения с покупкой тех или иных товаров.

Интересное наблюдение было сделано психологами в Германии и в России. Немцы, заговаривая о своих богатых знакомых, понижают голос до почтительного шепота, да и в глазах у них появляется

¹ Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. – М. : ЭКСМО – Пресс, 2000. – 831 с.

Таблица 2.5

Материальное положение жителей России
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	%
Денег до зарплаты не хватает	12
На повседневные затраты уходит вся зарплата	19
Хватает, но покупка одежды затруднительна	22
Для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	30
Хватает, но не доступны приобретение квартиры, дачи, машины	11
Практически ни в чем себе не отказываем	3
Отказ от ответа	1
Затрудняюсь ответить	2

детская зачарованность и благоговейность. Ученые задали себе вопрос: «Будет ли говорить с придыханием о своих богатых или разбогатевших знакомых русский человек?». И сами себе ответили: если и будет, то в словах его прозвучит далеко не белая зависть, а самая настоящая агрессия. Русская душа будет жаждать равенства. В России не принято кичиться своим богатством, демонстрировать свои доходы, хвастаться деньгами считается неприличным. Русский человек часто извиняется, если достигает какого-либо успеха: «я не для себя стараюсь». Традиционно было принято относиться к деньгам, как к второстепенному в жизни: «не имей сто рублей, а имей сто друзей», «бедность не порок», «не в деньгах счастье». Русский человек легко тратит деньги, мнет купюры. Немка, побывав в Москве, сказала: «Я научилась по-русски тратить деньги – пошла и купила»¹.

Как отмечал Н. Бердяев, «в душе русского народа остается сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской души, с безграничностью русской равнины»². Необъятность русской души, о которой говорит философ, выразилась и в таких чертах, как размах и щедрость, – с одной стороны, и расточительность и пустое «раз-

¹ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта; Наука, 2007. – С. 117.

² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/berd/comm.html>

базаривание» чего бы то ни было – с другой, в совокупности с бесшабашностью и безалаберностью, с вечной надеждой на «авось».

У русского человека достаточно затруднен процесс переключения с одного вида деятельности на другой, с одной мысли на другую. В беседе часто можно услышать фразу: «Подожди, давай закончим с этой темой, а потом займемся другой». Русские явно не «Юлии Цезари».

Для ментальности русских людей также характерен вопрос «Что люди скажут?». Это говорит о совестливости русских, но в то же время часто порождает проблему двойственности и на работе, и в семейных взаимоотношениях. Желая благопристойно выглядеть, русский рассматривает ложь как единственный способ скрыть противозаконные стороны служебной жизни и серьезные семейные конфликты («Не выноси сор из избы»).

В связи со сказанным следует отметить такие характерные для русского человека черты, как согласие на терпение, кроткость, готовность к страданию и сострадание, которые рождают доброту и мягкость. Часто русский человек проявляет сочувствие к недругу, когда того постигает большое горе, и даже – к врагу. Весь мир знает не только о храбрости, но и о доброте и жалостливости русского солдата, который может обогреть и накормить побежденного врага («Не бить лежачего!»). Что же касается храбрости русских как ментальной черты, то фраза древних воинских повестей «один дерется с тысячей, а два – с тьмою» ни разу не дала сбой на протяжении всей русской истории. В войнах русские без страха вступают в битву с превосходящим по численности противником и побеждают. Отношение к людскому горю у русских людей тоже двойственно: одни скажут «Бог шельму метит», а для других (большинства) удары судьбы святы, как и страдание. Н. Бердяев писал, что всегда боялся радостных минут в своей жизни. Об успехах не принято рассказывать, зато свойственно откровенно повествовать о бедах и страданиях, зная, что тебя поймут и поддержат¹.

Ответы на вопрос об удовлетворённости своей жизнью жителей России распределились наглядно представлены в табл. 2.6.

Обостренное внимание к печальным сторонам жизни определило весьма скромную позицию счастья в сознании русского народа.

¹ Горшкова Н.Д. Русский менталитет [Электронный ресурс] // НГТУ Информ. – № 8 (156). – Октябрь 2006. – Режим доступа: <http://inform.nstu.ru/index.php?type=prof&stat=615>

Таблица 2.6

Удовлетворенность жителей России своей жизнью в целом
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	%
Полностью удовлетворён	13
Скорее удовлетворён, чем не удовлетворён	46
Затрудняюсь ответить	14
Не очень удовлетворён	21
Совсем не удовлетворён	6

Оно чаще всего воспринимается как быстротечный эпизод жизни, который невозможно удержать («Хорошего понемножку»; «Счастью не верь, беды не пугайся»). Нередко случается так, что, несмотря на присутствие всех атрибутов счастья, счастливым человек себя не ощущает из-за чувства вины перед другими. Русскому человеку стыдно быть благополучным, он извиняется за свое счастье и даже боится его.

Несмотря на то что значительное количество россиян не удовлетворены своей жизнью, по данным опроса ЦИСИ ИФРАН, уехать из России желает лишь 1 % респондентов (табл. 2.7).

Более четверти (27 %) респондентов в той или иной мере не удовлетворены своей жизнью, однако покинуть регион проживания хотели бы всего 4 % респондентов. Практически половину опрошенных россиян (46 %) многое не устраивает в своем регионе на территории РФ, но, тем не менее, покидать родные места они не желают.

В связи с особенностями российского менталитета на улицах не принято улыбаться, смотреть в лица окружающим, неприлично знакомиться и просто заговаривать. Можно только обратиться за помощью – тут, скорее всего, помогут. Нормально попрошайничать – и сигаретку, и деньги. Человек с постоянно хорошим настроением вызывает подозрение – то ли больной, то ли неискренний. Тот, кто обычно приветливо улыбается другим, – если не иностранец, то, конечно, подхалим. Говорит «да», соглашается – лицемер. Потому что искренний российский человек обязательно не согласится и возразит, выразит критику. В современной России (в отличие от западных обществ) еще не привыкли к людям, которые отказываются следовать

Таблица 2.7

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему краю/области/республике?»
(% от числа опрошенных, РФ, 2010 г.)

Варианты ответов	%
Хотел бы уехать из России	1
Хотел бы уехать в другую область/ край/ республику	3
Не нравится, но привык	5
Не испытываю чувств	7
В целом доволен, но многое не устраивает	41
Рад, что живу здесь	41
Затрудняюсь ответить	1
Отказ от ответа	1

традиционным гендерным моделям. Российское общество одобряет женственных женщин и мужественных мужчин, а к неженственным женщинам и немужественным мужчинам, к метросексуальным образам относится и с недоверием, и неодобрением. Поэтому если человек выбирает вести себя скорее соответственно модели противоположного пола, чем своего, ему следует быть готовым к негативной реакции носителей традиционных взглядов¹.

Повышенное внимание к проблеме здравоохранения в современной России как в СМИ, так и в повседневных разговорах россиян объясняется не только плохим состоянием здоровья многих жителей страны и недостаточным уровнем развития системы здравоохранения, но и основным страхом россиян потерять свое здоровье. Важность и актуальность этого направления обусловлены также и тем, что здоровье является одним из главных компонентов человеческого капитала и в совокупности с другими факторами определяет не только возможности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне. Неудивительно, что качественное улучшение всей системы здравоохранения выделено Президентом России на уровень

¹ Переслегин С.Б. Понятие менталитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Mental1.htm

Таблица 2.8

Жители России о состоянии своего здоровья
(в % от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Всего
Нормальное здоровье, болеете редко	45	55	59
Болеете довольно часто	33	67	17
Болеете очень часто	29	71	7
Страдаете хроническим заболеванием	35	65	11
Вы – инвалид	35	65	5
Отказ от ответа, затрудняюсь ответить	1	0	1

национальных проектов, отражающих основные приоритеты развития страны в социальной сфере. Самооценка здоровья не может являться точным индикатором его реального состояния, но, тем не менее, на ее основе можно получить представление о существующей ситуации (табл. 2.8). Кроме того, именно самооценка здоровья может во многом определять поведение индивида (например, его активность на рынке труда), а также его самоощущение, субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и, соответственно, степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом. Именно самооценка здоровья во многом определяет и поведение индивида с точки зрения его взаимодействия с системой государственной и частной медицины¹.

Как видно из данных, представленных в табл. 2.8, лишь немногим более половины респондентов (59 %) оценивают своё здоровье как нормальное. Стоит отметить, что мужчины в целом лучше оценивают состояние своего здоровья, чем женщины. Так, среди мужчин только около 35 % инвалидов и больных хроническими заболеваниями, в то время как женщин – 65 %. Так же больных хроническими заболеваниями женщин почти в 2 раза больше, чем мужчин (5 % мужчин; 9 % женщин). Возможно, именно в завышенной самооценке своего здоровья, явно не совпадающей с данными статистики, кроется одна из причин ранней смертности российских мужчин.

¹ Социальная политика и социальные реформы глазами россиян [Электронный ресурс]. – М., Институт социологии РАН, 2006. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy.html

Россия – поистине уникальная страна, которая наряду с высоко-развитой современной культурой сохраняет традиции своей нации, глубоко уходящие корнями не только в православие, но даже в язычество. Россияне продолжают отмечать языческие праздники, верят в многочисленные народные приметы и предания. Так, с утверждением «Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям» полностью согласились 38 % россиян. Полностью не согласны с данным утверждением были лишь 1 %.

К особенностям российской культуры можно отнести богатство культурного наследия, связь с православными взглядами и ценностями. Отсюда – тяга к соборности, уважение к правде, воспитание в себе благодарности и любви к окружающим, при этом ощущение своей грешности, негативное отношение к вере в свои силы (гордыня), негативное отношение к деньгам и богатству, склонность полагаться на волю Божию. Постоянный поиск духовности и смысла жизни, при этом черты романтизма. Возвеличивание Человека вообще и принижение конкретного человека в частности (отсутствие привычки к уважению каждого конкретного человека). Российскому менталитету присущ и определенный негативизм. Поэтому большинство россиян чаще видят в себе недостатки, а не достоинства. Распространен принцип «не высывайся», протестное отношение к наказаниям, лень и любовь к «халяве»¹.

2.4. Особенности сибирского менталитета (по материалам исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2010 и 2011 гг.)

В настоящем исследовании сибирский менталитет рассматривается на основе анализа данных репрезентативных опросов в двух регионах Восточной Сибири – Красноярском крае и Республике Хакасия², осуществленных по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» сотрудниками кафедры социологии

¹ Особенности российской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychologos.ru/Особенности_российской_культуры

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10–03–00001а.

Сибирского федерального университета в 2010 г., а также опроса населения Красноярского края¹, проведенного тем же научным коллективом в 2011 г.

Отметим основные характеристики данных регионов. Красноярский край – субъект Российской Федерации, входит в состав Сибирского федерального округа, административный центр – г. Красноярск. Образован 7 декабря 1934 г. Как сообщает Росстат, в Красноярском крае постоянно на 1 января 2010 г. проживало 2828 тыс. человек. Плотность населения – 1,2 чел/км², удельный вес городского населения – 75,7 %. Республика Хакасия – республика (государство) в составе Российской Федерации, входит в состав Сибирского федерального округа. Образована в 1992 г. Население Республики Хакасия – 539 тыс. человек, плотность населения – 8,7 чел/км², удельный вес городского населения – 71,1%.

По данным опроса, «коренных» сибиряков в Красноярском крае и Республике Хакасия сейчас проживает 81 и 86 % соответственно (см. табл. 2.4 в параграфе 2.3), 18 % современного населения Красноярского края и 14 % – Республики Хакасия приехали из другого региона РФ или СНГ.

Сибирский менталитет характеризуется особым сочетанием культурных традиций, верований и опыта различных народов. Это фактически наднационально-территориальная форма субъективности, связанная с определенной географо-социальной территорией. Безусловно, нельзя говорить, что на всей территории Сибири существовал и существует единый менталитет. Сибирская ментальность имеет, на наш взгляд, два проявления: это ментальность русских (и других) старожилов и ментальность сибирских аборигенов. Эти формы имеют свои особенности. Например, в ментальности коренных народов Сибири преобладают черты этнической принадлежности и традиций. У них историческая территория проживания ставится ниже по значению этнического феномена. У европейцев- старожилов сибирство имеет большее значение, чем этническое происхождение. Особо выделяются «новые» поселенцы, о приверженности которых к сибирским традициям, стандартам жизни или о сибирском патриотизме пока гово-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», проект № 11-03-00250а.

рять трудно. Поэтому среди данной категории населения Сибири наблюдается активный отток¹.

Сибиряк – это прежде всего личностный культурно-психологический образ творца и носителя сибирской культуры². В целом коренных сибиряков можно описать как людей предприимчивых, практичных, находчивых, имеющих известную силу характера, благодаря суровой природе и занятиям охотой и звероловством. Отсутствие крепостного права развило самостоятельность, стремление к равенству. Соседство и знакомство с инородцами выработало у сибиряков спокойствие и толерантное отношение к иной вере и вместе с тем умение подмечать нетипичные черты в людях и в целом насмешливый склад ума. С другой стороны, от продолжительной, уединённой жизни в горах, тайге и тундре коренное сибирское население усвоило диковатость, от трудной, суровой и уединённой жизни – холодный, расчётливый взгляд на всё, преобладание личных интересов над общественными, своекорыстие; привычка постоянно хитрить с инородцами и необходимость всякими мерами считаться с произволом старинных властей в Сибири сформировали в прошлом у сибиряков скрытность, недоверчивость и осторожное «себе на уме».

Сибиряк – человек непривередливый к жизни, он пользуется теми благами, что имеются в наличии, переживает суровые климатические условия, ко всем невзгодам и трудностям относится относительно сдержанно. Несмотря на все трудности проживания в Сибири, большинство респондентов в Красноярском крае считают себя людьми довольно счастливыми (табл. 2.9).

В 2011 г. по сравнению с 2010 г., как показывает наше исследование, у опрошенных в Красноярском крае выросла уверенность в будущем (табл. 2.10). Возможно, это связано с нормализацией материального благосостояния, улучшением и внедрением новых льгот, выходом страны из состояния финансового кризиса 2008 г.

¹ Бороньев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=50:2010-04-05-13-59-24&id=435:--iii-----&Itemid=204

² Об образе сибиряка и истории Сибири [Электронный ресурс] // Молодежный предпринимательский центр «Возрождение Сибири». – Режим доступа: <http://www.mpcentre.ru/position/siberian>

Таблица 2.9

Социальное самочувствие жителей Красноярского края
(% от числа опрошенных, 2011 г.)

Варианты ответов	%
Очень счастливы	11
Довольно счастливы	65
Не очень счастливы	22
Совсем не счастливы	2

Таблица 2.9

Степень уверенности жителей Красноярского края в своем будущем
(% от числа опрошенных, 2010, 2011 г.)

Варианты ответов	2010	2011
Вполне уверены	11	13
Скорее уверены, чем нет	26	35
Не могут сказать точно	35	31
Скорее не уверены, чем уверены	19	13
Совершенно не уверены	7	7
Отказались от ответа	2	1

Факторный анализ вопроса «Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?» выделил три фактора, по которым распределились ответы респондентов.

Первый фактор объединил творческих людей. Они видят себя в будущем увлечёнными искусством, занимающимися духовным развитием, нравственным самосовершенствованием, желают иметь творческую работу, престиж, восхищение окружающих, активно заниматься спортом, иметь материальный достаток. Описательная сила: 33 %.

Ко второму фактору относятся люди желающие заниматься наукой, регулярным чтением книг, посещением кинотеатров и концертов «серьезной» музыки, нравственным самосовершенствовани-

Таблица 2.11

Распределение ответов на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?»

(% от числа опрошенных, Красноярский край, 2010, 2011 гг.)

Варианты ответов	2010	2011
Стали жить намного лучше	2	6
Стали жить несколько лучше	18	27
Ничего не изменилось	48	43
Стали жить несколько хуже	23	16
Стали жить намного хуже	5	4
Не знаю	4	4

ем, верующие в Бога. Они желают жить ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам. Описательная сила: 14 %.

Третий фактор выделил группу «карьеристов», для которых главное – это материальный достаток. Они желают хорошо зарабатывать, иметь руководящую должность, хорошую семью, пользоваться престижем и вызывать восхищение у окружающих. Описательная сила: 9 %.

Распределение ответов на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» продемонстрированы в табл. 2.11.

В 2011 году очень небольшой процент сибиряков стали жить намного лучше, чем в 2010. В целом из данных, представленных в таблицах 2.10; 2.11; 2.12 видно, что социальное самочувствие жителей регионов Восточной Сибири несколько улучшилось, как и их материальное положение.

Относительно сибирской духовности необходимо отметить, что русские люди принесли с собой в Сибирь традиционные занятия, уклад жизни, семейно-родственные отношения, общинную организацию жизни и, конечно, православную веру. Наряду с личным мужеством, стойкостью, предприимчивостью и трудолюбием в сибиряке во многом именно православием закладывались такие черты, как духовность, сострадание, терпение, нравственные заповеди. Все это помогало выстоять в борьбе с трудностями

Таблица 2.12

**Оценка своего материального благополучия жителями двух регионов
Восточной Сибири и РФ в целом**
(% от числа опрошенных, 2010, 2011 гг.)

Варианты ответов	Красноярский край		Республика Хакасия	РФ
	2010	2011	2010	2010
Денег не хватает на повседневные затраты	11	9	12	12
На повседневные затраты уходит вся зарплата	17	13	18	19
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	20	16	20	22
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	36	36	34	30
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	14	17	13	11
Практически ни в чем себе не отказываем	2	3	3	3
Не знаю, отказ от ответа	0	6	0	3

ми. Вера была олицетворением нравственного идеала старожил. «Нехристь» – так говорили о человеке, нравственно ущербном, совершающем дурные поступки. «Вот это по-божески» – оценивали в «обществе» благородный поступок. Несмотря на то что старожильческая Сибирь была менее религиозна, особенно в выполнении повседневной обрядности, менее усердна в посещении церкви, все же каждый человек был в душе верующим. Практичность, реалистичность и опора на свои силы придавали человеку уверенность в жизни, но непредсказуемость природных явлений, болезни и несчастные случаи говорили ему, что «все мы ходим под Богом». Вера помогла воспитанию мудрого отношения к вопросам жизни и смерти, освящала нравственные традиции предков. Жизнь человека была связана с православным календарем праздников, обрядов, постов и мясоедов¹.

¹ Андюсов Б.Е. Духовность и традиции старожил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://andjusev.narod.ru/b/ergo7.htm>

Таблица 2.13

Религиозность жителей регионов Восточной Сибири
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
Верующий	67	69
Неверующий	23	20
Атеист	4	4
Затрудняюсь ответить	6	7

В современном сибирском обществе верующими считают себя две трети опрошенных (табл. 2.13).

Религиозные верования населения Красноярского края и Республики Хакасия практически единообразны: практически безраздельно на вербальном уровне господствует православие. Как свидетельствуют данные, представленные в табл. 2.14, подавляющее большинство респондентов разделяют принципы православия, далее с огромным отрывом идут ислам, буддизм, протестантизм, католицизм. В двух регионах Восточной Сибири распространены практически все традиционные религии (за исключением католицизма в Республике Хакасия). Как правило, под вариантом «другое» респонденты отмечали различные нетрадиционные верования, «новые» религии, сектанство.

Для улучшения жизни в Сибири респонденты рекомендовали развивать малый и средний бизнес (24 %), усилить государственный контроль за экономикой (27 %), улучшить медицинское обслуживание (39 %), создавать новые рабочие места (56 %), навести порядок, бороться с криминалом и коррупцией (36 %). Очевидно, непростые условия жизни оказывают влияние на желание сибиряков уехать из своего региона: 11 % опрошенных в Красноярском крае и в Республике Хакасия, в то время как в РФ в целом – всего 4 % (см. табл. 1.5 параграфа 1.1).

Что касается института семьи, церкви в Сибири, то они респондентам представляются «несокрушимыми». Семья – неотъемлемая часть жизни каждого человека. В семье, как ни в каком другом месте, люди обретают душевный покой, тепло и взаимопонимание (66 %). Именно собственная семья в настоящее время выступает основным

Таблица 2.14

Распределение ответов на вопрос «Верования какой религии, вероисповедания Вы разделяете?»
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответов	Красноярский край	Республика Хакасия
Православие	84	83
Ислам	2	2
Буддизм	1	3
Протестантизм	1	1
Католицизм	1	0
Другие	1	3
Отказ от ответа	10	8

психологическим «убежищем» человека от проблем и опасностей окружающего мира, именно свои родные и близкие и составляют его жизненный мир¹. Значительно больше социальная дистанция респондентов от друзей – только четвертая часть респондентов сказали, что наибольшее взаимопонимание они находят в компании друзей (26 %).

Как показал корреляционный анализ, прослеживается зависимость между количеством детей и воспитанием в семье таких качеств у ребенка, как независимость, воображение, бережливость, трудолюбие. Чем меньше детей в семье, тем большее количество качеств можно воспитать у ребёнка. В большинстве случаев респонденты отметили, что в семье у ребенка можно воспитать чувство ответственности. Небольшое число опрошенных отметили такие качества как религиозность, бескорыстие и послушание. Возможно, данные качества у детей формируются под воздействием других институтов, но института семьи в меньшей мере.

По посещаемости культурно-развлекательных мероприятий можно судить о предпочтениях сибиряков: лидируют в списке клубы по интересам, стадионы, кинотеатры и библиотеки (табл. 2.15). Неудивительно, что спортивные интересы занимают второе место –

¹ Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края: монография. – Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. – 264 с.

Таблица 2.15

**Посещаемость культурно-развлекательных учреждений,
Красноярский край**
(% от числа опрошенных, 2010 и 2011 гг.)

Виды культурно-развлекательных учреждений	Раз в неделю	Раз в неделю	1-3 раза в месяц	1-3 раза в месяц	1-3 раза в полгода	1-3 раза в полгода	Раз в год и реже	Раз в год и реже
	2010	2011	2010	2011	2010	2011	2010	2011
Библиотека	4,5	5,4	9,0	7,2	10,7	8,3	25,5	20,2
Театр	0,7	0,7	2,4	2,4	13,8	11,0	37,0	26,1
Цирк	0,1	0,0	0,3	0,3	4,3	2,2	32,6	28,1
Музей	0,3	0,2	1,1	1,6	8,7	6,5	34,8	29,7
Стадион	3,4	4,1	6,7	4,9	12,4	8,7	23,5	21,0
Клуб по интересам	4,6	5,9	5,8	5,5	4,3	5,5	15,2	15,0
Дискотека	2,6	1,7	6,4	5,0	10,7	8,4	15,2	16,8
Кинотеатр	4,0	2,3	15,1	9,6	20,9	16,1	18,9	16,8
Концертный зал*	-	0,4	-	3,2	-	11,2	-	22,8

* Вариант ответа на вопрос не был включен в анкетный опрос 2010 г.

в Сибири воспитали немало олимпийских чемпионов, на что немалое влияние оказали сибирское здоровье, выносливость, целеустремлённость, бодрость духа.

Сибиряки – народ очень просвещённый, обладающий аналитическим складом ума. Актуальность и посещаемость библиотек в современной Сибири намного выше, чем актуальность цирка, музея, театра.

Путём корреляционного анализа было выявлено, что люди, посещающие театр, любят также посещать цирк, музей, кинотеатры, концертные залы, т. е. те места, в которых необходимо быть зрителем. Люди, увлекающиеся спортом и посещающие довольно часто стадион, также посещают цирк, клуб по интересам, дискотеки, кинотеатр – эти люди ведут активный образ жизни. Также прослеживается зависимость между возрастом и посещением стадиона: чем старше респондент, тем реже посещает подобные места. Что касается

гендерного соотношения, стадионы посещают чуть большее количество мужчин (61%), чем женщин (51%).

Что касается власти, то сибиряк вполне логичен в своих требованиях относительно государства, Правительства РФ. Половина опрошенных считают, что человек должен обеспечивать себя сам, но государство должно гарантировать прожиточный минимум каждому гражданину. Что касается реформ, проводимых Правительством РФ, люди отмечают, что интересы Сибири учитывают либо частично (48%), либо совершенно не учитывают (24%). Сами же жители обосновывают данный факт удалённостью Сибири от столицы России, а так же широкими просторами необъятной России, в которой очень тяжело учесть интересы всех регионов страны.

Несмотря на свою обособленность, сложившиеся традиции, обычаи, сибирский народ очень гостеприимен и толерантен по отношению к «чужим», так как издавна привык принимать на своих землях чужестранцев. Часть сибиряков отмечают (36%), что у приезжих, к которым мы относим беженцев, переселенцев и других, в целом сложились нормальные отношения с коренным народом, но бывает, что случаются недоразумения. 16% отмечают, что у них сложились устойчивые, хорошие отношения. Но 7% респондентов наблюдали напряженные отношения, нередко происходящие драки либо отсутствие контактов между приезжими и местными.

Факторный анализ позволил описать человека, который бы подходил для жителя Сибири. Каждый из них соответствует определённой группе людей, которые объединены по какому-либо ряду признаков.

Первый фактор объединил респондентов, для которых главное – материальный достаток. Они хотели бы видеть рядом с собой богатых, имеющих много денег и дорогих вещей людей; для которых важно хорошо проводить время, баловать себя, важно быть успешным; приключения и риск очень важны для такого рода людей, они стремятся к захватывающим событиям. Описательная сила: 26%.

Второй фактор указал на «правильных» респондентов, к которым подходят люди, избегающие всего, что может сулить опасность, для таких людей важно помогать ближним, заботиться об их благополучии, всегда вести себя правильно, не совершать неодобряемых поступков, заботиться об окружающей среде, важно следовать сложившимся традициям, обычаям, принятым в его семье или религии. Описательная сила: 21%.

Третий фактор объединил тех жителей Сибири, которые желают быть материально обеспеченными, но при этом не рисковать. Они избегают всего, что может сулить опасность, при этом им подходят люди, которые имеют много денег, ценных вещей, хорошо проводят время, балуют себя. Описательная сила: 11 %.

Таким образом, в Сибири одни люди хотят видеть рядом с собой обеспеченных людей, которые любят риск, хорошо проводят время, стремятся к захватывающим событиям, другие – альтруисты, живут ради других, а не собственного благополучия, помогают ближним, ведут себя правильно, соблюдают и чтят обычаи и традиции. И третьи – это те респонденты, кто желает быть материально обеспеченными либо за счет других, либо самостоятельно, но не подвергая себя при этом никакому риску.

Характеризуя сибиряка, необходимо вспомнить о знаменитом выражении – «сибирское здоровье». Действительно, исследование показывает, что сибиряки таковым обладают (табл. 2.16). 74 % сибиряков считают, что имеют нормальное здоровье либо временами болеют. Лишь оставшиеся 26% приходится на тех, кто болеет очень часто, инвалидов и имеющих хроническое заболевание. Так же, как и в России в целом, в Сибири мужчины оценивают своё здоровье лучше, чем женщины.

По мнению респондентов (табл. 2.17), к числу основных препятствий росту численности населения в Красноярском крае относятся «низкие доходы» – 66 % опрошенных, «плохие жилищные условия» – 41 %, «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми» – 29 %, «многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка» – 25 %, «плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах» – 5 %. И только 3 % респондентов считают, что «ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения».

Согласно результатам контент-анализа ответов на открытый вопрос, респонденты чаще всего называют отсутствие уверенности в завтрашнем дне; безнравственность; аборт, которые ведут к бесплодию; а также низкий уровень жизни.

На вопрос «Если предположить, что начнётся война, Вы бы стали сражаться за свою страну?» 81% опрошенных ответили положительно и 19% – отрицательно, что свидетельствует о патриотизме сибиряка, о его физической и моральной подготовке к преодолению трудностей.

Таблица 2.16

**Оценка своего здоровья жителями Красноярского края
в гендерном разрезе**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответа	Мужчины	Женщины
Нормальное здоровье, пока не жалуясь	20	14
Временами болею	17	23
Часто болею	3	3
Имею хроническое заболевание	5	11
Инвалид	1	1
Затрудняюсь ответить	1	1

Таблица 2.17

**Жители о препятствиях росту численности населения
в Красноярском крае**
(% от числа опрошенных, 2010 г.)

Варианты ответа	%
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	25
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	29
Плохие жилищные условия	41
Низкие доходы	66
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	5
Другое	2
Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения	3
Затрудняюсь ответить	4
Отказ от ответа	1

Сибирь заселялась переселенцами, русское население из других регионов страны находило здесь свою новую Родину, формировало новые навыки общения в незнакомой культурной среде, вырабатывало способности к мирному сосуществованию с иноязычными и инкультурными этносами на этой территории. В этой связи интересны результаты анализа самооценки современными сибиряками своих коммуникативных компетенций. Факторный анализ вопроса «Какими навыками общения Вы обладаете?», выделил четыре группы респондентов.

1. Сибиряки, способные убеждать других и вызывать интерес, умеющие шутить, рассказывать анекдоты, обладающие умением обаять, очаровать собеседника, остроумием, а также умением тонко и иронично подметить суть проблемы. Описательная сила: 19,4 %.
2. Индивиды, испытывающие интерес к созданию текстов собственного сочинения, имеющие навыки выступления перед публикой, умеющие излагать свои мысли на бумаге, владеющие литературным языком. То есть это писатели, ораторы. Описательная сила: 19,3 %.
3. Жители Сибири, понимающие собеседника, тактичны и деликатны в общении, испытывающие интерес к общению с другими. Это внимательные слушатели. Описательная сила: 14,1 %.

Также применение факторного анализа позволило выделить три типа личности респондентов, проживающих на территории Восточной Сибири.

- Творческие люди. Увлечены искусством, путешествиями, занятиями творчеством, спортом, медитациями. Описательная сила первого фактора: 27 %.
- «Карьеристы». Они любят свою профессию, путешествия, любят семью, конкуренцию, чувство соперничества. Описательная сила – 14 %.
- Носители традиционных ценностей: жители Восточной Сибири, чтящие традиции, увлечённые искусством, испытывающие религиозные и духовные переживания, ценящие свою семью и профессию. Описательная сила – 12 %.

Этнограф Д. Клеменц так описал психологический портрет сибиряка: предприимчив, трудолюбив, любознателен и уважает людей знания, суров и даже может быть жестоким (таким его сделали усло-

вия жизни), старается быть богатым, но не скуп (богатство ему нужно, чтобы пользоваться им вовсю, заставив говорить о себе, удовлетворить своё честолюбие), обладает расовой непредубежденностью¹, что также подтвердило и наше исследование.

Важно отметить и еще одну особенную черту сибирского менталитета. В тяжелых условиях жизни, испытывая экономическую, экологическую, культурную депривацию, жители Красноярского края и Республики Хакасия традиционно демонстрируют более сильную региональную, поселенческую самоидентификацию, а также достаточно высокий уровень толерантности к инокультурным, иноязычным группам. На том фоне, что эти данные зачастую контрастируют с результатами по России в целом, ситуация показалась крайне любопытной. Как свидетельствуют социологические исследования, уровень дохода, социальное самочувствие, социальное положение, регион проживания, ценности, национальность, религия – это важнейшие факторы, оказывающие влияние на уровень социальной толерантности в обществе.

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995) толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. П. 1 главы 1 Декларации гласит, что толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. В Декларации принципов толерантности подчеркивается, что конструктивное взаимодействие социальных групп, имеющих различные ценностные,

¹ Цит. по: Дубенская Е.Д. А. Клеменц // Каторга и ссылка. 1930. – № 5. – С. 175.

религиозные и политические ориентиры, может быть достигнуто на основе выработки норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия¹.

В целом социологических исследований, посвященных изучению толерантности, немало, однако для России и особенно для мультикультурной, полиэтнической Сибири эта тема актуальна и достаточно нова. Тем более что в социологии толерантность зачастую рассматривается как один из важнейших компонентов формирования социального капитала, наряду с доверием и включенностью индивида в различные социальные сети. Как указывает Р. Инглхарт, например, толерантность к иностранцам тесно связана с общим уровнем качества жизни, удовлетворенности жизнью, поэтому ксенофобия широко распространена в странах с низкими показателями качества жизни и социального самочувствия, таких как странах бывшего СССР и Ирак².

Для социолога в современной России существует немало острых тем для исследования: трансформационные процессы в нашем обществе все еще идут, социальная структура нашего общества четко еще не сложилась, немало и экономических, и этнических, и общих социальных проблем. Для нашей многонациональной, поликультурной, мультиконфессиональной страны социальная толерантность, которая проявляется в толерантном сознании и поведении, веротерпимости и миролюбии, имеет особое значение. В нынешнем российском обществе сохраняется социальная напряженность, сильное социальное расслоение, межэтнические конфликты, проявления сепаратизма и национального экстремизма, и в этих условиях социальная толерантность выступает внутренним фактором устойчивого развития социума. Так, в августе 2001 г. российское правительство приняло Федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 гг.)», целями которой являлось формирование установок толерантного сознания, определяющего устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп как основы

¹ Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/declar.html>

² Inglehart, R., Moaddel, M. & Tessler, M. (2006) Xenophobia and In-Group Solidarity in Iraq: A Natural Experiment on the Impact of Insecurity. *Perspectives on Politics*, 4 (3): 495–505.

гражданского согласия в демократическом государстве¹. Принятие Федеральной программы было продиктовано рядом обстоятельств, касающихся проявлений нетолерантности и нетерпимости в условиях роста социального разнообразия в России.

Как одна из важнейших характеристик менталитета, толерантность особенно интересна в исследованиях этнически и социально разноплановых региональных сообществ, каковым является Красноярский край – один из крупнейших регионов Восточной Сибири и Российской Федерации в целом. Важно отметить исторически традиционную неоднородность социокультурного пространства в Красноярском крае: неравномерность социокультурного развития городских и сельских населённых пунктов, северных, центральных и южных районов края; полиэтничность региона, которая усиливается за счёт интенсивных миграционных процессов и подчас приводит к межнациональным противоречиям; значительное социально-экономическое расслоение; недостаток эффективных «социальных лифтов»; различия в уровне и качестве жизни населения, проживающего в различных хозяйственно-климатических зонах и типах поселений, что чревато усилением протестного потенциала населения региона.

Наряду с активным восстановлением и расширением влияния Русской православной церкви в крае происходит усложнение религиозно-культурных процессов, возникают различные объединения других религиозных конфессий, а также деструктивные и антисоциальные секты². Одной из характерных особенностей Красноярского края традиционно был его многонациональный состав. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в крае проживают представители 157 национальностей, из них численность представителей 72 национальностей превышает 100 человек. Так, 89 % населения составляют русские, 2,3 % – украинцы, 1,5 % – татары, 1,2 % – немцы. В отличие от старожильческих национальностей Красноярского края (численность диаспорного населения которых за период с 1989 по 2002 гг. уменьшилась вследствие сни-

¹ Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001 – 2005 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/1-0-fcp.html>

² Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. – Красноярск, 2010. – С. 8. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

жения естественного прироста, миграционной убыли, культурно-интеграционных и ассимиляционных процессов. Так, численность татар региона за последний межпереписной период снизилась на 10 %, бурят, немцев и якутов – на 15-18%, башкир, литовцев, марийцев, молдаван, поляков, тувинцев, удмуртов, финнов, хакасов и чувашей – на 20-30 %, белорусов, латышей, мордвы и украинцев – в 1,5-1,7 раза, евреев – в 1,9 раза) значительно увеличили свое представительство в регионе за счет повышенной рождаемости и активной миграции диаспоры Кавказа, Средней и Юго-Восточной Азии: корейцы – на 24 %, народы Дагестана и китайцы – в 1,5 раза, киргизы – в 2 раза, азербайджанцы – в 2,6 раза, таджики – в 2,9 раза, армяне – в 3,6 раза. Неслучайно поэтому азербайджанцы переместились с 8-го места в 1989 г. на 5-е место в 2002 году, армяне – соответственно с 23-го на 8-е место, киргизы – с 27-го на 15-е, таджики – с 32-го на 19-е, лезгины – с 33-го на 25-е и т.д.¹ Характерно, что среди национальных меньшинств ускоренными темпами развиваются урбанизационные процессы. Прибывающие в край мигранты стараются закрепиться в крупных городах, формируя анклав по этническому признаку, в то время как проживающие на селе старожилческие народы стремительно уменьшаются по причине миграции за пределы региона и «старения» населения. В целом нерусское население проживает во всех без исключения городах и районах Красноярского края. В более чем половине из них удельный вес представителей нерусских национальностей не превышает 10 %, еще в 23 городах и районах данный показатель колеблется от 10 до 20 %. Однако в Норильске и ряде северных районов этот показатель превышает 30 %².

В этой связи для измерения толерантности в Красноярском крае, как типичном сибирском регионе с достаточно неблагоприятными и социально-экономическими, и экологическими, и климатическими условиями жизни, в анкетном опросе в 2011 г. были использованы индикаторы из опросника Всемирного исследования ценностей Р. Инглхарта³ (табл. 2.18).

¹ Там же. – С. 64–65.

² Народы Красноярского края. Статистические данные переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс] // Красноярский край. Официальный портал. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/society/nations>

³ Documentation of the Values Surveys [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wvsvsdb.com/wvs/WVSDocumentation.jsp>

Таблица 2.18

Распределение ответов на вопрос «Ниже перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству?»
(% от числа опрошенных, Красноярский край, 2011 г.)

Варианты ответов	Не хотел бы жить по соседству	Не возражаю жить по соседству
Наркоманы	97	3
Люди другой национальности	31	69
Больные СПИДом	65	35
Иммигранты и иностранные рабочие	66	34
Гомосексуалисты	76	24
Люди другой религии	28	72
Алкоголики	95	5
Пары, живущие в гражданском браке	7	93
Люди, разговаривающие на иностранном языке	22	78

Как показали данные опроса, на вербальном уровне наиболее выражено нетолерантное отношение к наркоманам (97 %) и алкоголикам (95 %). Три четверти респондентов не толерантны гомосексуалистам (76 %), более половины – к иммигрантам и иностранным рабочим (66 %). При этом, важно отметить, что практически такое же количество ответивших не возражают жить по соседству с людьми, разговаривающими на иностранном языке (78 %), людьми другой религии (72 %) и людьми другой национальности (69 %), что демонстрирует достаточно высокий уровень этнической терпимости в регионе. Кроме того, достаточно высока нетолерантность к больным СПИДом (65 %). Наиболее толерантно население региона настроено к парам живущим в гражданском браке (93 % респондентов не возражают жить с ними по соседству).

Факторный анализ методом вращения варимакс позволил выделить два основных комплекса установок социальной интолерантности в массовом сознании населения региона, которые можно охарактеризовать как интолерантность «внешнюю», направленную на

«чужих», находящихся за пределами сообщества, или этническую, и нетолерантное отношение к «своим», внутренней направленности, или интолерантность к социальным девиациям. Так, первый фактор, объясняющий 29 % вариаций признаков, включает респондентов, не толерантных к: людям другой национальности; людям другой религии; людям, разговаривающим на другом языке; большим СПИДом; иммигрантам и иностранным рабочим; гомосексуалистам. Второй фактор, объясняющий 18 % вариаций признаков, объединяет респондентов, нетолерантных к наркоманам и алкоголикам, а также толерантных к парам, живущим в гражданском браке. Содержание признакового пространства факторов дает возможность заключить, что в массовом сознании населения региона больные СПИДом и гомосексуалисты воспринимаются как «чужие», не входящие в ближнюю среду респондентов, исключенные из пределов регионального социума. С другой стороны, пары, живущие в гражданском браке, не являются феноменом интолерантности в массовом сознании населения Красноярского края в отличие от наркоманов и алкоголиков.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод не только о наличии выраженных отличий в восприятии «иных» и «чужих» населением региона, демонстрирующем различное отношение к тем или иным представителям сообщества, но и положительно оценить уровень этнической толерантности в регионе, очевидно, сложившийся под влиянием мультикультурной и полиэтнической социальной структуры Восточной Сибири.

Жители Восточной Сибири известны не только своей веротерпимостью и толерантностью к разным культурам, но и решительным, смелым, независимым характером. О ценности сибирского характера высказался бывший президент России и нынешний премьер-министр В.В. Путин в эксклюзивном интервью корреспондентам сибирских телекомпаний «Афонтово» (г. Красноярск), НТН-4 (г. Новосибирск), ГТРК, «Кузбасс». На вопрос корреспондента «Какие у Вас вызывает ассоциации Сибирь?» он сказал следующее: «Был старый фильм, к сожалению, я уже не помню его названия, где немецкий генерал рассказывает своему коллеге о причинах поражения под Москвой. Как мы помним из истории, в самый критический момент обороны Москвы подошли сибирские части. Так вот этот генерал говорит своему товарищу: «Представляешь, на улице минус 40 градусов, а они – без перчаток». Дело, конечно, не в морозостойкости людей, которые живут на этой территории. Дело в том, что мы называем «сибирским ха-

рактором». Ведь есть устойчивые выражения в России – «сибирский характер» – с положительным зарядом. Когда мы говорим «сибирский характер», мы подразумеваем явно позитивное. Это человек, который имеет свои убеждения, не боится их открыто высказывать и бороться за них, причём не агрессивным образом: человек, который руководствуется в жизни неиспорченными, на мой взгляд, представлениями о добре, зле, честности, порядочности. Поэтому для меня Сибирь – это прежде всего, сибиряки¹.

2.5. Сравнительный анализ российского и сибирского менталитета

Первым, кто наиболее полно описал сибиряка, представителя «новой народности», был А.П. Шапов. «Психическая природа сибирского русского населения, в основных своих свойствах конечно, ничем не рознится от психической организации не только великорусского или малороссийского народа, но и всего человечества. Но при всём том, вследствие большего или меньшего влияния местных физико-географических условий и физиологического смещения сибирско-русского населения с разными североазиатскими племенами, и сама психическая организация его во многих отношениях, особенно в тех пределах, в каких она ещё не подвергалась всеуравнивающему влиянию общечеловеческого просвещения и цивилизации, неизбежно должна представлять некоторые своеобразные свойства или вариации, более или менее заметно отклоняющие её от умственного и нравственного склада и направления не только западноевропейских и индогерманских национальностей, но великорусской и малороссийской народности»².

Традиционно сибирячество и самими жителями Сибири, и жителями Европейской части России рассматривается как нечто особенное: сибиряки – люди крепкие, выносливые, прагматичные, часто суровые, честные, на них можно положиться в трудных ситуациях.

¹ Путин В.В. Эксклюзивное интервью корреспондентам сибирских телекоммуникаций [Текст] / интервью. – Кемеровская область, г. Междуреченск, 29 августа 2002 г.

² Шапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // А.П. Шапов. Собрание сочинений. Доп. т. – Иркутск, 1937.

Наконец, они обладают завидным здоровьем, свидетельством чему является вербальное клише – пожелание сибирского здоровья и долголетия. Сибирячество имеет надэтнический характер, тем самым его определение детерминировано территориально. Сибирячество в среде сибиряков не имеет особой значимости (в среде локальной группы, в повседневности), но приобретает значение в ситуации выезда за пределы Сибири, контакта с приезжими, постоянного проживания за пределами Сибири. Сибирская идентичность в этом случае – это особый вариант проявления земляческих связей и отношений.

По мнению А.П. Щапова, в сравнении с «российским» человеком сибиряк чрезвычайно проигрывает. «Российский» человек более гибок, остроумен и основателен в суждениях, у него шире кругозор, разнообразнее и живее речь. Сибиряк же – простак, ум его мало расторопен и гибок, грубоват и диковат, рассудок превалирует над чувством. Сибиряк – большой пересмешник, он обладает отважной предприимчивостью, большой любознательностью, восприимчивостью к новому, быстр в новом самоустройстве и домозаводстве. Но отличается диковатым любопытством, крайней неразвитостью высших человеческих чувств, преобладанием эгоистических, своекорыстных чувств над нравственно-социальными и гуманными чувствами и стремлениями.¹

Д.И. Завалишин, наблюдая переселенцев Сибири, отмечал, что этот край «переродил их радикально». Здесь «нет тупого исподлобья взгляда русского мужика, его неопрятности, неряшества в хозяйстве»². Это проявляется также и в особенном сибирском «областном» говоре, который подметил П.А. Ровинский. Он пишет: «У нас в России... областной говор составляет один из признаков мужичества и необразованности, в Сибири же нет такого удаления двух классов мужиков и господ, образованных и необразованных. От мужика в Сибири вы услышите множество слов иностранного происхождения, совершенно неизвестных мужику в России, а от господина – самые простонародные слова и выражения»³. Следовательно, сословную дифференциацию в Сибири с трудом можно уследить в отличие от России.

¹ Щапов А.П. Указ. соч.

² Завалишин, И. Описание западной Сибири. – М.: Тип. Грачёва и комп., 1862.

³ Цит. по: Пыпин А. Сибирь и исследования её // Вестник Европы. – Кн. 4, 1888 – апрель.

Но если коренные сибиряки с теплотой писали о своей родине, с благодарностью говорили о сибиряках декабристы, то жители Европы по-своему видели основные черты сибирства. Представителей эстетствующей интеллигенции, которых А.А. Кауфман называл «туристами», «угнетало отсутствие изысканного общества», достоинство сибирских крестьян воспринималось как дерзость и невоспитанность. Поэтому легко было объявить Сибирь тёмным бескультурным краем. Так, профессор Н.А. Благовещенский характеризовал нравы сибиряков в XIX в. как «дикие». Негативные описание сибирских нравов встречаются, как правило, в заметках «чужих», приезжающих из Европейской России. Но эта закономерность вполне естественна. «Чужие» любым человеком рассматриваются как совершенно иные, диковатые, в большинстве случаев – хуже чем «свои». Как отмечает Л.Ю. Логунова, в целом в исследовательских работах представителей местной интеллигенции «сибирство» рассматривается как позитивное явление в российской жизни¹.

Сибиряки антропологически отличаются от европейского населения России. Г.М. Давыдова утверждает, что у русских Сибири более крупные размеры лица и его частей: скулового и челюстного диаметров, высоты лица и носа, независимо от того, происходило ли смешение с местным населением или нет².

Несмотря на более суровый климат в Сибири, чем в других регионах России, выносливость и закалка сибиряка лучше, чем у россиянина. Один из показателей – самооценка своего здоровья в опросе. Так, в России 9 % опрошенных отнесли себя по состоянию своего здоровья к инвалидам, в то время как в регионах Восточной Сибири – всего 3 %.

Что касается гостеприимства, то сибирский народ в этом плане непревзойдённый. Он очень гостеприимен и дружелюбен, в отличие от россиянина, который не хочет и по определённым причинам не может принимать иностранного гостя.

Но, несмотря на разные характеристики русского и сибирского народов, к большому удивлению, удовлетворённость жизнью как первых, так и вторых примерно одинакова. В России удовлетворённых жизнью в целом – 54 %, а в Сибири – 49 % (см. табл. 1.4 параграф 1.2). Но если судить объективно, в России в целом ситуация

¹ Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно родовую память сибиряков // Социс. – 2009. – № 9. – С. 127–130.

² Давыдова Г.М. Русские в Сибири. – М.: Наука, 1999.

может оказаться лучше, чем в «знойной» и далёкой от «благ цивилизации» Сибири. Следовательно, сибиряк более непривередлив к своей жизни, на многое он может закрыть глаза. Более того, в Сибири распространена точка зрения, что жители Европейской части России прижимисты и стремятся к максимальному обогащению, причём необходимо отметить, порой за счёт Сибири. Подобное мнение неслучайно, ибо Сибирь всегда выступала для России колонией в экономическом смысле, в силу чего государство и российский капитал видели в ней лишь аграрно-сырьевой придаток и хищнически эксплуатировали её природные ресурсы.

Отсутствие в Сибири крепостного права и помещиков относительно немногочисленность дворянства наложили глубокий отпечаток на сибирский менталитет. Как писал С.Я. Елпатьевский, «слово «барин» редко звучало в Сибири и прилагалось – не очень почтительно – только к чиновному начальству. Сибиряк всегда был глубоко демократичен и не очень верноподданный... Потомки вольных смелых людей, ухивших от склоки, связанности, от скудности русской жизни искать долю в жизни в беспредельной Сибири, – сибиряки никогда не чувствовали нежности к русскому правительству и не благоговели не трепетали как раньше русские пред царской властью»¹.

Этнограф второй половины XIX в. Е.Н. Пыпин также писал, «что до сих пор Сибирь отличается от России своим гражданским положением и, кроме того, в своём русском населении представляет этнографический тип, который нельзя отождествлять с господствующим типом русской народности в Европейской России», что «в русском населении Сибири мало-помалу сложился особый характер, физический и бытовой; колонизация соединила в Сибири людей весьма различного происхождения и склада, которые, не сохранив первоначальных свойств, в своём взаимодействии выработали новые черты на русской племенной основе»².

Причем такие черты отмечали многие приезжающие в XIX в. в Сибирь: облик сибиряка, отличный от русского, резко бросался в глаза приезжим, наблюдавшим вблизи сибирскую жизнь. В самой резкой форме это выразил декабрист В.Ф. Раевский, когда он чиновником посетил эти края: «Сибиряк – нерусский». Ссылный С.Я. Ел-

¹ «Былое». Незиданные номера журнала. Кн. 1. – Л., 1991. – С. 60.

² Пыпин А. Сибирь и исследования её // Вестник Европы. – Кн. 4. – 1888.

патьевский также писал: «Русского» не видно и не слышно, России не чувствуется в Сибири. Среди разнокалиберных построек вы не увидите только одного – обыкновенной русской избы средней лесной полосы России; среди всяких костюмов вы не увидите поддёвки и сарафана¹.

А. Беляев, как и многие другие этнографы и историки, отмечал такую черту «сибирства», как чистота и опрятность: «...но откуда взялась эта всеобщая, до педантизма простиравшаяся чистота и опрятность, это поистине непонятно. Край этот не имел никакого сообщения с западным цивилизованным миром»². Еще одна типичная черта сибиряков – трудолюбие. Издавна большинство живущих на территории Сибири относили себя к крестьянам. Несмотря на то что в Сибири более суровые природные условия, чем в средней полосе России, сибиряк всегда старался сделать как можно больше не только для себя, но и для других.

Если говорить о качестве жизни и её безопасности, то важно отметить, что целый ряд показателей защищённости населения Красноярского края от социальных опасностей ниже, чем у жителей страны в целом, – сибиряки ощущают себя менее защищенными от преступности, чем россияне в целом (11 % – Красноярский край, 15 % – Республика Хакасия и 19 % – Россия в целом), от бедности (18, 18 и 22 %, соответственно), от экологической угрозы (18, 16 и 19 %), от произвола правоохранительных органов (18, 20 и 29 %), наконец, от преследований за политические убеждения (43, 45 и 47 %) (см. табл. 2.19 и 2.20). Наиболее заметно различие в более низкой оценке населением региона своей защищённости от произвола чиновников: 10 % респондентов из Красноярского края, 14 % – из Республики Хакасия и 23 % ответивших на этот вопрос в России в целом. Напротив, по сравнению с данными по России в целом ответы жителей двух регионов Восточной Сибири свидетельствуют об их более высокой защищённости от одиночества и заброшенности, притеснений за религиозные убеждения и ущемления из-за национальности. Можно сделать вывод о том, что сибиряки ощущают себя менее защищенными от общероссийских проблем, институционального характера, что касается социокультурной среды в регионе – то она более благоприятна для его жителей.

¹ «Былое», неизданные номера журнала. Кн. 1. – Л., 1991. – С. 60.

² Цит. по: Пыпин А. Сибирь и исследования её.

Таблица 2.19

**Жители Красноярского края и России в целом
о своей защищенности от социальных опасностей**
(% от числа опрошенных)

Виды опасностей	Красноярский край, 2010			РФ, 2010		
	Защищен, пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен, совсем не защищен	Защищен, пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен, совсем не защищен
Преступность	11	25	64	18	20	62
Бедность	18	25	57	22	19	59
Экологическая угроза	12	34	54	19	16	65
Произвол чиновников	10	32	58	23	26	51
Произвол правоохранительных органов	18	33	49	29	27	44
Одиночество и заброшенность	40	28	33	36	22	42
Преследования за политические убеждения	43	41	16	47	33	20
Притеснения из-за возраста или пола	47	32	21	48	22	30
Притеснения за религиозные убеждения	69	26	6	68	19	13
Ущемление из-за национальности	73	20	6	68	18	14

Контент-анализ ответов на открытый вопрос показал, что респонденты жалуются также на отсутствие защищенности от техногенной угрозы, техногенных катастроф, болезней и старости, апокалипсиса, НЛЮ, природных катаклизмов, потери работы, нападения маньяков, хамства и безразличия окружающих, бюрократии и коррупции, несчастных случаев, снижения уровня жизни после выхода на пенсию.

Таблица 2.20

**Жители Республики Хакасия о своей защищенности
от социальных опасностей**
(% от числа опрошенных)

Виды опасностей	Республика Хакасия, 2010		
	Защищен; пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен; совсем не за- щищен
Преступность	15	28	57
Бедность	18	26	56
Экологическая угроза	16	35	49
Произвол чиновников	14	33	53
Произвол правоохранительных ор- ганов	20	32	48
Одиночество и заброшенность	42	26	32
Преследования за политические убеждения	45	38	17
Притеснения из-за возраста или пола	47	32	21
Притеснения за религиозные убеж- дения	68	26	6
Ущемление из-за национальности	68	23	9

Интегрирующее ядро системы базовых ценностей жителей Красноярского края в целом идентично соответствующему комплексу базовых ценностей населения России (табл. 2.21). Вместе с тем имеются определённые различия. Так, для жителей восточно-сибирских регионов высшее значение имеет терминальная ценность «жизнь человека». Далее по степени значимости, следуют терминальные ценности, аналогичные ценностным приоритетам жителей страны в целом: «семья» и «порядок», а также инструментальная ценность «общительность». Эти ценности относятся, в соответствии с концепцией, разработанной Н.И. Лапиным, к категории традиционных (семья), общечеловеческих (общительность, порядок), а также либеральных (жизнь человека). Обращает на себя внимание более низкая значимость ценности «порядок» у жителей сибирского регио-

на (4,44 балла – Красноярский край, 4,39 – Республика Хакасия) по сравнению с россиянами в целом (4,73). Можно предположить, что в этом проявляется специфика менталитета сибиряков.

Интегрирующий резерв системы базовых ценностей населения Красноярского края и Республики Хакасия включает четыре ценности (табл. 2.21). К ним относятся: терминальные ценности «свобода» (либеральная), «благополучие» и «работа» (общечеловеческие), «традиции» (традиционная ценность), а также инструментальная ценность «независимость» (либеральный тип). Эти же ценности, хотя и с большей значимостью, представлены в интегрирующем резерве у населения России в целом. Кроме того, у россиян в этом блоке присутствуют ценности «инициативность» (инструментальная, либеральная), «нравственность» (инструментальная, общечеловеческая) и «жертвенность» (инструментальная, традиционная), наименее значимые по сравнению с другими элементами данного блока.

Исторически Россия – это многонациональная страна, известная гостеприимством русского народа, щедростью русской души. У россиян богатое культурное наследие, прослеживается связь с православными взглядами и ценностями, присутствует уважение к правде, воспитание в себе благородности и любви к окружающим, при этом ощущение грешности, негативное отношение к вере в свои силы, негативное отношение к деньгам и богатству, склонность полагаться на волю Божию. Русскому народу свойственна щедрость – с одной стороны, и расточительность и пустое «разбазаривание» чего бы то ни было – с другой, в совокупности с бесшабашностью и безалаберностью, с вечной надеждой на «авось».

Русский человек мужествен, способен терпеть боль, пренебрежительно относиться к проблемам со своим здоровьем, как показало исследование, нередко завышает самооценку своего здоровья, что в том числе является одной из причин ранней смертности мужчин.

Результаты исследования показали, что на повседневные затраты уходит вся заработная плата у 31 % россиян, при чём у 12 % из них денег не хватает до зарплаты. В Восточной Сибири ситуация иная – 37 % респондентов в Красноярском крае и 38 % в Республике Хакасия тратят всю зарплату на повседневные затраты, 10 % опрошенных в крае и 12 % в республике денег не хватает на повседневные затраты. Могут позволить себе ни в чем не отказывать лишь 2 % опрошенных жителей Красноярского края и 3 % респондентов из Хакасии. Однако здесь необходимо напомнить, что в русской куль-

Таблица 2.21

Функциональная структура ценностей населения России, Красноярского края и Республики Хакасия
(14 ценностных суждений, 5-балльная шкала, средние баллы, 2006 г., 2010 г.)¹

Россия в целом (2006)		Россия в целом (2010)		Красноярский край (2010)		Хакасия (2010)	
Редуцированная структура		Редуцированная структура (14 суждений)		Редуцированная структура (14 суждений)		Редуцированная структура (14 суждений)	
R	Ценности / баллы	R	Ценности / баллы	R	Ценности / баллы	R	Ценности / баллы
Интегрирующее ядро (свыше 4,6)							
1-2.	Порядок 4,69	1	Жизнь человека 4,8	1	Жизнь человека 4,58	1	Жизнь человека 4,56
1-2.	Семья 4,69	2	Семья 4,79	2	Семья 4,56	2	Общительность 4,49
		3-4	Общительность 4,73	3	Общительность 4,52	3	Семья 4,48
		3-4	Порядок 4,73	4	Порядок 4,44		
Интегрирующий резерв (3,91-4,6)							
3.	Общительность 4,51	5	Благополучие 4,6	5	Свобода 4,24	4	Порядок 4,39
4.	Жизнь человека 4,37	6	Независимость 4,48	6	Независимость 4,23	5	Свобода 4,17
5.	Традиция 4,34	7	Свобода 4,44	7	Благополучие 4,13	6	Независимость 4,14
6.	Свобода 4,25	8	Традиция 4,41	8	Работа 4,00	7-8	Работа 4,03
7.	Независимость 4,14	9	Работа 4,29	9	Традиция 3,92	7-8	Благополучие 4,03
8.	Работа 4,08	10	Инициативность 4,14				
9.	Инициативность 4,0	11	Нравственность 4,11				
10.	Жертвенность 3,99	12	Жертвенность 4,07				

Оплонярующлй дйфференцлал (2,81-3,9)			
11. Благополучле 3,68		10 Инициативность 3,69	9 Традиция 3,74
12. Нравственность 3,66		11 Жертвенность 3,39	10 Инициативность 3,67
		12 Нравственность 3,53	11 Нравственность 3,54
			12 Жертвенность 3,39
Конфликтogenous периферия (2,8 и меньше)			
13. Властность 2,24	13 Властность 2,77	13 Своевольность 2,35	13 Своевольность 2,55
14. Своевольность 2,06	14 Своевольность 2,48	14 Властность 2,07	14 Властность 2,18
Средняя поддержка ценностных суждений (в баллах)			
3,90	4,2	3,83	3,81

<?> Данные о ценностях получены и представлены в соответствии с методикой Н.И. Лапина, опубликованной в: Структура ценностей россиян: Всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России / под ред. Е.А. Когай. – Курск, 2007. – С. 41–56.

туре не принято рассказывать о своих успехах, зато свойственно откровенно повествовать о бедах и страданиях, зная, что тебя поймут и поддержат.

Тем не менее, несмотря на не самое благоприятное экономическое положение, 59 % жителей России в той или иной мере удовлетворены своей жизнью (табл. 1.4, параграф 1.2). Если в России удовлетворённых своей жизнью – 59 %, то в Сибири значительно меньше – 48 % в Красноярском крае и 55 % в Республике Хакасия. При этом нужно учитывать, что во многих регионах России социально-экономическая ситуация по ряду показателей лучше, чем в суровой и далёкой Сибири. Можно сделать вывод, что для жителей Красноярского края нет ничего сложного и неисправимого, а если есть, то они адаптируются под окружающие условия и будут жить, успешно преодолевая трудности. Несмотря на более суровый климат в Сибири, её жители отличаются сибирским здоровьем, выносливостью, закалкой.

К совершенно не удовлетворенным своей жизнью отнесли себя 6% жителей России. Несмотря на то что 27 % респондентов в России в той или иной мере не удовлетворены своей жизнью, покинуть родные края хотели бы всего 4 % респондентов. Большинство респондентов из числа населения страны в целом довольны проживанием на территории РФ, пусть даже и их многое не устраивает, но покидать родные места они не желают, что указывает на патриотизм и привязанность к родным местам у жителей России.

По данным исследования 2011 г., 81 % жителей Красноярского края, в случае войны, стали бы воевать за свою страну (17 % – нет и 2 % отказались от ответа). При этом 69 % респондентов в той или иной мере гордятся, что они россияне и почти четверть опрошенных (23%) не испытывают гордости по этому поводу.

Сибирский менталитет – это социокультурный феномен, имеющий свою структуру и функции. В современных условиях, модернизационных процессах в экономике, социокультурной сфере, изучение менталитета жителей региона, традиционно славившихся своей независимостью, самостоятельностью, энергичностью, открытостью новому и преодолением трудностей, чрезвычайно актуально. Во-первых, это путь углубленного изучения социальной истории Сибири. Подобные исследования включают в историю региона духовное содержание, проблемы человека, что является основой регионально-территориальной антропологии и социологии. Только

исторические, экономические, политические исследования региона недостаточны. Включение в исследовательский процесс социально-антропологического направления – основа системного представления о Сибири как особом регионе страны. Во-вторых, это важно для выявления готовности населения к адаптации к новым формам социальных отношений и новым практикам современного, модернизирующегося общества. В этих условиях необходимо возрождение и развитие регионального самосознания (патриотизма), достоинства, ценности жизни на этой территории, пробуждение интереса к прошлому опыту, традициям, верованиям, в целом социальной истории. Таким образом, актуализация изучения менталитета – один из путей системного познания территориальной общности и основа поиска субъективных факторов развития Восточной Сибири, очень важного для страны «ресурсного» региона как в плане человеческого капитала, так и в плане экономики и промышленности России.

3. ОРИЕНТАЦИИ НА ЦЕННОСТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

3.1. Социология эмоций: ориентации на ценностные переживания и базовые ценности¹

В современной социологической литературе имеется огромный опыт изучения базовых ценностей, в том числе проведения представительных сравнительных исследований на основе концепций Р. Инглхарта², Ш. Шварца³, Г. Хофстеде⁴ и др. В российской социологии широко известны подходы к изучению базовых ценностей, разра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10-03-00001а.

² Inglehart R. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies.* – Princeton: Princeton University Press, 2007. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence.* – New York: Cambridge University Press, 2005. Inglehart R., Baker W.E. *Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American Sociological Review.* – 2000. – Vol. 65. – P. 19–51.

³ Schwartz Sh., Sagie G. *Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // Journal of Cross-Cultural Psychology.* – 2000. – Vol. 31 (4). – P. 465–497. Schwartz Sh. *Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / Edited by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester.* – Leiden, Netherlands: Brill, 2004. – P. 43–73. Schwartz Sh. *A Theory of Cultural Value Orientations // Comparative Sociology.* – 2006. – Vol. 5. – P. 137–182.

⁴ Hofstede G. *Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations.* – Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival.* – McGraw-Hill, 1996. Hofstede G., Hofstede G.J. *Cultures and Organizations: Software of the Mind.* – New York: McGraw-Hill, 2004.

ботанные Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой¹, В.А. Ядовым² и другими авторами³.

Вместе с тем, базовыми ценностями мы можем называть не только некие рационально сформулированные конструкты, которые как в науке, так и в массовом сознании традиционно воспринимаются как ценности и имеют основополагающий характер для ценностной системы того или иного социума, лежат в её основе. Ими могут быть и особые эмоциональные состояния, имеющие ценностный характер.

На Западе социология эмоций бурно развивается несколько десятилетий, существуют и бурно конкурируют между собой различные научные школы в этой области. Можно назвать только несколько недавних разноплановых публикаций, например, *Handbook of the Sociology of Emotions* 2006; Shilling 2002; Turner 2009; Barbalet 2006, 2011; Barbalet 2009, Dickson-Swift, James, Kippen, Liamputtong 2009 и др.⁴. В России эти подходы не получили пока должного признания, за исключением работ В.Г. Немировского, 2007, 2008, 2011⁵.

¹ Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н.И. Лапин и Л.А. Беляева. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. Лапин Н.И. Как чувствую себя, к чему стремиться граждане России // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 78–87.

² Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. – Л., 1979.

³ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. – М., 2003.

⁴ *Handbook of the Sociology of Emotions* / Ed. by J.E. Stets, J.H. Turner. – New York, Springer, 2006. Shilling C. The Two Traditions in the Sociology of Emotions // *Emotions and Sociology* / Ed. by J.M. Barbalet. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – P. 10–32. Turner, J. The sociology of emotions: basic theoretical arguments. – *Emotion Review*. – 2009. – Vol. 1. – 340–354. Barbalet J.M. Emotional Payoff of Ritual // *European Journal of Sociology*. – 2006. – Vol. 47 (3). – P. 446–451. Barbalet J. Emotions beyond Regulation: Backgrounded Emotions in Science and Trust // *Forthcoming in Emotion Review*. – 2011. – P. 1–14. Barbalet J. Consciousness, emotions, and science // *Theorizing emotions: Sociological explorations and applications* / Ed. by D. Hopkins, J. Kleres, H. Flam, H. Kuzmics. – New York: Campus Verlag, 2009. – P. 39–71. Researching sensitive topics: qualitative research as emotion work. V. Dickson-Swift, E.L. James, S. Kippen, P. Liamputtong // *Qualitative Research*. – 2009. – Vol. 9. – № 1. – P. 61–79.

⁵ Nemirovsky V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Post–Non–Classical Sociology // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. – 2007. – Vol. 2. – N. 1. – P. 65–77. Nemirovsky V.G. The Theoretical-methodological Foundations of Post–non–Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology // *Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University*. – Krasnoyarsk, 2008. – № 1. – P. 77–90. Nemirovsky V.G. Orientations of the Region’s Population on Value Experiences as an Indicator of the Level of Development and Semantic Content of Social Capital // *Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University*. – Krasnoyarsk, 2011. – № 7. – P. 1025–1033. Nemirovsky V.G. Sociology of Emotions: Relationship of

К настоящему времени опубликовано несколько работ отечественных авторов, в которых анализируются зарубежные тенденции развития социологии эмоций (М.И. Деева¹, О.А. Симонова² и др.).

Есть ряд отечественных социологических исследований эмоций (а также авторов из некоторых стран СНГ), однако все они касаются, прежде всего, различных проявлений элементарных эмоций, например, страха (Е.М. Головаха, Н.В. Панина³, В.А. Ядов⁴, С.Я. Матвеева, В.Э. Шляпентох⁵ В.Э. Шубкин, В.А. Иванова⁶, Россия на новом переломе: страхи и тревоги⁷). При этом подробно и всесторонне изучено «социальное настроение», начало активному социологическому анализу которого в России положили работы Ж.Т. Тощенко⁸.

Недавно сделана попытка, к сожалению явно неудачная, на фоне реально существующей в зарубежной науке социологии эмоций, обобщить результаты теоретических исследований эмоций и сформулировать направления дальнейших исследований этого феномена. Но в анализе отсутствует авторский концептуальный подход, в результате чего привлечённый материал страдает описательностью, случайностью, и неполнотой анализа. Из статьи непонятно, чем отличается социологический подход к анализу эмоций от подхода, используемого в психологии масс. Попытки заменить теоретико-методологические основания анализа здравым смыслом приводят к таким, например, авторским определениям, как «эмоции – специфи-

the Orientations on Value Experiences and Core Values // Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University. – Krasnoyarsk, 2011. – № 8. – P. 1073-1082.

¹ Деева М.И. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюргеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 134–154.

² Симонова О.А. Социологическое исследование эмоций в современной американской социологии: концептуальные проблемы // Социологический ежегодник. Серия «Теория и история социологии» / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: РАН, ИНИОН, ГУ ВШЭ, 2009. – С. 292–331.

³ Головаха Е.М., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. – Киев, 1994.

⁴ Ядов В.А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 77–91.

⁵ Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. – Новосибирск, – 2000. – 184 с.

⁶ Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. – СПб., 2004. – 216 с.

⁷ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М., 2009. – 160 с.

⁸ Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21–34.

ческая форма социальной действительности». Или к противоречивым, банальным и, мягко говоря, спорным выводам: «Конечно, желательнее, чтобы большинство решений принималось скорее рационально, чем на основе чувств (?! – В.Н.). Но решение, игнорирующее чувства людей, может быть воспринято недоброжелательно и привести к неблагоприятным последствиям»¹.

«Борьба» между представителями «рационалистического» и «иррационалистического» подходов в гуманитарных науках имеет давнюю традицию. Однако обсуждение позиций сторонников каждого из вышеозначенных подходов, как и обзор происходивших между ними дискуссий, не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в современной отечественной социологии мы всё же чаще сталкиваемся с недооценкой именно эмоциональной сферы личности, а не её рациональных объяснений каких-либо действий.

Сразу подчеркнём, что нам импонирует подход, выраженный более ста лет назад знаменитым русским историком и социологом, почётным членом Академии наук СССР Н.И. Кареевым, который призывал: «Социология должна раз и навсегда отказаться от чистого интеллектуализма психологии. В создании общественных явлений едва ли не более важную роль играет эмоциональная и волевая сторона жизни индивида»².

Современная **постнеклассическая (универсумная) социология** рассматривает человека в единстве сознательных и бессознательных, рациональных и эмоциональных проявлений³. В частности, ещё в начале 1980-х гг. нами было введено в социологический оборот понятие «ценностные переживания», правомерность и эф-

¹ Горбунова М.Ю., Фиглин Л.А. Эмоции как объект социологического исследования: библиографический анализ // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 13–22.

² Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1907. – С. 37.

³ Nemirovsky V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Post-Non-Classical Sociology // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – N. 1. – P. 65–77. Nemirovsky V.G. The Theoretical-methodological Foundations of Post–non–Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology // Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University. – Krasnoyarsk, 2008. – № 1. – P. 77–90. Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В. Современная социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. Учеб. пособие. – М., 2003. – 555 с. Немировский В.Г. Неклассические и постнеклассические подходы в современной российской социологии // Социология (Журнал PoCA). – 2005. – № 2. – С. 19–30.

фективность которого были защищены в докторской диссертации¹. Разработан и вопросник, с помощью которого за более чем 20 лет опрошены десятки тысяч респондентов². С использованием данной методики подготовлены и защищены несколько кандидатских диссертаций.

Данная методика основана на том, что с точки зрения современной психологии эмоции выполняют две функции: **оценки** и собственно **ценности** (по терминологии В.К. Вилюнаса – производные и ведущие эмоциональные побуждения и состояния)³. Реализуя функцию оценки, эмоции являются реакцией механизмов регуляции на воздействия, значимые для биологического или психологического равновесия субъекта. Функция ценности выражается в формировании у людей ориентаций на определённые комплексы эмоций или эмоциональной направленности. В своё время в психологии проблема эмоциональной направленности была подробно разработана Б.И. Додоновым⁴. Согласно его выводу, у людей наряду с целевыми установками, формируются также установки на определённые комплексы эмоций. Первоначально чисто функциональная потребность человека в эмоциональном насыщении преобразуется в его стремления к определённым переживаниям своих отношений к действительности. Ценностные ориентации, создаваемые потребностями в отношении, Б.И. Додонов называет проникающими ориентациями, поскольку одна и та же ориентация этого вида может выражать себя, проникая в различные сферы деятельности. Именно проникающие ориентации и лежат в основе ориентаций на ценностные переживания, которые были нами впервые изучены с социологических позиций.

Ориентации на ценностные переживания непосредственно выражают определённые потребности, поэтому их индикатором может служить описание состояния удовлетворения этой потребности, которые и легли в основу данной методики. Б.И. Додоновым был разработан более тридцати лет назад тест «Эмоциональная направлен-

¹ Немировский В.Г. Концепции смысла жизни в массовом сознании студенческой молодёжи: методология и опыт социологического исследования: дис. ... д-ра социол. наук. – Вильнюс, 1990.

² Немировский В.Г. Социология личности. Теория и опыт исследования. – Красноярск, 1989. Немировский В.Г. Смысл жизни: поиски им проблемы. – Киев, 1990. – 223 с.

³ Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1976.

⁴ Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.

ность личности», включающий ориентации на 10 ценностных переживаний. Однако спектр этих ориентаций значительно шире. Нами был создан и широко апробирован тест, включающий ориентации на 34 ценностных переживания, предназначенный для социологических исследований.

Подчеркнём, что данный аспект аффективной сферы личности совершенно не изучен ни в западной, ни в отечественной социологии (за исключением нескольких работ наших учеников), где предметом социологического исследования выступают главным образом элементарные эмоции, социальные чувства и эмоциональные состояния.

Базовые ценностные ориентации личности (аттитюды) образуют сложную иерархическую систему. Такая точка зрения широко распространена в современной социологии и психологии. В качестве примеров можно привести иерархию человеческих потребностей и связанных с ней ценностей представителя гуманистической психологии А. Маслоу, семь уровней ценностных ориентаций в трансперсональной психологии, четыре уровня в системе диспозиций личности, разработанной В.А. Ядовым и др.

Опираясь на концепцию А. Маслоу, мы построили следующую иерархию потребностей и соответствующих им ориентаций на ценностные переживания:

0. Потребности в разрушении (в том числе и саморазрушении).
1. Физиологические (органические) потребности.
2. Потребности в безопасности.
3. Потребности в принадлежности к сообществу и любви.
4. Потребности уважения (почитания).
5. Познавательные, нравственные потребности.
6. Творческие, эстетические потребности, потребности в самовыражении и самореализации.
7. Социально-альтруистические и высшие духовные потребности.

На наш взгляд, ориентации на ценностные переживания обладают всеми свойствами аттитюдов и включают три компонента: когнитивный (рассудочный), аффективный (эмотивный) и конативный (поведенческий). Рассматриваемая методика предназначена для изучения аффективного уровня ориентаций на ценностные переживания как наиболее полно выражающего мотивационную сферу человека.

Ценностные переживания и выражаемые ими потребности

0-й уровень:

- потребности в **доминировании**: «Сладостное ощущение, когда видишь, что какой-либо человек находится в твоей власти, полностью зависит от тебя»;
- **«антитворческой»** потребности: «Своеобразное приятное чувство, удовлетворение, возникающее, когда удаётся помешать человеку, который что-либо рисует, читает вслух стихи или играет на музыкальном инструменте»;
- **садистской** потребности: «Сладостное ощущение, возникающее порой, когда представляется возможность кого-либо унижить, обидеть, оскорбить, сделать кому-либо больно»;
- **мазохистской потребности**: «Приятное чувство, возникающее порой, когда кто-нибудь обидит, унижит Вас, сделает Вам больно».
- **потребность в «высшем» покровителе**: «Покой и светлая радость, когда ощущаешь, что есть Высшее существо (Бог, святой, ангел и т.п.), которые защищают и помогают Вам в жизни».

1-й уровень:

- потребности в **беспристрастности, в самодостаточности**: «Приятное чувство, когда ничего Вас не волнует, когда не испытываете пристрастия к чему-либо или кому-либо»;
- потребности в **стабильности**: «Чувство уверенности, спокойствия в ситуации привычной, понятной, когда заранее известна окружающая обстановка»;
- потребности в **опасности, риске**: «Боевое возбуждение, подъем, чувство риска, упоение ими, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности»;
- потребности в **контроле**: «Приятные ощущения, когда какое-либо дело полностью зависит от Вас или когда от Ваших действий зависит судьба какого-либо человека»;
- **конформистской** потребности: «Чувство удовлетворения, когда находишься в тени, ничем не выделяясь из окружающих людей»;
- **гедонистической** потребности: «Веселье, беззаботность, хорошее физическое самочувствие, наслаждение вкусной едой, отдыхом, безмятежной жизнью»;

- **эгоистической** потребности: «Чувство удовлетворения, когда удается реализовать свои личные цели, даже если они противоречат стремлениям окружающих Вас людей».

2–й уровень:

- потребности **в приобретении вещей**: «Радостное волнение, нетерпение при приобретении новых вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что их станет больше»;
- потребности **в пассивном отношении к миру**: «Чувство удовлетворения, когда все идет своим чередом и нет необходимости узнавать что-то новое»;
- потребности **в покровителе**: «Приятное, спокойное ощущение, когда знаешь, что рядом с тобой человек, который все за тебя решит и когда надо только следовать его указанию»;
- потребности **в расточительстве**: «Чувство удовлетворения, радость от собственной щедрости, когда можно тратить что-либо, не задумываясь о последствиях».

3–й уровень:

- потребности **в престиже**: «Радость и гордость, когда находишься в центре внимания, когда тобой искренне восхищаются»;
- потребности **в безопасности**: «Приятное ощущение безопасности, уверенности, когда знаешь, что никто и ничто Вам не угрожает»;
- потребности **в любовных переживаниях**: «Приятное чувство, радостное возбуждение, возникающее, когда находишься наедине с человеком, которого любишь или когда думаешь об этом».
- **Стадной** потребности «Ощущение покоя и защищённости, когда находишься среди людей своего круга, своей национальности, земляков, своего вероисповедания, одинаковых политических взглядов, схожего социального статуса и уровня достатка».

4–й уровень:

- потребности **в романтике, приключениях**: «Чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющееся в незнакомой местности, обстановке»;

- потребности **в общении**: «Радость, хорошее настроение, когда общаешься с хорошими людьми, когда видишь взаимопонимание, дружбу»;
- потребности **в деятельности**: «Радостное возбуждение, подъем, когда работа идет хорошо, когда видишь, что доби- ваешься успешных результатов»;
- потребности **в свободе**: «Приятное ощущение, когда ты полностью свободен, никто тебя не ограничивает и можно делать, что хочешь».

5-й уровень:

- потребности **в содействии окружающим**: «Чувство радости и удовлетворения, когда удается сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей»;
- потребности **в осмысленности жизни**: «Чувство удовлетво- рения, когда видишь перед собой большую цель и понима- ешь, что живешь не напрасно»;
- **познавательной** потребности: «Горячий интерес, наслажде- ние при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами».
- **эстетической** потребности: «Своеобразное сладкое и краси- вое чувство, возникающее при восприятии природы, музы- ки, стихов и других произведений искусства».

6-й уровень:

- **альтруистической потребности**: «Чувство радости, когда окружающим Вас людям удается сделать что-то лучше, чем Вам».
- **социально-альтруистической потребности**: «Чувство ра- досты, удовлетворения, что своим существованием Вы при- носите пользу обществу».
- **соборной потребности**: «Ощущение радости, сопри- частности к чему-то большому и существенному, когда вместе с другими людьми *безвозмездно* делаете важное общее дело».
- **потребности в творчестве**: «Радость и счастье от про- цесса любого творчества, созидания нового, решения трудной задачи, когда удаётся сделать что-то необыч- ное».

7-й уровень:

- **потребности в единстве со Вселенной:** «Безграничный восторг, ощущение необычайной полноты бытия, появляющееся, когда удаётся ощутить себя частицей Вселенной, осознать своё единство с ней».
- **религиозной потребности:** «Чувство всепроникающей радости, восторга, сопричастности к чему-то Высшему, возникающее порой во время страстной молитвы».

Респондентам предлагалось оценить каждое из описаний ценностного переживания по 5-балльной шкале: «не испытывал» - 0, «испытывал, но не нравится» - 1, «немного нравится» - 2, «довольно нравится» - 3, «очень нравится» - 4.

Эмпирической основой данной работы является опрос населения Красноярского края, проведённый Отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета в 2011 г. Он осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (48 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах Красноярского края, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края. Объем выборки составил 1250 человек. Полученные данные обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа.

3.2. Взаимосвязь ориентаций на ценностные переживания и базовых ценностей, измеряемых по методике Ш. Шварца

Ориентации на базовые ценности выступают более верхним слоем массового сознания по сравнению с ориентациями на ценностные переживания. Первые во многом представляют своеобразный

синтез общественного значения данной ценности, социальных норм, обуславливающих отношение к данной ценности («негативная» – «позитивная», «отвергаемая» – «принимаемая» и т.п.) и проекцией соответствующих собственных потребностей индивида на эту ценность. Последняя зачастую бывает настолько мала, что при опросе респондент транслирует общественное значение данной ценности и действующие в данной среде в её отношении социальные нормы (как будет показано на эмпирическом материале, к базовым ценностям, фиксируемым по методике Ш. Шварца, сказанное далее практически не относится). В результате исследований нередко обнаруживается, что ориентации на подобные базовые ценности находятся на поверхностном, вербальном, уровне массового сознания. В таком случае очень трудно определять их как «базовые» ценности, так как на них ничего не базируется, кроме, например, желания респондента давать социально одобряемые ответы.

Напротив, ориентации на ценностные переживания, непосредственно выражающие потребности человека, характеризуют личностный смысл той или иной рационально сформулированной базовой ценности. Поэтому применение корреляционного анализа позволяет выявить личностный смысл различных базовых ценностей у респондентов. Очевидно, в различных культурах он может различаться, и весьма существенно. Поэтому необходимы более обширные сравнительные исследования с использованием предложенного инструментария.

Как известно, ещё более двадцати лет назад Ш. Шварц и В. Билски¹ (Schwartz, Bilsky 1987, 1990, 1992) создали оригинальную концепцию базовых ценностей человека. Они опирались на представление о том, что в основе ценностей лежат три универсальных потребности человеческого существования; человека как биологического организма; потребности людей в координированном взаимодействии; потребности выживания и благополучия группы и общества. На их основе Ш. Шварц выделил 10 базовых ценностей, с целью измерения которых респонденту предлагалось оценить по

¹ Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – Vol. 58. – P. 878–891; Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Edited by M.P. Zanna. – San Diego, CA: Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–6.

шестибалльной шкале ряд «портретов» людей, выразивших определённые ценности. В дальнейшем, с помощью методов математической статистики, Ш. Шварц выделил 4 категории наиболее тесно взаимосвязанных между собой ценностей и получил следующие обобщённые ценности, образующие две оси: «Самоутверждение» – «Выход за пределы Я», «Сохранение» – «Открытость изменениям».

В нашем вопроснике были использованы следующие формулировки: «Для каждого высказывания оцените, пожалуйста, насколько такой человек походит на Вас?» (очень похоже на меня – похоже на меня – чем-то похоже на меня – немного похоже на меня – не похоже на меня – совсем не похоже на меня). В опросе применялась сокращённая методика, заимствованная из анкеты Всемирного исследования ценностей под руководством Р. Инглхарта¹.

Описания результатов исследований с применением данной методики широко опубликованы на Западе². Исследования с использованием методики Ш. Шварца (её варианта, включающего 21 ценностное суждение) в России проводились, в частности, в рамках «Европейского социального исследования»³. Её перевод на русский язык и адаптация были осуществлены В.Н. Карандашёвым⁴.

Наши исследования показали, что существуют значимые корреляционные взаимосвязи между ориентациями на ценностные пере-

¹ Documentation of the Values Surveys [Электронный ресурс] // World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDocumentation.jsp>

² Schwartz Sh., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – Vol. 58. – P. 878–891. Schwartz Sh. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / Edited by M.P. Zanna. – San Diego, CA: Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–6. Schwartz Sh. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. – Leiden, Netherlands: Brill, 2004. – P. 43–73. Schwartz Sh. A Theory of Cultural Value Orientations // *Comparative Sociology*. – 2006. – Vol 5. – P. 137–182. Schwartz Sh. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // *Measuring and Mapping Cultures: 25 Years of Comparative Value Surveys* / Edited by Y. Esmer, T. Pettersson. – Leiden – Boston, 2007. – P. 33–79.

³ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестник общественного мнения*. – 2008. – № 1. – С. 33–58.

⁴ Карандашёв В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 72 с.

живания и базовыми ценностями, зафиксированными по методике Ш. Шварца (направление корреляции – обратное)

1. Ценность **самостоятельность**, ценностное суждение «Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем» коррелирует:

Прямая зависимость: с ориентациями на переживания потребностей: в творчестве (коэффициент корреляции Пирсона равен -0,272); в опасности, риске (-0,262), в романтике, приключениях (-0,236); в престиже; (-0,226); познавательной (-0,225); в контроле (-0,193), в смысле жизни (-0,192); гедонистической (-0,154), эстетической (-0,151); эгоистической (-0,139); в единстве со Вселенной (-0,136); в деятельности (-0,128); в доминировании (-0,128); в общении (-0,125), соборной (-0,125), социально-альтруистической (-0,124); в приобретении вещей (-0,107); садистской (-0,103), в «высшем» покровителе (-0,079); в расточительности (-0,070); в сексуальных переживаниях (-0,072); антитворческой (-0,069).

Обратная зависимость: конформистской (0,075), пассивном отношении к миру (0,175); в покровителе (0,068).

2. Ценность **богатство** – «Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей» коррелирует с ориентациями на переживания потребностей:

Прямая зависимость: в доминировании (-0,292); в престиже (-0,274); в опасности, риске (-0,211); эгоистической (-0,191); в приобретении вещей (-0,179); в контроле (-0,160); садистской (-0,157); гедонистической (-0,147); «антитворческой» (-0,132); в романтике, приключениях (-0,123); мазохистской (-0,116); в расточительности (-0,107); в сексуальных переживаниях (-0,061); эстетической (-0,069).

Обратная зависимость: соборной (0,109); альтруистической (0,101); конформистской (0,081); в безопасности (0,072).

3. Ценность **безопасность** – «Жизнь в безопасности очень важна для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность».

Прямая зависимость: в безопасности (-0,175); в пассивном отношении к миру (-0,125); в покровителе (-0,123); конформистской (-0,113); в беспристрастности (-0,093); социально-альтруистической (-0,078); в стабильности (-0,072); стадной потребности (-0,069); в престиже (-0,057).

Обратная зависимость: в опасности, риске (0,216); в романтике, приключениях (0,119); эгоистической (0,102); гедонистической (0,072).

4. Ценность **гедонизм** – «Для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя».

Прямая зависимость: в престиже (-0,336); в доминировании (-0,331); гедонистической (-0,261); в опасности, риске (-0,229), эгоистической (-0,214); в приобретении вещей (-0,209); в романтике (-0,189); в свободе (-0,162); в расточительности (-0,153); «антитворческой» (-0,140); в сексуальных переживаниях (-0,136); в общении (-0,131); садистской (-0,130); в контроле (-0,105); в смысле жизни (-0,088); конформистской (0,086); познавательной (-0,083); в деятельности (-0,073); в покровителе (-0,071); мазохистской (-0,074); в «высшем» покровителе (-0,073).

Обратная зависимость: альтруистической (0,089).

5. Ценность **благожелательность** – «Для этого человека важно помогать ближним, заботиться об их благополучии».

Прямая зависимость: социально-альтруистической (-0,244); соборной (-0,204); в смысле жизни (-0,190); в содействии окружающим (-0,187); в общении (-0,162); стадной (-0,154); в безопасности (-0,139); в беспристрастности (-0,126); в стабильности (-0,121); в единстве со Вселенной (-0,121); в престиже (-0,113); в деятельности (-0,110); в творчестве (-0,104); эстетической (-0,102); альтруистической (-0,097); религиозной (-0,094); в контроле (-0,092); в «высшем» покровителе (-0,078); в сексуальных переживаниях (-0,077); в расточительности (-0,069); в пассивном отношении к миру (-0,061).

Обратная зависимость: садистской (0,070); эгоистической (0,066).

6. Ценность **достижение** – «Для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях».

Прямая зависимость: в престиже (-0,387); в доминировании (-0,294); в опасности, риске (-0,229); гедонистической (-0,210); в приобретении вещей (-0,209); эгоистической (-0,189); в романтике, приключениях (-0,170); в расточительности (-0,164); в контроле (-0,159); антитворческой (-0,150); в смысле жизни (-0,148); садистской (-0,144); в сексуальных переживаниях (-0,122); в деятельности (-0,103); в мазохистской (-0,102); общении (-0,094); в свободе (-0,095); социально-альтруистической (-0,094); в единстве со Вселенной (-0,087); в творчестве (-0,070); познавательной (-0,068); в покровителе (-0,058).

Обратная зависимость: конформистской (0,144).

7. Ценность **риск-новизна** – «Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к захватывающим событиям».

Прямая зависимость: в риске, преодолении опасности (-0,501); в приобретении вещей (-0,393); в романтике, приключениях (-0,359); в доминировании (-0,255); в престиже (-0,232); эгоистической (-0,215); гедонистической (-0,202); в контроле (-0,194); садистской (-0,181); в свободе (-0,171); антитворческой (-0,144); познавательной (-0,139); в смысле жизни (-0,125); в творчестве (-0,116); мазохистской (-0,100); в единстве со Вселенной (-0,096); в сексуальных переживаниях (-0,088); в расточительности (-0,082); в «высшем» покровителе (-0,060); в общении (-0,058).

Обратная зависимость: в безопасности (0,148); в пассивном отношении к миру (0,136); конформистской (0,091); в стабильности (0,076); в покровителе (0,064).

8. Ценность **конформность** – «Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди бы не одобрили».

Прямая зависимость: социально-альтруистической (-0,156); в стабильности (-0,152); конформистской (-0,144); в безопасности (-0,122); в общении (-0,063); в беспристрастности, самодостаточности (-0,110); соборной (-0,107); эстетической (-0,100); в содействии окружающим (-0,087); в свободе (0,083); альтруистической (-0,081); конформистской (-0,080); в пассивном отношении к миру (-0,078); в смысле жизни (-0,078); в контроле (-0,068) в единстве со Вселенной (-0,063).

Обратная зависимость: эгоистической (0,142); в опасности, риске (0,134); гедонистической (0,118); в романтике, приключениях (0,076); антитворческой (0,069); в приобретении вещей (0,066).

9. Ценность **универсализм** – «Для этого человека важно заботиться об окружающей среде и природе».

Прямая зависимость: в романтике, приключениях (-0,072); в общении (-0,126); в беспристрастности, самодостаточности (-0,130); в стабильности (-0,073); конформистской (-0,085); соборной (-0,123); в безопасности (-0,075); в деятельности (-0,059); стадной (-0,098); в единстве со Вселенной (-0,085); содействии окружающим (-0,121); эстетической (-0,207); познавательной (-0,121); альтруистической (-0,135); в творчестве (-0,160); социально-альтруистической (-0,204); в смысле жизни (-0,151); религиозной (-0,107).

Обратная зависимость: эгоистической (0,127); садистской (0,069); в доминировании (0,085).

10. Ценность **традиции** – «Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии».

Прямая зависимость: в беспристрастности, самодостаточности (-0,269); стадной (-0,226); религиозной потребности (-0,216); социально-альтруистической (-0,209); в безопасности (-0,183); соборной (-0,181); альтруистической (-0,163); в смысле жизни (-0,162); в стабильности (-0,143); эстетической (-0,140); в содействии окружающим (-0,122); в единстве со Вселенной (-0,117); в покровителе (-0,113); в общении (-0,105); конформистской (-0,100); в творчестве (-0,075); мазохистской (-0,070); в контроле (-0,067); в деятельности (-0,066); в «высшем» покровителе (-0,064); в пассивном отношении к миру (-0,057).

Обратная зависимость: эгоистической (0,104); гедонистической (0,095); в риске, опасности (0,068); в романтике, приключениях (0,058).

Итак, выявлены достаточно высокие корреляционные взаимосвязи между ориентациями на базовые ценности, фиксируемые по методологии и методике Ш. Шварца, и ориентациями респондентов на ценностные переживания. Наличие достаточно высоких корреляционных взаимосвязей у ряда базовых ценностей с ориентациями на ценностные переживания, которые противоречат друг другу и относятся к разным иерархическим уровням, свидетельствует о том, что данные базовые ценности имеют неодинаковый личностный смысл для разных респондентов или же «маскируют» у респондентов наличие некоторых психологических комплексов. Соответственно, они могут выступать средством удовлетворения противоречивых потребностей. Таким образом, традиция использовать рационально сформулированные базовые ценности зачастую не учитывает того факта, что они подчас имеют противоречивый и неоднозначный личностный смысл. Причём последний не всегда совпадает с тем социальным значением, которое им придаётся в процессе исследований.

3.3. Взаимосвязь ориентаций на ценностные переживания и базовых ценностей, измеряемых по методике Н.И. Лапина

Известным российским учёным Н.И. Лапиным была разработана социокультурная модель базовых ценностей, которая выступила основой для многочисленных исследований как в России в целом,

так и в её отдельных регионах, а также сравнительного анализа полученных данных (см. табл. 3.1.)¹.

Нами будет рассмотрена взаимосвязь базовых ценностей, фиксируемых с помощью методики Н.И. Лапина и ориентаций на смысловые переживания. Базовые ценности, согласно методике Н.И. Лапина, представляют ряд типов потребностей: витальные; интеракционные; социализационные; смысловые. Ориентации на ценностные переживания (которые, как уже отмечалось, также отражают различные потребности) при этом представляют более глубокий слой массового сознания, непосредственно выражая личностный смысл базовых ценностей. В то время как последние, в основном, характеризуются своим социальным значением. Следует подчеркнуть, что одна и та же базовая ценность может иметь неодинаковый, а подчас и противоположный личностный смысл для разных индивидов.

Число и теснота корреляционных взаимосвязей между ориентациями на ценностные переживания и на базовые ценности свидетельствуют о личностной значимости последних для респондентов. Некоторые ценности, имеющие минимальные корреляционные взаимосвязи с ценностными переживаниями, практически не несут личностного смысла для большинства респондентов и оказываются усвоенными ими лишь на вербальном уровне (например, ценности «работа», «порядок»).

Согласно результатам корреляционного анализа, базовая ценность **нравственность** (ценностное суждение: «В любых условиях красота делает человека лучше и чище») взаимосвязана с ориентациями на переживания:

Прямая зависимость: альтруистической потребности (0,247), стадной потребности (0,171), в смысле жизни (0,157), в престиже (0,155), в контроле (0,150), соборной потребности (0,137), конформистской потребности (0,136), потребности в единстве со Вселенной (0,132), в знаниях (0,130), в покровителе (0,112), потребности в расто-

¹ Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с., Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–20. Лапин Н.И. Базовые ценности и социокультурная трансформация России // Социология власти. – 1999. – № 4. – С. 74–85. Лапин Н.И. Как чувствуют себя и к чему стремятся россияне // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 78–87. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

Таблица 3.1

Социокультурная модель базовых ценностей¹

(В косых скобках обозначены виды потребностей: *вит* – витальные, *инт* – интеракционные, *соц* – социализационные, *см* – смысложизненные)

	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиция / <i>см</i> / Семья / <i>вит, см</i> /	Порядок / <i>инт</i> / Благополучие / <i>вит</i> / Работа / <i>вит, см</i> /	Жизнь индивида / <i>вит, см</i> / Свобода / <i>инт, см</i> /
Инструментальные	Жертвенность / <i>вит, см</i> / Своевольность / <i>см</i> /	Общительность / <i>инт</i> / Нравственность / <i>инт, соц, см</i> /	Независимость / <i>соц</i> / Инициативность / <i>соц</i> /

чительности (0,108) эгоистической потребности (0,107), религиозной потребности (0,104), в приобретении вещей (0,098), в стабильности (0,093), в «Высшем» покровителе (0,088), эстетической (0,084).

Обратная зависимость: садистской потребности (-0,080).

Ценность **благополучие** («Главное в жизни – забота о своём здоровье и благополучии») коррелирует с ориентациями на переживания потребности:

Прямая зависимость: в престиже (0,203), в покровителе (0,175), в безопасности (0,166), в свободе (0,143), эгоистической потребности (0,142), гедонистической (0,128), социально-альтруистической потребности (0,117), в расточительстве (0,115), сексуальной (0,115), в беспристрастности (0,106), стадной потребности (0,103), в приобретении вещей (0,091), в «Высшем» покровителе (0,087), в доминировании (0,091), религиозной (0,078).

Обратная зависимость: эстетической (-0,103), садистской (-0,082).

Ценность **своевольность** («Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека») взаимосвязана с ориентациями на переживания потребности:

Прямая зависимость: в доминировании (0,244), садистской (0,164), в опасности, риске (0,149), эгоистической (0,131), антитворческой (0,079).

¹ Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. – М., 2006. – С. 132.

Обратная зависимость: в общении (-0,127).

Ценность **свобода** («Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл»):

Прямая зависимость: в безопасности (0,152), эстетической (0,149), в деятельности (0,148), в стабильности (0,138), эгоистической (0,133), в свободе (0,120), в смысле жизни (0,108), в пассивном отношении к миру (0,107), в сексуальных переживаниях (0,096), альтруистической (0,091), в содействии окружающим (0,086), в общении (0,085), в стадности (0,079).

Обратная зависимость: садистской (-0,096).

Ценность **работа** («Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни»):

Прямая зависимость: эгоистическая (0,109), в престиже (0,108), в приобретении вещей (0,097), в творчестве (0,094), религиозная потребность (0,091), в контроле (0,076).

Ценность **порядок** («Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами»):

Прямая зависимость: в расточительности (0,098), альтруистической (0,092), в безопасности (0,091), в стабильности (0,083).

Обратная зависимость: в опасности, риске (-0,120), садистской (-0,098), антитворческой (-0,097), в доминировании (-0,086), в романтике (-0,075).

Ценность **общительность** («В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения»):

Прямая зависимость: в безопасности (0,171), социально-альтруистической (0,170), в содействии окружающим (0,115), в смысле жизни (0,114), в контроле (0,108), в пассивном отношении к миру (0,105), в деятельности (0,101), альтруистической (0,101), эгоистической (0,89), в покровителе (0,085), соборной (0,081), в престиже (0,079), в расточительстве (0,076).

Обратная зависимость: в романтике (-0,146), в стадности (-0,095), в страданиях (-0,093).

Ценность **семья** («Люди и государство должны больше всего заботиться о детях»):

Прямая зависимость: в безопасности (0,133), альтруистическая (0,124), в общении (0,118), социально-альтруистическая (0,114), конформистская (0,110), в контроле (0,108), соборной потребности

(0,099), эстетической (0,096), в деятельности (0,094), содействии окружающим (0,086), в пассивном отношении к миру (0,083), в расточительности (0,081).

Обратная зависимость: садистской (-0,138), антитворческой (-0,103).

Ценность **независимость** («Я стал таким, какой я есть, главным образом, благодаря собственным усилиям»):

Прямая зависимость: в свободе (0,111), эстетическая (0,105), в сексуальных переживаниях (0,104), в пассивном отношении к миру (0,095), социально-альтруистическая (0,083), в безопасности (0,080).

Ценность **властность** («Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других»):

Прямая зависимость: в доминировании (0,360), эгоистической (0,237), антитворческой (0,217), садистской (0,215), в престиже (0,207), в приобретении вещей (0,161), религиозной потребностью (0,156), в свободе (0,152), в страданиях (мазохистская) (0,151), в беспристрастности, самодостаточности (0,139), потребность в единстве со Вселенной (0,121), в пассивном отношении к миру (0,109), в риске (0,106), в контроле (0,083), в расточительности (0,082).

Обратная зависимость: в содействии окружающим (-0,128), в общении (-0,125), альтруистической (-0,112), эстетической (-0,106), в безопасности (-0,105), в деятельности (-0,098).

Ценность **жертвенность** («Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя»):

Прямая зависимость: познавательной (0,194), в безопасности (0,172), конформистской (0,153), в свободе (0,121), в престиже (0,117), в смысле жизни (0,116), антитворческой (0,109), в творчестве (0,104), в расточительности (0,093), в покровителе (0,091).

Ценность **инициативность** («Главное – это инициатива, предпринимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве»):

Прямая зависимость: в контроле (0,200), в риске (0,159), в смысле жизни (0,156), социально-альтруистической (0,150), соборной потребности (0,142), в приобретении вещей (0, 128), познавательной (0,128), в творчестве (0,122), эстетической (0,120), в свободе (0,109), эгоистической (0,106), в престиже (0,104), в сексуальных переживаниях (0,096), в расточительстве (0,087).

Ценность **жизнь человека** («Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах»:

Прямая зависимость: социально-альтруистической (0,168), в безопасности (0,155), альтруистической (0,116), в общении (0,106), в смысле жизни (0,104), в содействии окружающим (0,102), в «Высшем» покровителе (0,095), соборной потребности (0,083), в стабильности (0,076), религиозной потребности (0,075).

Обратная зависимость: в романтике (-0,110), в доминировании (-0,103), в риске (-0,092), садистской (-0,085).

Ценность **традиция** («Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям»):

Прямая зависимость: стадной (0,223), социально-альтруистической (0,177), в безопасности (0,177), в контроле (0,146), альтруистической (0,128), в смысле жизни (0,122), в пассивном отношении к миру (0,112), в покровителе (0,107), религиозной (0,102), потребности в единстве со Вселенной (0,101), конформистской (0,087), эстетической (0,087), в престиже (0,077).

Обратная зависимость: садистской (-0,098), в романтике (-0,093).

Как и в случае с базовыми ценностями Ш. Шварца, установлены достаточно высокие корреляционные взаимосвязи между ориентациями на базовые ценности, фиксируемые по методологии и методике Н.И.Лапина, и ориентациями респондентов на ценностные переживания. Пожалуй, к базовым ценностям, наиболее насыщенным эмоциональным личностным смыслом, можно отнести нравственность, благополучие, властность и традиции. Как показало исследование, эти ценности, согласно результатам, полученным с помощью рациональной оценочной шкалы, не являются наиболее значимыми в массовом сознании жителей Красноярского края. По терминологии, введённой Н.И. Лапиным, благополучие и традиции относятся к интегрирующему резерву (соответственно 4,14 и 3,92 балла), нравственность – к оппонирующему дифференциалу (2,07 балла), а властность – к конфликтогенной периферии системы базовых ценностей населения (2,07 балла). Как видим, рационально оцененная значимость ценности не всегда соответствует её эмоциональному личностному смыслу¹.

¹ Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. – Красноярск, 2010. – 264 с.

В целом выявлены высокие корреляционные связи большинства рационально сформулированных базовых ценностей, фиксируемых по методикам Ш. Шварца и Н.И. Лапина, с ориентациями на ценностные переживания. Вместе с тем они могут выступать средством удовлетворения противоречивых потребностей: результаты наших исследований свидетельствуют о том, что целый ряд базовых ценностей обладает различным (а порой и противоположным) личностным смыслом для тех или иных респондентов или даже социальных групп или же говорят о наличии у респондентов определённых психологических проблем. Можно сделать вывод, что рационально сформулированные базовые ценности нередко имеют противоречивый и неоднозначный личностный смысл. И этот смысл не всегда совпадает с тем социальным значением, которое им придают исследователи.

3.4. Ориентации населения региона на ценностные переживания как показатель уровня развития и смыслового содержания социального капитала¹

Изучению структуры феномена «социальный капитал» посвящено большое число социологических публикаций как в России, так и за рубежом, авторы которых зачастую придерживаются различных точек зрения. Мы обратимся к достаточно распространённому подходу, когда социальный капитал трактуется достаточно широко в качестве совокупности ресурсов, которыми обладает человек для реализации своих социальных интересов. К таким ресурсам, на наш взгляд, относятся и ценностные ориентации. Существует определённая традиция в анализе взаимосвязи между ценностями и социальным капиталом, а также в представлении ценностей в качестве элемента его структуры. В частности, Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко верно отмечают, что «ценности, доминирующие в обществе, и показатели социального капитала хорошо подходят для анализа измене-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», проект № 11-03-00250а.

ний, происходящих в культуре и личности, в ответ на исторические и социальные изменения»¹, справедливо указывая при этом на известные сравнительные исследования, проведённые зарубежными социологами: Hofstede², Inglehart³, Schwartz⁴. Мы полагаем, что ценностные ориентации в структуре социального капитала выражают его ценностно-смысловую направленность.

Вместе с тем, по нашему мнению, существует серьёзный пробел в социологическом анализе ценностей как элемента социального капитала, поскольку они рассматриваются только с рационалистических позиций. При этом ценности весьма эвристично могут быть представлены и как эмоциональные феномены, а социальный капитал, соответственно, имеет не только рационалистические аспекты.

Для этого мы обратимся к сфере социологии эмоций, которая уже около 40 лет активно развивается на Западе и библиография работ, посвящённых этому направлению социологических исследований, составляет тысячи наименований. Отметим лишь некоторые из них, относящиеся к числу наиболее известных: A.R. Hochschild⁵, R. Tham⁶, J.Y. Turner⁷, J.M. Barbalet⁸, C. Shilling⁹, *Handbook of the Sociology of Emotions*¹⁰ и др. Нельзя не сказать и о таком направлении зарубежной науки, как психоистория, возможности применения не-

¹ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 17–34.

² Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations* (2nd ed.). – Beverly Hills CA: Sage, 2001.

³ Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. – Princeton: Princeton University Press, 1997.

⁴ Schwartz S. Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Edited by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. – Brill, 2004. – P. 43–73.

⁵ Hochschild A.R. *Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure* // *American Journal of Sociology*. – 1979. – Vol. 85. – № 3. – P. 551–575.

⁶ Tham R. *Social Structure and Emotion* // *Sociological Perspectives*. Beverly Hills, 1992. – Vol. 35. – № 4. – pp. 649–671.

⁷ Turner J.Y. *Toward a general sociological Theory of Emotions* // *Journal for the Theory of Social Behavior*. Oxford, 1999. – Vol. 29. – № 2. – P. 133–162.

⁸ Barbalet J. M. *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 210 p.

⁹ Shilling C. *The Two Traditions in the Sociology of Emotions* // *Emotions and Sociology* / ed. by J.M. Barbalet. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – P. 10–32.

¹⁰ *Handbook of the Sociology of Emotions* / Ed. By J. E. Stets, J.H. Turner. – New York: Springer, 2006. – 657 p.

которых подходов которой в социологическом изучении эмоций, по нашему мнению, нельзя игнорировать – L. DeMause¹.

Как известно, ситуация в обществе самым прямым образом зависит от тех ценностей, на которые ориентированы его члены. Но не только в плане смыслового содержания таких ценностей, но и в аспекте их иерархической принадлежности. Доминирование в социуме потребностей (и соответствующих им ценностей, выражаемых как рационально, так и в форме ценностных переживаний) 0-го уровня приводит к усилению в нём процессов саморазрушения. Потребности и связанные с ними ценности первого уровня свидетельствуют, что общество находится на стадии выживания. На втором уровне проблемы выживания сменяются проблемами гарантированного развития. Иными словами, здесь происходит переход от выживания к развитию. На третьем уровне общество становится стабильным и стремится к усилению, независимости. Возникает необходимость в сильной власти, армии, административных и карательных органах. На четвертом уровне в обществе усиливается гармония, оно становится благополучным, реально удовлетворяются человеческие потребности. Строго говоря, именно с четвертого уровня в социуме начинают эффективно действовать нравственные нормы и ценности.

Выражая степень развития той или иной человеческой потребности, ориентации на ценностные переживания выступают важными индикаторами уровня развития и смыслового содержания социального капитала индивида, социальной группы или всего общества.

Эмпирическая база исследования, проведённого в Красноярском крае в 2011 г., была охарактеризована выше. Одним из достоинств данной методики является возможность с ее помощью выявить два важных показателя: а) средний уровень базовых ценностей той или иной группы респондентов с учетом влияния на него распространенных в данной социальной среде социальных норм – социально обусловленный уровень ориентации; б) средний уровень ориентаций без учета влияния социальных норм – массовый уровень ориентаций.

Исследование, проведенное нами в 2005 г. по репрезентативной выборке среди 1000 жителей Красноярского края, зафиксировало массовый уровень базовых ориентаций – 2,06 балла. Социально обусловленный уровень составил 1,12 балла. Это значит, что современ-

¹ DeMause L. Foundations of psychohistory. – New York: Creative Roots, 1982. – 317 p.
DeMause L. The Emotional Life of Nations. – New York: Karnac, 2002. – 454 p.

ный российский социум приземляет ценностные ориентации населения, задерживая их несколько выше уровня выживания общества, в то время как массовый уровень ориентаций, значительно более полно отражающий индивидуальную самость респондентов, соответствовал в 2005 г. уровню развития социума. Опрос населения региона методом формализованного интервью (число респондентов – 1000 человек) с применением данной методики по аналогичной выборке, проведенный нами в 2009 г., выявил некоторое снижение массового уровня базовых ориентаций населения – 1,89 балла, социально обусловленный уровень равен 1,05 балла. Исследование, проведенное в 2011 г., также свидетельствует о заметном падении как социально обусловленного уровня базовых ориентаций респондентов региона, так и их массового уровня (см. табл. 3.2.).

Процентные распределения ценностных ориентаций респондентов на ценностные переживания, полученные в результате опроса методом формализованного интервью в 2011 г., приведены в табл. 3.2.

В анализе ориентаций на ценностные переживания, осуществленном методом вращения «Варимакс», выделено 10 факторов (общей описательной способностью 58,06 %), которые выражают соответствующие латентные переменные. Эти переменные – не что иное, как типы ценностно-смысловой направленности социального капитала.

Первый фактор Ф-1 выражает ориентации на переживания потребностей в общении, стабильности, соборной потребности, потребностей в безопасности, в деятельности, в сексуальных переживаниях, в содействии окружающим. Описательная сила фактора – 16,57 %. Условно можно назвать его **«Социальность»**.

Второй фактор Ф-2 характеризует ориентации на переживания «антитворческой» потребности, а также потребностей: садистской, мазохистской и в доминировании, а также в высшем покровителе (9,32 %). Он отражает латентную направленность на **«Садомазохизм»**.

Третий фактор Ф-3 описывает ориентации на переживания двух потребностей – социально-альтруистической и в смысле жизни (7,15 %). Назовём его **«Социальный альтруизм»**.

Четвёртый фактор Ф-4 объединяет ориентации на переживания потребностей в высшем покровителе, религиозной и стадной потребностей (5,54 %). На наш взгляд, он выражает латентную ориентацию респондентов на **«Религиозный конформизм»**.

Пятый фактор Ф-5 описывает ориентации на переживания эстетической, познавательной и творческой потребностей (3,71 %). Это латентная ориентация на **«Творчество»**.

Шестой фактор Ф-6 характеризует ориентации на переживания гедонистической потребности, а также потребностей в романтике, приключениях, в приобретении вещей, в престиже (3,69 %) – **«Престижное потребление»**.

Седьмой фактор Ф-7 выражает ориентации на переживание потребностей в пассивном отношении к миру, в покровителе, в расточительности (3,13 %), что позволяет нам условно назвать его **«Пассивное потребление»**.

Восьмой фактор Ф-8 описывает ориентации на переживания потребностей в опасности, риске, в контроле над окружающими, а также эгоистической потребности (3,07 %) – **«Активное доминирование»**.

Девятый фактор Ф-9 объединяет ориентации на переживания потребностей в беспристрастности, самодостаточности и в стабильности (2,9 %). Это латентная направленность на **«Покой, отсутствие перемен»**.

Десятый фактор Ф-10 выражает латентную направленность на переживание потребностей в свободе и альтруистической потребности (2,8 %). Можно назвать её **«Неограниченный альтруизм»**.

Перечисленные латентные переменные выражают эмоциональную палитру ценностно-смысловых типов социального капитала, существующего у респондентов из Красноярского края.

В конечном итоге данные ориентации образуют две полярные группы, соответствующие известной типологии Э. Фромма (модус Бытия – модус Обладания). В частности, те из них, которые располагаются на уровнях от 0 до 3-го, отражают ориентацию людей на «Обладание», 4-го и выше – на «Бытие».

Ориентации респондентов на ценностные переживания выступают важным показателем уровня развития социального капитала. Так, использование корреляционного анализа показало, что существует значимая корреляция между ориентациями респондентов на ценностные переживания (ровно половина фиксируемых в исследовании ориентаций различной направленности) и их принадлежностью к определённому социальному слою (коэффициент корреляции Пирсона колеблется в диапазоне от 0,083 до 0,210). Принадлежность респондента к социальному и социально-экономическому слою опре-

Таблица 3.2

**Ориентации на ценностные переживания жителей Красноярского края
(% от числа опрошенных, 2011 г.)**

Описания переживаний	Не испытывал	Испытывал, но не нравился	Немного нравился	Довольно нравился	Очень нравился
1	2	3	4	5	6
1. «Веселье, беззаботность, хорошее физическое самочувствие, наслаждение вкусовой едой, отдыхом, безмятежной жизнью»	4	3	15	32	46
2. «Чувство необычайного, таинственного, неизданного, появляющееся в незнакомой местности, обстановке»	11	13	31	28	17
3. «Радостное волнение, нетерпение при приобретении новых вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что их станет больше»	11	8	33	27	21
4. «Радость, хорошее настроение, когда общаешься с хорошими людьми, когда видишь взаимопонимание, дружбу»	1	1	5	25	68
5. «Покой и светлая радость, когда ощущаешь, что есть Высшее существо (Бог, святой, ангел и т.п.), которые защищают и помогают Вам в жизни»	24	4	21	25	26
6. «Приятное чувство, когда ничего Вас не волнует, когда не испытываете пристрастия к чему-либо или кому-либо»	20	15	24	25	16
7. «Чувство уверенности, спокойствия в ситуации привычной, понятной, когда заранее известна окружающая обстановка»	2	3	20	38	37

8. «Боевое возбуждение, подъем, чувство риска, упоение ими, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности»	17	22	29	20	12
9. «Приятные ощущения, когда какое-либо дело полностью зависит от Вас или когда от Ваших действий зависит судьба какого-либо человека»	9	16	28	31	16
10. «Чувство удовлетворения, когда находишься в тени, ничем не выделяясь из окружающих людей»	20	31	29	14	6
11. «Ощущение радости, сопричастности к чему-то большому и существенному, когда вместе с другими людьми <i>безвозмездно</i> делаете важное общее дело»	5	5	25	38	27
12. «Приятное ощущение безопасности, уверенности, когда знаешь, что никто и ничто Вам не угрожает»	2	2	14	32	50
13. «Радостное возбуждение, подъем, когда работа идет хорошо, когда видишь, что добиваешься успешных результатов»	1	1	6	21	71
14. «Чувство удовлетворения, когда все идет своим чередом и нет необходимости узнавать что-то новое»	6	17	34	29	14
15. «Приятное, спокойное ощущение, когда знаешь, что рядом с тобой человек, который все за тебя решит и когда надо только следовать его указаниям»	13	26	31	19	11
16. «Чувство удовлетворения, радость от собственной щедрости, когда можно тратить что-либо, не задумываясь о последствиях»	10	8	23	31	28
17. «Радость и гордость, когда находишься в центре внимания, когда тобой искренне восхищаются»	7	11	28	27	27
18. «Приятное чувство, радостное возбуждение, возникающее, когда находишься наедине с человеком, которого любишь или когда думаешь об этом»	2	1	9	28	60
19. «Чувство удовлетворения, когда удается реализовать свои личные цели, даже если они противоречат стремлениям окружающих Вас людей»	13	13	24	29	21

Продолжение табл. 3.2

1	2	3	4	5	6
20. «Приятное ощущение покоя и защищённости, когда находишься среди земляков, людей своего круга, общей национальности, одного вероисповедания, одинаковых политических взглядов, схожего социального статуса и уровня достатка»	14	4	27	32	23
21. «Своеобразное приятное чувство, удовлетворение, возникающее, когда удаётся помешать человеку, который что-либо рисует, читает вслух стихи или играет на музыкальном инструменте»	57	25	10	5	3
22. «Безграничный восторг, ощущение необычайной полноты бытия, появляющееся, когда удаётся ощутить себя частью Вселенной, осознать своё единство с ней»	41	6	21	17	15
23. «Приятное ощущение, когда ты полностью свободен, никто тебя не ограничивает и можно делать, что хочешь»	12	5	20	29	34
24. «Сладостное ощущение, возникающее порой, когда представляется возможность кого-либо унизить, обидеть, оскорбить, сделать кому-либо больно»	57	30	7	3	3
25. «Чувство радости и удовлетворения, когда удаётся сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей»	2	1	6	29	62
26. «Своеобразное сладкое и красивое чувство, возникающее при восприятии природы, музыки, стихов и других произведений искусства»	4	4	19	36	37
27. «Горячий интерес, наслаждение при познании нового, при знакомстве с поразительными научными фактами»	9	6	28	34	23
28. «Своеобразное приятное чувство, возникающее порой, когда кто-нибудь обидит, унижит Вас, делает Вам больно»	54	39	4	2	1
29. «Чувство радости, когда окружающим Вас людям удаётся сделать что-то лучше, чем Вам»	13	19	35	24	9

30. «Радость и счастье от процесса любого творчества, созидания нового, решения трудной задачи, когда удаётся сделать что-то необычное»	5	3	17	39	36
31. «Чувство радости, удовлетворения, что своей жизнью и трудом Вы приносите пользу обществу»	6	2	21	41	30
32. «Чувство удовлетворения, когда видишь перед собой большую цель и понимаешь, что живешь не напрасно»	6	2	15	38	39
33. «Сладостное ощущение, когда видишь, что какой-либо человек находится в твоей власти, полностью зависит от тебя»	39	25	23	9	4
34. «Чувство всепроникающей радости, восторга, сопричастности к чему-то Высшему, возникающее порой во время страстной молитвы»	61	7	14	11	7

делялась нами в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН¹. Установлено, что чем ниже социальный слой, тем ниже значимость для его представителя многих ценностных переживаний. Это свидетельствует о более слабом развитии многих социальных потребностей (которые, как известно, выступают важным элементом социального капитала) у представителей нижних социальных групп. В свою очередь, это говорит о слабой мотивирующей роли данных ориентаций и препятствует в развитии данными респондентами своего социального капитала.

Также с помощью корреляционного анализа установлено, что чем выше уровень жизни респондентов (косвенно свидетельствующий об уровне развития их социального капитала), тем выше для них значимость ряда ценностных переживаний: **гедонистической** потребности: «Веселье, беззаботность, хорошее физическое самочувствие, наслаждение вкусной едой, отдыхом, безмятежной жизнью» (0,123), потребности **в романтике, приключениях**: «Чувство необычайного, таинственного, неизведанного, появляющееся в незнакомой местности, обстановке» (0,115); потребности **в приобретении вещей**: «Радостное волнение, нетерпение при приобретении новых вещей, предметов коллекционирования, удовольствие от мысли, что их станет больше» (0,064); потребности **в опасности, риске**: «Боевое возбуждение, подъем, чувство риска, упоение ими, азарт, острые ощущения в минуту борьбы, опасности» (0,111); потребности **в контроле**: «Приятные ощущения, когда какое-либо дело полностью зависит от Вас или когда от Ваших действий зависит судьба какого-либо человека» (0,099); потребности **в престиже**: «Радость и гордость, когда находишься в центре внимания, когда тобой искренне восхищаются» (0,103) потребности **в творчестве**: радость и счастье от процесса любого творчества, созидания нового, решения трудной задачи, когда удаётся сделать что-то необычное (0,080).

И ниже: значимость ориентаций на переживания **потребности в «высшем» покровителе**: «Покой и светлая радость, когда ощущаешь, что есть Высшее существо (Бог, святой, ангел и т.п.), которые защищают и помогают Вам в жизни» (-0,058), **эгоистической** потребности: «Чувство удовлетворения, когда удается реализовать

¹ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2006. – 328 с.

свои личные цели, даже если они противоречат стремлениям окружающих Вас людей» (-0,079); потребности **в пассивном отношении к миру**: «Чувство удовлетворения, когда все идет, своим чередом и нет необходимости узнавать что-то новое» (-0,067); **религиозной потребности**: «Чувство всепроникающей радости, восторга, сопричастности к чему-то Высшему, возникающее порой во время страстной молитвы» (-0,064).

Как видим, лица, принадлежащие к низким социально-экономическим слоям, несколько более склонны к пассивной религиозности и эгоизму, в то время как представители высших социально-экономических групп демонстрируют более широкий спектр ориентаций на ценностные переживания, включающие как «направленность на Бытие», так и «направленность на Обладание» (Э. Фромм). Тем самым у последних специфика социального капитала неоднородна и отличается значительным содержательным разнообразием.

Таким образом, ориентации на ценностные переживания являются важным элементом социального капитала и выражают его эмоциональное и ценностно-смысловое содержание. Одновременно они выступают также индикатором уровня развития социального капитала и показателем влияния социума на его формирование. Установлено снижение за последние годы уровня ориентаций на ценностные переживания населения одного из крупнейших регионов России, что также говорит о снижении уровня его социального капитала. На это повлияли социально-экономические и социально-культурные особенности Красноярского края, который всё более принимает характер добывающе-сырьевого региона при снижении общекультурного уровня населения, падении доверия его жителей к социальным институтам власти, усилении потенциала социального протеста. Сказались также модернизационные изменения, которые осуществляются в последние годы в России и способствуют формированию в стране потребительно-гедонистического общества, в значительной мере лишенного регуляторной функции высших нравственных ценностей.

4. ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПЕДАГОГОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ К УЧЕНИКАМ КАК СУБЪЕКТАМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И К СОЦИУМУ В ЦЕЛОМ

4.1. Методология и методика исследования

Одним из важнейших требований, которые предъявляет педагогическая профессия, является четкость социальной и профессиональной позиций ее представителей. Именно в ней учитель выражает себя как субъект педагогической деятельности.

Социально-ценностные ориентации социальной группы педагогов, определяемые как комплекс социальных, социально-профессиональных, социокультурных, личностных и иных установок и стереотипов, выражаются в видении образа реального и идеального ученика и общества в целом. Изучение социально-ценностных ориентаций современных учителей необходимо для определения дистанции между реальным и идеальным представлением об учениках и социуме, для выявления противоречий между объективными функциями образования и целями индивидуальной педагогической деятельности, социальной адаптации учителей и учащихся.

Автором по самостоятельно разработанному инструментарию в 2009 г. было проведено репрезентативное социологическое исследование в государственном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Хакасский республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» с целью изучения ценностных ориентаций социальной группы педагогов в условиях модернизации института общего образования в современной России. Для формирования выборочной совокупности использовался метод гнездовой выборки, предполагающий в качестве единиц исследования не отдельных респондентов, а группы слушателей с последующим сплошным опро-

сом. Репрезентативность данной выборки определяется достаточной однородностью гендерного, социально-демографического состава, идентичностью профессии, социальной ролью (N = 1333); исследование было проведено методом анкетного опроса с использованием методик:

- «Ценностные ориентации личности»;
- «Удовлетворённость трудом в коллективе»;
- «Смысложизненные представления о желаемом будущем»;
- «Мировоззренческая направленность».

Также был проведён ассоциативный эксперимент «представления педагогов об обществе реальном и идеальном»; «представления педагогов об ученике реальном и идеальном». Полученные данные обрабатывались в два этапа:

1. Вырабатывался ряд категорий, характеризующих исследуемые признаки аутентичных суждений.

2. Анализируемое содержание классифицировалось в соответствии с этими предзаданными категориями, во-первых, с учётом рангового места (по убывающей) и, во-вторых, по семантическому сходству.

На рубеже XX и XXI вв. социология как наука вступила в новый, постнеклассический этап своего развития, что связано в первую очередь с кризисом научного рационализма, традиционной позитивистской модели познания, которые лежали в основе предшествующей социологии. Постнеклассические подходы современной отечественной социологии порождают новые представления о методах эмпирических исследований, увеличивается внимание социологов к качественным методам, к их взаимосвязи и взаимодействию с методами количественными. В настоящее время социальный мир предстаёт перед исследователем скорее в виде «социального организма» или «ярмарки», поэтому возникает необходимость изучения особенностей социальных ценностей, личностных смыслов различных социальных общностей, которые не могут быть зафиксированы с помощью «жёстких» количественных методов исследования. Для этого применяются так называемые н. «мягкие», «качественные методы», которые направлены на глубинные ответы.

В данном исследовании помимо количественных методов, широко применяемых в классической социологии (в частности, анкетного опроса и тестирования), применялись также качественные, «мягкие», методы исследования. Постнеклассическая социология

уделяет значительное внимание качественным методам исследования, поскольку они дают возможность понять и изучить установки, верования, причины поведения людей. Они направлены не на замеры количественных параметров изучаемых явлений, а на познание их качества.

Как верно отмечает Г.Т. Татарова, иногда трудно «метод» социологического исследования отнести либо к методам измерения, либо к методам анализа. Все зависит от контекста, от исследовательской ситуации и цели, для достижения которой метод применяется. Это лишний раз доказывает, что отсутствие стройного понятийного аппарата в социологии не есть феномен «неразвитости» социологии как науки, а внутренняя специфика и свойство науки. Поэтому некоторые методы представляется целесообразным называть подходами, методологическими процедурами, ибо их эмпирическая реализация носит многозначный характер: то они выступают в роли приемов измерения, то в роли методов анализа. Каждая такая процедура предполагает специфическую технику сбора информации и специфическую обработку эмпирических данных. Поэтому понятие «диагностическая процедура» в отличие от понятия «метод» и «техника», более приемлемо. К сожалению, это понятие не имеет широкого использования в социологической литературе. К такого рода специфическому подходу, понимаемому как методологическая процедура, относятся и так называемые психологические процедуры, позаимствованные социологами из психологии. Эти процедуры можно назвать тестами. Одни тесты измеряют личностные характеристики, другие – групповые характеристики¹.

Т.С. Баранова справедливо отмечает, что наличие аффективного уровня в сознании респондента – факт настолько очевидный и широко известный, что считается в социологии само собой разумеющимся. Однако, признавая существование этого уровня, мало кто применяет к его исследованию методы, адекватные его природе. Используют в основном анкетные опросы, которые не выводят исследователя из круга когнитивных, нормально обусловленных реакций респондентов. Результаты подобных опросов, включенные в исследовательские модели, дают искажение, уже на начальной стадии анализа. Отсюда все недоумения по по-

¹ Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии: учебник для вузов. – М.: NOTA BENE, 1999. – 224 с.

воду того, почему поведение респондентов не согласуется, например, с их ценностными ориентациями¹.

Н.В. Захаров в своём диссертационном исследовании указывает, что помимо анализа особенностей восприятия респондентом различных социальных феноменов социологов интересует возможность выделения при помощи психосемантических методов типов людей, обладающих одинаковым или близким восприятием рассматриваемых объектов. Не вдаваясь в теоретико-методологический аспект проблемы использования психосемантических методов, социологи интуитивно понимают, что их применение позволяет преодолеть целый ряд затруднений, возникающих при использовании «жестких», формализованных процедур измерения. Психосемантические методы дают социологу возможность «заглянуть» в сознание респондента, при этом позволяя провести «жесткую» (а значит, более экономичную и позволяющую говорить о статистической надежности выводов) процедуру опроса².

Так, преодолевая до сих пор широко распространённое в современной отечественной социологии представление о человеке как о сугубо рациональном существе, постнеклассическая социология рассматривает его в единстве сознательных и бессознательных проявлений³.

Социологический подход к анализу ценностей подразумевает типологизацию ценностей по тем или иным основаниям. Как уже отмечалось, в зависимости от субъектов ценностного отношения выделяют следующие ценности: личные, или личностные, групповые, общесоциальные, общечеловеческие.

На основании приведенной типологии ценностей нами были выделены смысловые блоки ценностных представлений о современном ученике и социуме в целом:

- социально-нравственный;
- социально-активный;
- социально-альтруистический;

¹ Баранова Т.С. Психосемантические методы в социологии // Социология: методология, методы, математические модели. – 1993/94. – № 3–4. – С. 55–64.

² Захаров Н.В. Психосемантические методы: теоретико-методологические основания применения в социологических исследованиях : дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003.

³ Немировский В. Г. Невирко Д.Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. – М.: УРСС, 2007. – 304 с.

- социально-политический;
- социально-экономический.

Социально-нравственный блок («нравственность» – от слова нрав, от того же корня что и «нор», означает «хотеть», «требовать», «желать»). Оно впервые попало в словарь русского языка в XVIII столетии и стало употребляться наряду со словами «этика» и «мораль» как их синоним.

Нравственность мы трактуем как особую форму общественного сознания и вид общественных отношений, а также совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу, представляющую собой ценностную структуру сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде.

Под **социально активным блоком** мы понимаем совокупность форм и качеств человеческой деятельности, меру реализации образовательного потенциала, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, например, любознательность, инициативность, мобильность, работоспособность, наличие развитой мотивации в получении новых знаний. В качестве субъекта социальной активности может выступать как личность, так и общество в целом.

Социально-политический блок предполагает отражение деятельности органов государственной власти, государственного управления, общественного строя в сознании педагога.

Социально-экономический блок предполагает отражение в сознании респондентов организацию структуры и состояния хозяйственной жизни, деятельности общества.

Под **социально-альтруистическим блоком** в широком смысле мы понимаем заинтересованность в благосостоянии скорее других, нежели в собственном. Альтруистическое поведение, следовательно, противоположно эгоистическому и включает в себя стремление помочь другим, когда речь идет о человеческом поведении.

В основе нашего исследования лежат методики З.В. Сикевич, О.К. Крокинской, Ю.А. Поссель, несколько адаптированные с учетом социально-профессиональной специфики респондентов нашего исследования¹.

¹ Сикевич З.В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – 267с.

Представления изучались методом ассоциативного эксперимента. Согласно определению отечественного социолога Л.А. Паутовой, ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В основе механизма ассоциативного эксперимента – соотнесение объекта (стимула) с первым пришедшим в голову смыслом (реакцией). С одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт. Важно отметить, что «как феномен, ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии, всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Изучая ассоциации, мы апеллируем к глубинному слою нашего сознания»¹.

Данный метод способен обнаружить скрытые обычно за нормативными реакциями механизмы формирования стереотипов и коллективных представлений, обусловленные функционированием «социального бессознательного», которое не фиксируют традиционные для социологии процедуры и техники.

Полученные данные обрабатывались контент-анализом. Прежде всего, это количественный метод, предполагающий числовую оценку ряда компонентов информационного носителя (документа, текста), который может быть дополнен различными качественными классификациями и выявлением тех или иных структурных закономерностей. Контент-анализ отвечает критериям объективности, надёжности, валидности. Первые упоминания на практике относятся к XVIII в. При подсчитывании частот упоминания тем, связанных с Христом, теологи судили о богословской основательности той или иной книги. Первые попытки осуществить тематический точный анализ материалов газет относятся ко времени исследования в области американской журналистики конца XIX – начала XX в.

Вслед за такими учеными, как Б. Берельсон и Г. Лассуэлл, под **контент-анализом** мы будем понимать перевод в количественные показатели текстовой информации с последующей статистической ее обработкой. Достоинство метода контент-анализа позволяет не только проникать в суть исследуемых социальных явлений, но и адекватно воспринимать содержание вербальных актов сознания ре-

¹ Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: 4М. – 2007. – № 24. – С. 149–168.

спондентов. В современной науке наблюдается два полюса восприятия метода контент-анализа: количественный контент-анализ, интересующийся в первую очередь частотой появления в тексте определенных характеристик (переменных) содержания, и качественный контент-анализ, позволяющий делать выводы даже на основе единственного присутствия или отсутствия определенной характеристики содержания. В нашем исследовании мы используем качественный контент-анализ, который проводился в два этапа.

На первом этапе вырабатывались ряды категорий, характеризующих исследуемые признаки.

На втором этапе анализировались и классифицировались названные категории по смысловым блокам: с учётом рангового места (по убывающей) и по семантическому сходству.

В ходе проведения исследования испытуемым предлагалось, используя пять прилагательных, охарактеризовать реальное (в котором мы живём) и идеальное (в котором хотелось бы жить) общество, а также охарактеризовать ученика реального (с которым приходится работать) и идеального (с которым хотелось бы работать).

Следующий этап нашего исследования был направлен на изучение бессознательных ассоциаций у педагогов, которые возникают при описании образа ученика реального (с которым приходится работать в настоящее время) и образа ученика идеального (с которым бы хотелось работать). Изучение ассоциаций позволило выявить бессознательное отношение педагога к учащимся.

Как известно, ассоциация – это связь, образующаяся при определенных условиях между двумя или более психическими явлениями (ощущениями, представлениями, идеями и т.д.), при которой актуализация одного из них влечёт за собой появление другого, связанного с ним. Соответственно, ассоциация отражает реальные связи предметов и явлений.

Метод ассоциативного эксперимента в последние десятилетия широко используется в таких науках, как социология, психология, социальная психология, психодиагностика, психолингвистика, политология, маркетинг и др. Поэтому основы и принципы его использования широко описаны в различных монографиях, учебных и методических пособиях по этим дисциплинам.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в различных дисциплинах данный эксперимент используют с учётом особенностей каждой из них. В частности, в социологии, политологии, маркетинговых и

рекламных исследованиях «за бортом» остаётся невостребованным богатый диагностический потенциал данного метода.

Довольно широко распространён такой вид ассоциативного эксперимента, как метод анималистических ассоциаций. Совершенно не случайно психосемантические исследования показывают, что наибольшее число названий животных представлено в семантическом поле (т.е. ассоциативном пространстве) «Человек», причём максимальная их активность наблюдается в классе «Человек как общественное существо». Они соотносятся с семью классами животных: дикие и домашние животные, дикие и домашние птицы, рыбы, земноводные и пресмыкающиеся, насекомые. Подобные тенденции непосредственно отражают общественную сущность человека как социального существа. И вполне закономерно, что метод анималистических ассоциаций из психодиагностики и психосемантики активно проник в социальные науки.

Так, З.В. Сикевич использовала метод анималистических ассоциаций для изучения стереотипных образов в массовом бессознательном населения в поисках адекватных референтов для выявления именно скрытых, неосознаваемых механизмов оценивания. Сказки и мифы всех народов мира до сих пор содержат описания очеловеченных животных, которые демонстрируют определённые качества, приписанные им этнической культурой. Эти вполне однозначные, стереотипные характеристики закрепляются в сознании человека с самого раннего детства. Таким образом, любой человек, воспитанный в рамках определённой культуры, является носителем всего этого комплекса скрытых знаний, аналогий, ассоциаций, которые содержатся в ней и, чаще всего оставаясь неосознанными, влияют на мировосприятие всей социальной среды. Именно поэтому анималистическая символика неявно, но подразумевает определённые жизненные и поведенческие стратегии¹.

Американский социолог Т. Гринбаум провёл данным методом ряд исследований восприятия респондентами различных социальных организаций и учреждений. Было установлено, что, например, *медведь* – большое и дружелюбное животное, часто ассоциируется с организациями по уходу и опеке, однако может ассоциироваться и с чем-то неповоротливым или громоздким. *Лев* – король джунглей,

¹ Сикевич З. В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: ПИТЕР, 2005. – 250 с.

обычно ассоциируется с мощными организациями, у которых в руках значимая власть. Как правило, ассоциируемые с этим животным организации не воспринимаются такими же дружелюбными, как «междвежи». *Скаковая лошадь* или *охотничья собака* ассоциируется с ровными и хорошо отлаженными организациями, обладающими большой властью. Часто подобные ассоциации относятся к весьма авторитетным организациям, особенно если называемая респондентом скаковая лошадь – холёный жеребец известной породы. *Змея*, *рептилия* или *грызун* вызывают негативные ассоциации, выражающие неверие к данной организации. Эти животные недружелюбны и непредсказуемы. Организации, ассоциированные с ними, воспринимаются так же. *Черепашка* ассоциируется с медленно развивающимися, отсталыми организациями¹.

В данном исследовании нами был использован метод ассоциативного эксперимента, в основу которого легли анималистические ассоциации. При использовании данной методики преодолевается «барьер» социальной желательности, поскольку происходит апеллирование к бессознательному в личности человека. Респондентам предлагалось соотнести образ реального и идеального ученика с любым животным, птицей или рыбой.

4.2. Ценностные представления педагогов о современном социуме

Охарактеризуем современный социум с точки зрения социальной группы педагогов. Данные в табл. 4.1 проранжированы по количеству выборов тех или иных качеств, которые упоминались респондентами более трёх раз.

Описывая реальное общество, испытуемые использовали **9 положительных характеристик**, среди которых следующие: образованность, культура, целеустремлённость. **Список отрицательных качеств составил 34 характеристики, наиболее часто встречающиеся: большое, бездуховное, равнодушное.**

¹ Greenbaum T.L. The handbook for focus group research. – Thousand Oaks, 1998. Цит. по: Мельникова О.Т. Фокус-группы в маркетинговом исследовании: Методология и техники качественных исследований в социальной психологии: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 146.

Естественно, иная картина представлена при описании идеального общества, педагоги перечисляли только положительные качества, всего 24 качества. Данные в табл. 4.2 проранжированы по количеству выборов тех или иных прилагательных, которые упоминались респондентами более трёх раз (табл. 2).

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что реальное общество с точки зрения **социально-нравственного** блока современным учителям представляется большим, бездуховным, информационно перегруженным, национально нетерпимым, экологически загрязненным.

Характеризуя реальное общество с точки зрения **социальной активности**, респонденты видят его больше целеустремленным, нежели пассивным и ленивым, а идеальное общество наделяют такими характеристиками, как профессионально пригодное и трудолюбивое. Согласно представлениям педагогов, в настоящее время окружающее их общество не отличается трудолюбием и профессиональной пригодностью.

На основании полученных данных с точки зрения **социально-политического** блока реальное общество воспринимается педагогами одновременно и демократическим, и бюрократическим, и либеральным. Прежде всего данный показатель свидетельствует о низкой политической культуре многих педагогов. Качества идеального общества располагаются в следующем порядке: законопослушность, наличие высокого уровня правосознания у граждан, демократичность.

Современное общество в сознании педагогов через призму их собственных ценностей выглядит нестабильным, социально незащищенным, бедным, малообеспеченным. Явно выражено преобладание негативных характеристик современного общества по **экономическим показателям**. Идеальное общество представляется педагогам следующим: обеспеченным, экономически стабильным, финансово независимым. Данные характеристики прежде всего связаны с нестабильностью в отечественной экономике: денежный дефолт, произошедший в нашей стране, падение рубля, повышение цен до сих пор присутствуют в сознании педагогов как опасность и тревога. Кроме того, расширение платности образования, включая и среднюю школу, что противоречит и мировой образовательной практике, и Конституции страны; превращение образования в инструмент социальной селекции, ужесточение дискриминации в до-

Таблица 4.1

**Распределение представлений педагогов
о современном российском обществе
(% от числа опрошенных, 2009 г.)**

Блок	Качества реального общества	Кол-во выборов, %
1. Социально-нравственный	Бездуховное	80
	Больное	56
	Духовно-нравственное	40
	Малообразованное	36
	Образованное	35
2. Социально активный	Патриотическое	24
	Предприимчивое	27
	Пассивное	21
	Беззаконное	56
3. Социально-политический	Демократическое	20
	Бюрократическое	18
	Либеральное	17
	Нестабильное	96
	Социально- незащищенное	45
4. Социально-экономический	Социально-защищённое	35
	Бедное	42
	Равнодушное	87
5. Социально-альтруистический	Жестокое	79
	Враждебное	57
	Агрессивное	51
	Эгоистичное	18

ступе к образованию; разделение доступа образования на два полюса: для «элиты» и «остальных».

Исследуя качества, относящиеся к **социально-альтруистическому блоку**, приходим к выводу, что реальное общество, по мнению педагогов, обладает такими характеристиками, как эгоистичность, агрессивность, жестокость, равнодушие. На наш взгляд, прибегая

Таблица 4.2

**Распределение представлений педагогов
об идеальном российском обществе
(% от числа опрошенных, 2009 г.)**

Блок	Общество идеальное	Кол-во выборов, %
1. Социально-нравственный	Образованное	120
	Здоровое	110
	Культурное	85
	Гуманное	51
	Толерантное	31
	Справедливое	25
	Экологически чистое	20
	Культурное	12
2. Социально активный	Профессионально пригодное	105
	Трудолюбивое	34
3. Социально-политический	Законопослушное	71
	Демократическое	34
4. Социально-экономический	Экономически- стабильное	85
	Финансово независимое	17
	Обеспеченное	10
5. Социально-альтруистический	Доброжелательное	55
	Отзывчивое	28
	Порядочное	34

к данным характеристикам, педагоги в своих ответах частично отражали отношение социума к социально-профессиональной группе учителей. В последнее время часто с экранов телевизоров транслируют программы, где, к примеру, показано, как «осудили педагога-педофила» или поймали педагогов, которые за взятки выставляли «липовые» результаты по ЕГЭ; они воздействуют на сознание общества, тем самым вызывая негативизм в отношении учителей в целом. Безусловно, на оценке респондентов сказывалась и реальная нравственная ситуация в нашем обществе. Идеальное общество респон-

дентам представляется доброжелательным, отзывчивым, порядочным.

Таким образом, российское общество, с точки зрения современного учителя, является нестабильным. Лидирование данного фактора объясняется тем, что система образования подверглась воздействию сильнейших флуктуаций экономики и политики или, другими словами, к образовательной системе предъявляются новые, часто непродуманные требования с учетом разных потребностей, разных заказов и запросов населения, например, появление элитного образования, дифференциация образования на классы, введение ЕГЭ, появление инновационных и экспериментальных школ. Это приводит к многообразию в содержании, уровнях, сроках, технологиях обучения, вызывая тем самым ощущения неуверенности, нестабильности у педагогов.

Многие опрошенные педагоги считают наше общество безразличным. В данном случае безразличие понимается прежде всего как отношение индивидов друг к другу в социуме. Респондентами были названы такие качества, как жестокость, враждебность, агрессивность, национальная нетерпимость (подобное поведение личности и общества в целом относится к девиантному поведению). Резкий рост девиантности можно интерпретировать как стремление индивидов нестандартными средствами противостоять фрустрации, проистекающей из кризисного состояния, и снять структурное напряжение в социальных институтах России. В какой-то мере девиантное поведение, вызванное аномией, может в конечном счете, оказаться значимым для восстановления нарушенной социальной системы. В этом плане потенциально полезно переформулировать схему девиантных реакций Мертонa. Реакцией на массивное социальное напряжение может оказаться:

- 1) эгоизм;
- 2) гедонизм – рост употребления наркотиков, проституции, усиление отчуждения молодежной субкультуры;
- 3) самоубийство, возрождение антисемитизма¹.

Респонденты характеризуют современное общество как незаконное и коррумпированное («богатые покупают правосудие», «преступления безнаказанны», «государство не способно обеспечить

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.

порядок в стране»). Институт образования обеспечивает обратную связь с экономикой и политикой, испытывая давление на себе этих сфер, качественное образование переходит к платным услугам, количество бюджетных мест в высших учебных заведениях сокращается, что также сказывается на коррумпированности данных структур. Как справедливо отмечают Е.М. Аврамова и Ю.Б. Верпаховская, практика перехода к такой форме проведения вступительных экзаменов, как ЕГЭ, не снимает «взяткоёмкости» рынка оценки знаний выпускников школ, а лишь «переадресовывает» неформальные финансовые потоки, при этом очевидно, что подобные изменения в наибольшей степени затрагивают прежде всего наименее обеспеченные семьи. Иначе говоря, происходит массированное нарушение социального регулирования в результате недостаточной моральной и социальной интеграции. Выглядит это так, как будто стрелка социального компаса вращается сама по себе, так что невозможно определить, где же настоящий север¹.

Общество, в котором мы живём, с позиции современных педагогов, является скорее больным, нежели здоровым, это, безусловно, оценка социально-нравственной ситуации, а не медицинской.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что на уровне массового сознания учителей мы находимся в обществе, обладающем такими характеристиками, как незаконное, больное, нестабильное, равнодушное.

Желаемым же для учителей является общество в первую очередь образованное и профессионально пригодное, т.е. специалисты должны обладать не только дипломом о высшем образовании, но и необходимыми знаниями, умениями, навыками и их использовании в социуме для профессионального становления и адаптации к новым, быстро меняющимся условиям жизни. Формальное образование, подтвержденное аттестатами и дипломами, не всегда точно отражает реальный уровень знаний, навыков. К тому же знания быстро устаревают в связи со стремительным развитием науки и техники. Как верно отмечает М.Н. Руткевич, отказ от работы по полученной специальности в России имеет широкое распространение, особенно среди выпускников педвузов и колледжей. Неслучайно, в 2008 г. Министерство образования объявило о сокращении приёма в педвузы

¹ Аврамова Е.М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 37–46.

на бюджетной основе – это при недостатке специалистов по многим предметам, особенно по русскому и иностранному языку во многих школах. Это решение, как отмечает автор, может показаться странным, но оно вполне оправдано, так как малый процент молодых учителей приступает к работе по завершении учёбы в педвузе и педколледже по специальности, из-за низкой оплаты труда в школе они вынуждены искать применение своим знаниям в других отраслях хозяйства, где заработная плата на порядок выше¹.

Как и следовало ожидать, многие педагоги желают жить в материально обеспеченном обществе.

Итак, анализируя полученные социальные портреты современного и идеального общества с точки зрения современных педагогов, следует отметить, что учителя используют качества, в основе которых лежат ценностные установки, связанные прежде всего с личностными, а затем профессиональными ценностями.

4.3. Ценностные представления педагогов о современных учениках

Мы считаем социально значимым изучение присущего педагогам восприятия реального и идеального ученика. Характеризуя современного ученика, педагоги использовали качества, ранжируя которые можно выделить только три блока: **социально-нравственный, социально активный, социально-альтруистический**. В отличие от характеристики социума, при описании ученика педагоги не наделяли его такими качествами, как финансовая независимость, обеспеченность, законопослушность и т.д. Общий профиль «реальности» современного ученика представлен в табл. 4.3.

Для характеристики реального ученика педагогами было использовано 29 качеств, среди которых положительных – восемь, отрицательных – 21.

Представляя идеального ученика, педагоги наделяли его только положительными характеристиками. Всего было названо 24 качества (табл. 4.4).

¹ Руткевич М.Н. Образованность в постсоветской России: противоречивость процесса // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 15–17.

Проведём анализ представлений реального и идеального ученика по вышеуказанным блокам.

Исходя из полученных данных в контексте социально-нравственного блока современным педагогам ученик, с которым приходится работать, представляется прежде всего нездоровым физически и психически. Такой факт объясняется тем, что с каждым годом все больше становится классов педагогической коррекции, где обучаются дети с задержкой психического развития. Также реальный ученик на равных позициях представляется любознательным и эгоистичным. В идеале учителя хотят работать с добрым, здоровым, воспитанным и креативным учеником.

С точки зрения **социально активного блока** современный ученик для педагога – активный, нецелеустремлённый, пассивный, имеющий потребительское отношение к обществу, в том числе и к педагогам. В идеале же современные педагоги желают работать с любознательным и активным учеником.

Результаты анализа **социально-альтруистического блока** свидетельствуют о том, что реальный ученик представляется педагогу агрессивным и жестоким. Невозможно не обратить внимания на сильное влияние на молодежь средств массовой информации. Этот канал воздействия именно на детей в настоящее время вызывает у многих опасение. Рост числа передач с насилием над личностью, потерей к ней уважения и доброго, человеческого отношения оказывается одним из значимых факторов, создающих иной тип личности подростков. На наш взгляд, целесообразно говорить не о перемене отдельных черт школьников, а о возникновении именно нового типа личности подростков. Основанием для этой позиции – ряд социальных явлений последних лет: рост молодёжной преступности, связанной с насилием над личностью, вовлечением детей в различные криминальные формы торговли и бизнес, и т.п.

По лидирующим качествам идеальный ученик социальной группе педагогов видится со следующим набором качеств: добрый, здоровый, воспитанный, любознательный, креативный, гуманный, активный, трудолюбивый, послушный, коммуникабельный, жизнерадостный, высокоинтеллектуальный. Несомненно, образ идеального ученика формируется с позиции удобства для педагога: он воспитан, любознателен, активен, трудолюбив и т. д. (не будет нарушать дисциплину, задавать ненужных вопросов и быстро «схватывать»

Таблица 4.3

Распределение представлений педагогов о реальном ученике
(% от числа опрошенных, 2009 г.)

Блок	Ученик реальный	Кол-во выборов, %
1. Социально-нравственный	Больной	185
	Дюбознательный	52
	Эгоистичный	51
	Безответственный	45
	Невоспитанный	38
	Безнравственный	32
	Инфантильный	31
	Коммуникабельный	23
	Образованный	17
	Непослушный	14
	Добрый	13
	Жизнерадостный	13
	Высокомерный	13
	Наивный	11
Честный	11	
Закомплексованный	10	
2. Социально активный	Активный	61
	Нецелеустремленный	44
	Пассивный	39
	Потребитель	36
	Гиперактивный	21
	Трудолюбивый	14
	Ленивый	13
	Предприимчивый	12
	Нежелающий учиться	11
3. Социально-альтруистический	Агрессивный	81
	Жестокий	43
	Равнодушный	29
	Грубый	14

Таблица 4.4

Распределение представлений педагогов об идеальном ученике
(% от числа опрошенных, 2009 г.)

Блок	Ученик идеальный	Кол-во выборов
Социально-нравственный	Добрый	219
	Здоровый	133
	Воспитанный	99
	Креативный	71
	Послушный	52
	Коммуникабельный	51
	Духовно нравственный	46
	Жизнерадостный	40
	Высокоинтеллектуальный	31
	Патриотичный	29
	Умный	27
	Эрудированный	24
	Честный	23
	Порядочный	15
	Мыслящий	13
Любознательный	83	
2. Социально активный	Активный	62
	Трудолюбивый	53
	Самостоятельный	20
	Целеустремленный	20
3. Социально-альтруистический	Гуманный	69
	Сострадательный	24
	Толерантный	18

новый материал). Также идеальный ученик должен обладать креативностью, целеустремленностью.

Возникает диссонанс в том, как, например, проявится креативность и инициативность, если ребенок будет послушный, трудолюбивый, т.е. удобный в управлении. Распределение названных педагогами качеств по перечисленным блокам позволяет увидеть основное противоречие: большинство качеств, которые используют педагоги, характеризующие ученика, относятся к морально-этическим и социально-активным. Общество же педагоги желают «видеть» с преобладанием социально-экономических и политических характеристик. Следовательно, обычная школа, где критерием успеха ученика остается его послушание и дисциплинированность, стремится выпускать в жизнь всего лишь аккуратных исполнителей, добросовестных подчиненных, удобный «винтик» в социальной машине. Данный факт свидетельствует о невыполнении основных образовательных функций социальной группой педагогов в институте общего образования.

В то же время, если педагоги стремятся к тому, чтобы выпускники были профессионально пригодными, законопослушными, духовно-нравственными, толерантными, гуманными, востребованными современным обществом как профессионалы и как личности, то их прямая задача – воспитывать в ребенке те качества, которые обеспечат ему будущее. При этом в своих ответах педагоги делают упор на такие качества, как воспитанность, духовность, нравственность. Перечисленные характеристики создают комфортные условия труда для педагогов, получается, что ученик в большей степени для учителей выступает как средство профессиональной деятельности. С учетом того, что респонденты описывали реального ученика, можно предположить, что в будущем, через восемь–десять лет, когда данные учащиеся будут нашим «настоящим», мы будем жить в больном, агрессивном, предприимчивом, эгоистичном, безответственном социуме.

Как показано в табл. 4.5 и 4.6, педагогами было названо 24 вида зверей, 7 птиц, 5 морских обитателей, 3 вида насекомых. По степени встречаемости лидирующими анималистическими ассоциациями стали кот, еж, обезьяна, собака, заяц.

Ассоциации с котом, ежом, обезьяной преобладают в реальном ученике, а с собакой и зайцем – в идеальном. Получается два антипода: реальный ученик – кот, который ассоциируется с независимостью, своенравием, «гуляющий сам по себе»; обезьяна «крив-

ляющаяся», представляющаяся больше как экзотическое животное, а порой и весьма опасное; еж как колючее защищающееся, но не нападающее животное. Идеальный ученик – собака, которая ассоциируется с преданностью, послушностью, обучаемостью, и заяц, ассоциирующийся с трусливостью, боязнью.

Для проведения анализа было выбрано три критерия, которые позволяют дифференцировать ассоциации по следующим признакам: активность, обучаемость, управляемость.

Под **«активностью»** понимаем любознательность, инициативность ученика, работоспособность, наличие развитой мотивации в получении новых знаний.

«Обучаемость» трактуем как способность учеников воспринимать, усваивать, запоминать, анализировать учебный материал, высказывать свою мысль, применять теоретические знания на практике.

«Управляемость» рассматриваем как согласие учеников подчиняться требованиям, придерживаться норм, правил поведения, регламентируемых педагогом.

Используя описанные выше критерии, проведем сравнительный анализ ассоциаций, вызываемых образами реального и идеального ученика.

Проанализируем обобщённый «портрет реального» ученика.

По **критерию активности** ассоциации распределились следующим образом: только у одного процента респондентов реальный ученик ассоциируется с трудолюбием и активностью в образе лошади.

Остальные респонденты характеризуют современного ученика как пассивного, например, были названы такие ассоциации: кот (18 %), свинья (7 %), амeba (3 %), жираф (2 %), гусеница (1 %), черепаха (2 %), как вредителя педагоги рассматривали ученика в таких ассоциациях, как козел (1 %), мышь (4 %).

Только 24 % рассматривают современного ученика **как обучаемого**, в доказательство этого были названы такие ассоциации: обезьяна (16 %), собака (8 %). Возможно, ассоциации с обезьяной педагоги рассматривали как подражание и умение адаптироваться к изменяющимся условиям.

Другие 15 % педагогов ассоциируют современных учеников как необучаемых и представляют их в образе козла, барана, амeбы.

По **критерию управляемости** 44 % педагогов ассоциируют реальных учеников с подчинением, причем лидируют среди анималистических ассоциаций кот (18 %), собака (8 %).

Таблица 4.5

**Анималистические ассоциации реального ученика
социальной группы педагогов
(% от числа опрошенных, 2009 г.)**

Реальный ученик	
Ассоциация	Количество, %
Звери	
Кот	18
Еж	16
Обезьяна	16
Волк	13
Лиса	8
Тигр	8
Собака	7
Свинья	7
Зяец	4
Медведь	4
Жираф	2
Слон	1
Козел	1
Птицы	
Петух	6
Орел	2
Ворона	1
«Морские»	
Амеба	3
Рыба	1
Копытные	
Баран	7
Лошадь	1
Грызуны	
Мышь	4
Пресмыкающиеся	
Хамелеон	6
Змея	4
Черепаша	2
Насекомые	
Гусеница	1
Затрудняюсь ответить	
	5

Таблица 4.6

**Анималистические ассоциации идеального ученика
социальной группы педагогов
(% от числа опрошенных, 2009 г.)**

Идеальный ученик	
Ассоциация	Количество, %
Звери	
Собака	26
Кот	26
Заяц	11
Лев	10
Медведь	4
Обезьяна	2
Слон	2
Лиса	2
Тигр	2
Птицы	
Сова	4
Орел	4
Фламинго	1
Петух	1
Сокол сапсан	1
Морские	
Дельфин	4
Рыба	1
Осьминог	1
Кит	1
Копытные	
Лошадь	40
Олень	8
Корова	4
Грызуны	
Крот	20
Насекомые	
Муравей	25
Бабочка	2
Затрудняюсь ответить	
	18

Другие 56 % респондентов определяют современного ученика как неподчиняющегося, причем многие ассоциации связаны с агрессивностью (медведь 4 %, тигр 8 %, волк 13 %, петух 6 %), упрямством (баран 7 %, козел 1 %), вредностью – «грызуны» (мышь 4 %).

Итак, общий образ реального ученика представляется следующим: он больше пассивен, нежели активен, обучаем, но в то же время, неуправляем, упрям, опасен и вреден.

Теперь проанализируем обобщённый **портрет «идеального» ученика**.

В идеале 85 % педагогов на бессознательном уровне хотят работать с трудолюбивыми, активными, работоспособными учениками и представляют их в виде лошади (40 %), крота (20 %) муравья (25 %).

Данный факт свидетельствует о том, что педагоги характеризуют современного ученика как пассивного, ленивого, нелюбознательного, а в идеале хотели бы видеть крайнюю противоположность. Немаловажно, что на подсознательном уровне ни один из респондентов в идеале не ассоциирует ученика с пассивностью.

По критерию **обучаемости** всего было названо 7 анималистических ассоциаций, лидирующими оказались кот (26%), собака (26%).

По критерию **управляемости** в идеале 58 % респондентов хотели бы работать с управляемым и трусливым учеником, были названы как прямые ассоциации (лошадь 40 %, собака 26 %, корова 4 %), так и косвенные (кот 26 %, заяц 11 %).

Таким образом, идеальный ученик, в представлении педагогов, выглядит как активный (крот или муравей), обучаемый (собака или кот), любознательный, послушный и управляемый, подобно, например, лошади, корове или зайцу.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что современный педагог желает работать с удобным учеником, управляемым, подчиняющимся, но при этом любознательным, самостоятельным работоспособным, которого не нужно мотивировать и стимулировать на обучение.

Таким образом, специфическими особенностями социальной группы педагогов, проявляющимися в процессе модернизации социального института образования, являются глубокие противоречия в восприятии ими образа реального и идеального ученика, в оценке наиболее значимых качеств учителя. Эти противоречия свидетельствуют о личностно-профессиональной деструкции определённой части представителей социальной группы педагогов, кото-

рая обусловлена многими факторами, такими как противоречивыми социально-культурными и нравственными процессами в нашей стране, сложившейся структурой социального института образования (учреждений и педагогического процесса), недостаточной продуманностью процесса модернизации, несогласованностью институциональных и профессиональных целей в системе современного школьного образования, не всегда оправданными инновациями в данной системе, оплатой педагогического труда и т.д.

5. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**(на материалах социологических
исследований в Красноярском крае)**

5.1. Массовое сознание и массовое бессознательное как фактор социальных изменений и социальной дифференциации

Проблему влияния архетипов и их производных на социальные процессы нельзя отнести к классу популярных тем исследования в социологическом познании. Поэтому для раскрытия содержания понятий «архетип» и «архетипический образ» потребовался научный потенциал философии, культурологии и психологии. Философский подход определили идеи Платона, Плотина, Филона Иудейского (Александрийского), Аврелия Августина, Дж. Беркли, И. Канта. Сущность архетипа и его производных с позиции психологии раскрыта трудами К.Г. Юнга. Роль этнокультурных архетипов в определении своеобразия социальных процессов в российском обществе представляют работы А. Андреева, Н.А. Бердяева, И.В. Василенко, М.А. Иванова, В.К. Кантора, А.С. Кармина, И.В. Кондакова, А.Б. Лубского, И.В. Мостовой, А.И. Ределя, З.В. Сикевич, А.П. Скорика, Г.П. Федотова, Д.М. Шустерамана, Е.С. Элбакяна.

Методологическую базу исследования влияния социальных архетипов на закономерности социальных процессов составили полипарадигмальные подходы социосинергетики (В.Г. Буданов, В.В. Василькова, В.С. Капустин) и диатропики (В.Г. Немировский). Необходимо отметить труды по изучению архетипических ценностей (Т.С. Вакулов, К.О. Касьянова).

Основополагающий вклад в изучение ценностей христианства внесли такие исследователи, как Л.А. Андреева, Ю.М. Антонян, В.А. Бачинин, А.Л. Беглова, М. Велькер, М.Н. Громов, К. Дешнер, О.Н. Кучер, О.К. Михельсон, О.Р. Орбели, Д.Б. Рассел, М. Рудник, И.С. Свенцицкая.

Вместе с тем выделение проблемы влияния ценностей христианства на социальные изменения и процессы социальной дифференциации в представленных работах не проводилось.

В силу многообразия процессов трансформации, охвативших общественную, политическую и культурную сферу жизни современного российского общества, в социологической литературе актуализировалась проблема изучения массового сознания россиян в аспекте социальных изменений. По мнению исследователей, происходящие изменения необходимо рассматривать как многофакторный процесс, детерминированный «внешней» и «внутренней» средой общественной жизни. Среди основных факторов социальных изменений ученые выделяют прогресс в науке и технологиях; изменение природной среды; усложнение структуры общества; экономические и политические противоречия между социальными классами; социальное неравенство и др. В большей степени внимание исследователей сосредоточено на «внешних» показателях воздействия – это политические, экономические, технологические и экологические факторы. В то время как вопрос о влиянии «внутренних» факторов на социальные изменения, вызванных бессознательной сферой массового сознания, до сих пор остается одним из наиболее сложных и дискуссионных.

Необходимость в изучении массового бессознательного в качестве исходной причины социальных изменений и социальной дифференциации обусловлена недостаточностью теоретической базы классической социологии для объяснения многих социальных процессов, имеющих «хаотичный» и непредсказуемый характер. Например, согласно социологии классического эволюционизма (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) процесс социальной эволюции развивается по принципу постепенного отказа от иррациональных моделей поведения и мышления к рациональным формам социального взаимодействия. Один из основоположников этой теории Г. Спенсер считал, что сущность эволюционных изменений заключается в поступательном процессе дифференциации общественных структур за счет отмирания «неприспособленных» социальных образований

и выживания «приспособленных»¹. Подобный рационалистический радикализм эволюционного развития общества неоднократно подвергался аргументированной критике. Наконец, такие масштабные события, как революция, война, массовые убийства, межэтнические конфликты, свидетельствуют о наличии в массовом сознании социумов неосознанных структур, выступающих неявным, но сильным фактором в процессах социальных изменений. «Нередко это выглядит так, будто люди поступают как бы против собственной выгоды, руководствуясь скорее неосознаваемыми инстинктами, чем логикой и здравым смыслом»². Современные социологи определяют этот фактор как «социальное бессознательное» (З.В. Сикевич) или «массовое бессознательное» (В.Г. Немировский).

Прежде чем перейти к социологической интерпретации понятия «массовое бессознательное» и его роли в социальных изменениях и процессах социальной дифференциации, целесообразно кратко осветить специфику и структуру массового сознания.

Традиционно считается, что массовое сознание образовано на границе двух типов общественного сознания: рационального и эмоционально-чувственного; обыденного и специализированного; действительного и созерцательного; рационального и иррационального. Например, французский ученый Г. Лебон при обосновании «психологического закона духовного единства толпы» исходит из того, что человеческая психика образована двумя уровнями. Если поверхностный уровень представлен сознанием, интеллектом, разумом – рациональной сферой, то глубинный слой человеческой психики складывается из чувств, состояний, настроений, страстей и инстинктов. Побудительной энергией эмоционально-чувственной сферы выступает «коллективное бессознательное»³.

Исходя из этого положения структура массового сознания выглядит следующим образом:

– «массовое бессознательное» – представляет собой совокупный опыт предыдущих поколений, их традиций и обычаев. Это наиболее устойчивый компонент массового сознания, создающий надежную опору в условиях социальных катаклизмов, нестабильности, в изменяющихся процессах социальной действительности;

¹ Спенсер Г. Синтетическая философия. – Киев: Ника-Центр, 1997. – С. 286.

² Сикевич З.В., Крокинская О.К., Посель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – С. 7.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Социум, 2010. – 400 с.

– эмоционально-чувственный или эмоционально-действенный уровень – характеризует аффективный аспект массового сознания, выраженный совокупностью эмоций, состояний, переживаний и настроений;

– когнитивный или смыслообразующий уровень включает общественные идеалы, социальные позиции, ценностные ориентиры, убеждения и т.п.

Отечественный исследователь Д. Ольшанский считает, что рациональную сферу массового сознания следует также дифференцировать на три блока:

– блок социальных ожиданий людей и оценок ими своих возможностей влиять на социальную систему в целях имеющихся ожиданий;

– блок меняющихся мнений и настроений людей, связанных с оценкой текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических акций, и т.д.;

– блок социально-политических ценностей, лежащих в основе осознанного политико-идеологического выбора.

Рациональный уровень массового сознания, по мнению Д. Ольшанского, представляет собой отражение распространяемых через слухи или средства массовой информации «массово необходимых» сведений¹.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что область массового бессознательного выступает первичным структурообразующим компонентом массового сознания. Обладая такими качествами, как инертность, стихийность, мозаичность, массовое бессознательное проявляется в аффективных состояниях социальных общностей, являясь побудительной силой эмоционально-действенного и когнитивного уровней массового сознания.

В современной постнеклассической социологии структура массового сознания анализируется с позиции методологических подходов диатропического принципа минимального универсума.

Согласно характеристике В.Г. Немировского, принцип минимального универсума представляет собой своего рода матрицу – «архетип», выражающую количество характеристик, необходимых для описания любой развивающейся материальной системы. Эта «матрица» состоит из двух элементов, пяти состояний, семи слоев, двенадцати качеств.

¹ Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2001. – 363 с.

Описанная матрица может быть «наложена» на любой социум или его элемент для определения их структуры и динамики. Тем самым «принцип минимального универсума одновременно выступает и как принцип развития системы, и как способ её познания»¹.

При анализе структуры массового сознания В.Г. Немировский исходит из того положения, что социум как развивающаяся система образует три иерархических уровня, три состояния, которые определяются как информационный (массовая психология, общественное сознание и т.п.), функционально-организационный (социальные институты и организации) и вещественно-энергетический (социальные общности)². Массовое сознание принадлежит к информационному уровню социума и состоит из рациональных и эмоциональных элементов. «Ведущие причины любых социальных событий, в том числе – распада СССР и потенциального распада России, лежат на информационном уровне социума, то есть в сфере массового сознания. А оно – неоднородно, включая и бессознательное»³. Они «пронизывают» семь слоев, каждый из которых представляет собой своеобразный ценностный уровень:

1-й уровень – когнитивный – включает когнитивные элементы ценностных ориентаций массового сознания;

2-й уровень – аффективный – содержит эмоциональные (аффективные) компоненты ценностных ориентаций.

Первые два уровня – это массовое сознание в его «идеальном», осознаваемом образе. «Именно на этом уровне происходит совмещение его индивидуальных и массовых компонентов»⁴. Следующие слои выступают как массовое бессознательное:

3-й уровень характеризует ценностные ориентации относительно социальных институтов власти, которые транслируют социальные нормы и ценности, относительно тех социальных субъектов, с которыми люди связаны отношениями подчинения;

4-й уровень содержит ценностные ориентации, выражающие исторически сложившееся отношение к своей семье, роду и, соответ-

¹ Немировский В.Г. Массовое сознание и массовое бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 13–14.

² Немировский В.Г. Общая социология. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 329 с.

³ Немировский В.Г. Массовое сознание и массовое бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 15.

⁴ Там же.

ственно, к различным элементам социальной структуры общества, в которые включён данный индивид как представитель соответствующих социальных общностей;

5-й уровень включает ориентации относительно ключевых моментов бытия, таких, как смысл жизни, отношение к смерти и т.п.;

на 6-м уровне представлены архетипы массового бессознательного;

7-й уровень массового сознания включает эмоциональные ценности, проявляющиеся в существовании ориентаций на ценностные переживания¹.

Модель массового сознания, вытекающая из принципа минимального универсума, позволяет сформулировать ряд положений применительно к данному исследованию: во-первых, когнитивные, эмоциональные и неосознанные элементы массового сознания пронизывают все ценностные уровни, поэтому происходящие изменения в социуме детерминированы как сознательными, так и бессознательными структурами массового сознания; во-вторых, по сравнению с когнитивным уровнем массовое бессознательное обладает большей устойчивостью и инертностью, мало подвержено влиянию региональных факторов. Оно образовано традиционными и родовыми представлениями, мифологемами, архетипами, которые имеют длительную практику воспроизведения в социальной сфере. По нашему мнению, ценности христианства относятся именно к этому уровню. На основе теоретических и эмпирических исследований мы попытаемся доказать их существование в массовом сознании современного российского социума, указав их сферу воздействия на процессы социальных изменений.

Краткий обзор структуры массового сознания позволяет определить область научного интереса – массовое бессознательное. В этой связи обратимся к научной трактовке свойств и содержания этого феномена.

В научной традиции социально-психологических, социально-философских и социокультурных школ изучение массового бессознательного ведет начало от концепций массового поведения и психологии масс (Г. Лебон, Д. Рисмен, Ш. Сигеле, Г. Тард, З. Фрейд); критики «массовления», «деспотизма масс», маргинализации со-

¹ Немировский В.Г. Массовое сознание и массовое бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 13–16.

циальных общностей (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер); социального познания таких явлений, как «тоталитаризм», «униформизм», «революция», «конформизм», «фашизм», «массовая культура» (Х. Арендт, Г. Зиммель, К. Мангейм, М. Московичи, Э. Райх, Ф.Г. Юнгер, и др.); культурно-антропологических положений о культурных и социальных универсалиях (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, В. Пропп, Э. Тайлор, Дж. Фрезер, М. Элиаде); осмысления фрагментарности, неустойчивости и противоречивости постмодернистического общества и его ценностей (Э. Бауман, Ж. Бодрийар, Р. Будон, И. Валлерстайн, Ж. Лиотард и др.); положений о социальном конструировании реальности посредством семантических образований – символов и знаков (Г. Блумер, Ч. Кули, Дж. Мид). Учитывая теоретические подходы междисциплинарных наук, в современных социологических парадигмах становится приоритетным изучение социальной специфики массового бессознательного в теориях циклических изменений, социальных флуктуаций и систем, социально-исторических и социокультурных процессах (Е.Г. Балагушкина, В.И. Болгов, С.И. Григорьев, Д.Д. Невирко, В.Г. Немировский, З.В. Сикевич, А.И. Субетто и др.). Из этого следует, что в современной социологической науке понятийная форма «массовое бессознательное» приобретает синтетический и междисциплинарный характер.

Несмотря на то что проблема «бессознательного» является одной из самых распространенных, отношение к этому феномену в различных науках никогда не было однозначным. Исследователи, так или иначе, сходятся в одном: «бессознательное» существует и активно влияет на повседневную жизнь и поведение человека и общностей.

5.2. Архетипы и ценности христианства в контексте постнеклассической универсальной социологии

Взаимосвязь архетипа и ментальных ценностей – одна из самых обсуждаемых тем в среде научных сообществ. В своих работах её затрагивают Ф. Арьес, Т.С. Вакулов, В.П. Визгин, К. О. Касьянова, Н.И. Лапин, В.Г. Немировский, А.С. Субетто и др. Опираясь на точки зрения исследователей, представляется возможным обобщить основные

принципы связи архетипа и ценностей, их непосредственное участие в социальных процессах:

– архетипы и ценности соотносятся друг с другом как массовое бессознательное и массовое сознание. Являясь неосознанным носителем социальных смыслов и действий, архетипы представлены на когнитивном уровне массового сознания в виде системы или иерархии ценностей, отражающих отношение разных общностей к общественным явлениям и ситуациям;

– архетипы существуют как упорядоченная система ценностей в менталитете социальных общностей. «Менталитет есть механизм, способ выстраивания ценностей, способ адаптации, способ формирования картины мира такой, чтобы она приобрела уравновешенный и комфортный для носителя данного менталитета вид»¹;

– формирование инвариантов ценностей в ментальных структурах социума начинается с самых ранних стадий развития общества из таких архетипических структур, которые функционируют наиболее эффективно в рамках локальных общностей;

– хранителем архетипов/ценностей выступает культурная традиция как зафиксированное персонифицированное выражение незыблемых устоев (ценностей) общества;

– архетипы/ценности являются «энергетическими узлами» социальных действий, основой механизмов мотивации и типов социального поведения;

– архетипы/ценности формируют «ходы», «модели», «сценарии» инволюционного и эволюционного этапов социального развития, определяя самоорганизационные эффекты в социуме;

– доминирующая система архетипов/ценностей менталитета (религиозная, идеологическая, культурная и т.д.) выступает границей предельной возможности социальной системы к трансформации и модернизации.

Опираясь на вышеизложенное, под архетипами массового бессознательного мы будем понимать самоорганизующуюся систему ценностей, заданную доминирующей в данном обществе традицией (в нашем исследовании – это христианство), которая содержит модели инволюционных и эволюционных стадий развития общества, а

¹ Вакулова Т.С. Национальная экономическая ментальность в эпоху рыночных реформ // Эконом. вест. Ростовского гос. ун-та. – 2003. – № 1. – С. 79.

следовательно, и характерные для представителей общности потребности, склонности, интересы, убеждения и типы поведения.

Проведенный анализ определений «архетип» и «архетипический образ», содержащихся в философии, научном наследии К.Г. Юнга, концепциях архетипической психологии, культурологии и современной социологии, позволяет сформулировать ряд положений, которые легли в основу данного исследования:

1. Осмысление понятий «архетип» и «архетипического образ» в контексте социального знания стало характерным для современного этапа развития социологии. На данный момент можно назвать три фундаментальных социологических подхода, исследующих социальную специфику архетипа: синергетический – архетип предопределяет цикличность развития социальных систем и их структур; постнеклассический в аспекте диатропического принципа минимального универсума, где архетип выступает матрицей (схемой) формирования и развития общематериальных систем социума; национально-этнический.

Во всех трех концепциях выделяется одно общее качество социального архетипа: основываясь на глубинах массового бессознательного, архетипы обладают высоким «энергетическим зарядом» (побудительной энергией), который способен спровоцировать социальные изменения и процессы трансформации социальных систем на всех уровнях. Архетип и его производные детерминируют принципы и конфигурацию отношений социальных групп и социума в целом, предопределяя процессы социализации, идентификации, социальной дифференциации, особенности функционирования социальных структур, динамику общественного развития, а также способы культурной и исторической преемственности.

2. Уникальность архетипа состоит в том, что его невозможно обнаружить в первичном «свернутом» виде. Его представленность в массовом сознании возможна только посредством архетипических инвариантов – образов, символов, мифов. Так, архетипический образ является результатом чувственного познания окружающей действительности, отношений сознания и бессознательного. В то же время архетипический образ есть социальный продукт. В нем заключены знания, социальный опыт, ценности, которые приобретались обществом на всем этапе его историко-культурного и социального развития.

3. Немаловажное значение в жизни человека и общества имеют религиозные образы. Существовая в массовом сознании как культур-

ная традиция, образы традиционных религий содержат архетипические модели эволюционного и инволюционного развития социума, определяя ценности, потребности, интересы, убеждения и типы поведения социальных общностей.

Согласно современным социологическим представлениям, модели эволюционного и инволюционного развития социума закрепились в архетипических элементах культурной традиции, отвечающих за процессы самоорганизации социальных систем.

Одной из главных религиозных традиций российского населения является православие. Существовая более двух тысяч лет, многие православные образы и ценности составили глубинную основу менталитета россиян, сформировав негласные законы социальных отношений, интересов и потребностей, которые уже не ассоциируются с религией и церковью, а перешли в статус типизированных форм контроля и регуляции трудовой, политической, экономической и культурной жизни населения. Это дает основания рассматривать христианство как религиозную систему, в которой присутствуют элементы, отвечающие за управление социальными процессами. Докладательной базой данного предположения выступают:

1. Синергетические представления о законах самоорганизации социальных систем;
2. Подходы постнеклассической универсальной социологии в аспекте диатропического принципа минимального универсума.

В контексте синергетической проблематики о закономерностях развития социальных систем, христианству в целом присущи черты универсальных законов самоорганизации.

1. Христианство как религиозная система сложилась из «хаоса разнонаправленных свободных волей (случайностей) на микроуровне, порождая порядок исторической закономерности на макроуровне»¹.

Длительный путь становления христианства демонстрирует необыкновенную способность религии адаптироваться к различным историческим и социальным условиям. Это универсальное качество христианства обусловлено спецификой его зарождения и функционирования.

Главной причиной универсализации христианства М. Элиаде считает происхождение религии: непрерывный процесс усвоения

¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб. : Лань, 1999. – С. 209.

дохристианского религиозного наследия и бытования мифологический образности. «Большая часть функционирующих в христианстве образов и символических действий суть продолжение и развитие некоторых из символов, зафиксированных в нормативном иудаизме или в апокрифах, созданных в период между двумя Заветами... Христиане заимствуют образную структуру из языческих религий – космической религиозности, уже подвергшиеся реинтерпретации в контексте Библии»¹. В том же аспекте универсальность христианства рассматривает А. Мень: «...в христианстве завершился длительный всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества»². Данное положение подтверждают историки христианства – О. Михельсон, М. Рудник и др. Исследователи указывают различные источники формирования христианского вероучения: монотеизм, греко-римская философия, языческие культы Древнего Востока, мистерии смерти и воскрешения божества, иудаизм и т.п. Отсюда, причина стремительного распространения христианства среди различных народов кроется в синтезированной форме религиозного учения, в котором необъяснимым образом объединилось множество пророческих представлений и общечеловеческих смыслов, сложивших качественно новую форму монотеистической религии.

2. «Хаос» разнонаправленных смыслов и представлений на микроуровне породил согласованный порядок фундаментальных заповедей и ценностей христианства на макроуровне. Некоторые из этих «истин» признаются всеми конфессиями:

– опора на библейские основоположения о душе, Боге, бессмертии, божественном законе, авторитете церкви, жизни после смерти и т.д.;

– приоритет теоцентризма – христоцентризма над социотризмом и антропоцентризмом³;

– наличие в христианских текстах глубоко символического смысла ориентирует верующего на внесоциальную реальность⁴.

¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. – Т. 2. – От Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Критерион, 2002. – С. 179.

² Мень А. В поисках Пути, Истины и Жизни // История религии в 7 т. – Т. 1. – М.: Форум–Инфра, 1997. – С. 9.

³ Антонян Ю.М. Великая Мать: реальность архетипа. – М.: Университетская книга; Логос, 2007. – С. 57.

⁴ Бачинин В.А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианская социология и антропология. – Т. VIII. – СПб.: Новое и старое, 2006. – С. 57.

Объяснение христианином социальных явлений и процессов связано с устремлением за пределы физической и социальной реальности в сверхфизическую сферу, заменяющим принцип причинности принципом Провидения – «Божьего промысла»;

– приоритет веры над разумом. Взамен «разумного», рационального осмысления жизни верующий получает совершенно конкретную модель социального устройства. Но это не означает, что разумная составляющая верующего потеряна, поле зрения христианина расширяется за счет осознания своей сопричастности к богооткровенным истинам.

В результате, как и любая другая вера, христианство в своих взглядах претендует на абсолютную истинность, дает ценностное осмыслением всему, что происходит с человеком и обществом. Как обобщенное проявление традиции христианские представления и смыслы усваивались и передавались от поколения к поколению в процессе непосредственного взаимодействия людей друг с другом, через социализирующие институты образования, семьи и церкви. Непосредственное влияние на характер и содержание христианских ценностей оказывали внешние обстоятельства жизни этноса, его географические, исторические, экономические условия. Поэтому вариативность христианского вероучения находится в прямой зависимости от места его распространения и ментального своеобразия социума.

Закрепление христианства на информационном уровне социума, например в качестве национальной идеи, содействовало преобразованию религиозных категорий из собственно религиозных ценностей в структуры светских функционально-организационных ценностей, делегирующих порядок политического, экономического, трудового устройства социальной жизни.

Так, экстрополяция христианских идей о системе бытия в российский социум длительное время осуществлялась посредством тесного союза институтов государства и церкви. Такая форма отношений религии и власти была впервые представлена в Имперской стадии развития христианства и продолжала развиваться вплоть до революционных движений начала XX в.

До революции 1917 г. за церковью закреплялась функция главного социализирующего института страны. В царской России, по существу, отсутствовала свобода религиозного убеждения. Статья 81 (т. 1, ч. 1) основных государственных законов гласит, что российские

подданные имеют право пользоваться свободой вероисповедания¹. Это означало, что каждый человек должен был принадлежать к одному из признанных законом вероучений – православному, мусульманскому, иудейскому и т.д. Отрицание принадлежности к религии влекло для человека самые неприятные последствия в повседневной жизни. Например, атеист был лишен возможности жениться, так как законным браком считался только церковный брак. Важнейшие моменты в жизни человека – рождение, смерть – юридически оформлялись через церковь. Во всех учебных заведениях преподавался закон божий, и человек, желающий получить образование, должен был изучать и богословскую науку. При этом, допуская возможность выбора вероисповедания, закон прямо предусматривал, что «первенствующей и господствующей в Российской империи является православная вера» (ст. 62, т. 1, ч. 1)². Законодатели также обозначили служебную и управленческую функции церкви. «Да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование Российских монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи» (ст. 68, т. 1, ч. 1)³. Атеист, не желающий, таким образом, молиться за своего монарха, считался человеком подозрительным и опасным, иначе – маргиналом. Связь институтов церкви и власти подчеркивалась на буквально материальном уровне. Таким образом, социальный институт церкви интегрировал взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической.

Антирелигиозная пропаганда со стороны большевиков способствовала отделению государства от церкви, однако при этом многие черты христианства сохранялись внутри марксистско-ленинской идеологии. Советская власть даже шла на уступки церкви, декрет о 8-часовом рабочем дне установил, что нерабочими днями считаются также и религиозные праздники⁴. Под маской коммунизма желание «соборности» нашло свое отражение в многочисленных митингах, собраниях, демонстрациях. Библейские заветы сменились лозунга-

¹ Свод Законов Российской Империи // Классика российского права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Чистяков И.О. Проблема демократии и федерализм в первой советской конституции. – М.: Московский институт, 1977. – С. 35.

ми, по лингвистической структуре напоминающими притчи. Обрядовая форма христианства присутствовала в почитании вождей, портреты которых принимали иконный образ; ритуальные похороны В.И. Ленина – тело предводителя, подобно святым мощам, до сих пор служит объектом «поклонения». Возможно поэтому, многие философы, писатели утверждают христианство как смыслообразующую составляющую российского общества.

3. Христианство как система в своем развитии претерпевает нелинейные взаимодействия, результатом которых выступают скачкообразные изменения его состояния. «Зона бифуркации ассоциируется с катастрофическими изменениями и конфликтами, которые сопровождают момент критического выбора системой своего дальнейшего пути развития»¹.

Этот факт фиксируют не только историки религии, но и современные социологи. Попытка выявить логические закономерности религиозности массового сознания россиян была предпринята отечественными социологами Л.М. Воронцовой, С.Б. Филатовым, Д.Е. Фурманом. Авторы констатируют, что общая картина эволюции религиозного сознания россиян с периода 1930 по 1990 г. подобна модели движущегося маятника: «от одного мировоззренческого положения к противоположному и затем обратно – к положению, с отхода от которого началось движение»². Точкой возврата, энергетическим импульсом «маятника» служат фундаментальные ценности христианства. Периоды отдаления от христианства (предреволюционные годы, постреволюционный период и т.д.) характеризуются мировоззренческим плюрализмом, реформированием православия, распространением оккультизма, атеизма, народничества, марксизма, поиском новых форм культурной и духовной идентификации³.

Современная религиозная ситуация в России не стала исключением. После продолжительного религиозного поиска россияне вновь обратили свой взгляд на ценностные ориентиры христианства. Начались массовые реконструкции храмов и церковной утвари, на крупных политических мероприятиях все чаще стали присутствовать священнослужители, наконец, 17 мая 2007 г.

¹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – С. 209.

² Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 82.

³ Там же. С. 82–84.

в Храме Христа Спасителя в Москве состоялось торжественное подписание Акта о каноническом общении между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. Данный факт демонстрирует «предрасположенность» россиян к христианским смыслам, которые с новой силой активизировались в кризисный момент жизни социума.

Скачкообразный процесс развития христианства свидетельствует о «непроявленном» содержании в его системе «структур – аттракторов эволюции» – устойчивых центров потенциальных путей эволюции религии, способных притягивать и организовывать социальную среду. На этом основании, можно полагать, что в христианстве существуют компоненты, выступающие «аттракторами» социальных изменений различного уровня.

Тот факт, что христианство способно вызывать кардинальные изменения в обществе, не вызывает сомнений и у классиков мировой социологии. Для Э. Дюркгейма христианство, как и другие мировые религиозные системы, содержит универсальные представления, смыслы, которые выступают основой «групповой солидарности», стабильности общества, направленной на сохранение существующего социального «порядка»¹. Напротив, М. Вебер считал, что идеи христианства послужили важным фактором развития западноевропейского общества, формирования «протестантского духа капитализма». В целом М. Вебер отводит религии «смыслополагающую функцию» в социуме. Религиозная система идей и смыслов задает специфический способ отношения к миру, порождая религиозную мотивацию, которая может вызвать социальные трансформации в масштабах общества и создавать ситуации, когда индивиды в своей массе изменяли свойственные им институционализированные способы деятельности². Т. Парсонс обозначает структурообразующую роль христианства. Уже на начальных стадиях своего развития, отделившись от общества, создав монашеские ордена и монастыри, христианство способствовало развитию социальной дифференциации³. Теоретики марксизма полагали, что на протяжении всего пути

¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М.: Наука, 1996. – С. 111–114.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/index.php

³ Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект пресс, 1997. – С. 46.

становления христианство провоцировало социальные конфликты и способствовало дезинтеграции общества¹.

Таким образом, социологи привели основания для того, чтобы считать христианство полноценной религиозной системой, структурные элементы которой (смыслы, идеи, представления, ценности) влияют как на реализацию социальных изменений, так и на поддержание социальной стабильности.

Однако рационалистический подход в исследовании воздействия христианства на социальные изменения оставляет без внимания латентные компоненты религиозной системы, которые не позволяют ей в период кардинальных трансформаций распастаться и способствуют постоянному воспроизведению. Это свидетельствует о том, что в основе христианства лежат архетипические матрицы – аттракторы, обеспечивающие динамическую устойчивость как самой религиозной системы, так и социума, в менталитете которого укрепились христианские смыслообразования.

По мнению К.Г. Юнга, мир религиозных представлений складывается из антропоморфных образов, которые зиждятся на архетипах. Наличие архетипического начала придает религиозному образу притягательность, наделяют его содержанием, бесконечностью интерпретации. Одновременно религиозный образ имеет определенное «лицо», форму, земную оболочку, доступную для восприятия и диалога с верующим. Пантеон религиозных божеств не изобретается той или иной религиозной группой, эти «сущности» есть выражение архетипов массового бессознательного. Особое внимание в своих сочинениях К.Г. Юнг уделяет христианским смыслообразам, в которых признает наличие архетипических форм². «Само христианство не распространилось бы по античному миру с такой поразительной быстротой, если бы совокупности его представлений не соответствовала аналогичная психическая предрасположенность»³.

В своей книге «Ответ Иову» К.Г. Юнг дает подробную характеристику архетипического происхождения образов христианства. Так, в основе христианских образов лежат изначальные архетипы (Анима – Богородица, Анимус – Христос, Мудрец – Бог, Тень – Са-

¹ Гараджа В.И. Социология религии. – М.: ИНФРА– М, 2005. – С. 185.

² Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: АСТ: Канон+, 1998. – 399 с.

³ Даурли Д., Эдинггер Э., Зеленский З. К.Г. Юнг и христианство. – СПб.: Академический проект, 1999. – С. 172.

тана, Трикстер – Дьявол)¹. Они слагают «религиозный скелет», или матрицу, которая с каждым новым этапом развития христианства наполнялась социальными и культурными слоями, образуя архетипический образ. Все эти слои нанизываются на наиболее древний опыт – архетипы, которые становятся их хранителями. Наслоения архетипа закономерно вытекают из социальной жизни человека и всего богатства его общественного взаимодействия. Устоявшиеся религиозные модели архетипических образов христианства в том или ином этносе сформировали структурированную систему ценностей, а также стали основой образования различного рода социально-культурных образцов, морально-нравственных норм, убеждений, социальных потребностей и интересов.

Образы христианства существуют как «архетипическая семья» или целостная система антиномичных архетипов, что позволяет религии совершать самоорганизующееся движение по определенным закономерностям, предопределяя модели развития социальных систем. По нашему мнению, эти закономерности выражены в характеристиках диатропического принципа минимального универсума. Обращение к данному принципу позволит раскрыть архетипические свойства эволюционных моделей христианства, их способы проявления в массовом сознании социума как ценностной системы.

Согласно методологическому принципу минимального универсума, любая материальная система имеет как минимум два полярных элемента, образуя в процессе своего развития три иерархических уровня, проходя на каждом из них пять стадий. За счет противоречий между полярными элементами на каждом уровне осуществляется развитие от стадии рождения до стадии исчезновения, после чего процесс переходит на новый уровень².

Дуализм христианства закономерно сочетается с синергетическими представлениями об эволюции Вселенной как о движении хаоса к порядку. Мы согласны с мнением В.В. Косарева, что образы Бога и Иисуса Христа предстают как суператтракторы эволюции. Они демонстрируют движение к абсолютному порядку, абсолютной истине и знаниям. Антиподами Бога и Христа выступают деструктивные силы «странного аттрактора» Сатаны и Дьявола – носителей абсолютного зла и хаоса. Наличие «эволюционных» и «инволюци-

¹ Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев. : Гос. библ. Украины для юношества, 1996. – 384 с.

² Немировский В.Г. Социология. – М., Прогресс. 2010. – С. 48.

онных» архетипов в христианстве обеспечивает процессы самоорганизации социума: «можно считать, что в результате своего развития человечество все более приближается к Богу, а попытки помешать этому доброму делу являются несомненным злом даже в том случае, если исходят от тех или иных видных представителей духовенства. Направленность этого процесса в настоящее время однозначно связана с расширением Вселенной, но в долгосрочной перспективе расширение Вселенной может смениться сжатием с последующим ее разогревом и преобладанием процессов дезинтеграции. Поэтому конечный исход борьбы этих двух начал или аттракторов порядка и хаоса остается пока неясным.

В основе архетипической матрицы христианства лежат пять архетипов: Мудрец – Бог Отец; Анимус – Иисус Христос; Богоматерь – Анима; Дьявол – Тень; Сатана – Трикстер. «Соответствуя первым членам ряда Фибоначчи: 1, 2, 3, 5 – диада, триада и пентада, выражают, соответственно, линейное, плоскостное и объемное представление о некоей системе»¹. Пять архетипов, сочетая в себе разнополярные элементы, обеспечивают религиозной системе устойчивость, цельность и возможность воспроизводства.

В каждом из обозначенных образов выделяются три уровня: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информационный. «Выделение подобных уровней имеет древнюю традицию: от христианской триады «тело, душа, дух» до фрейдовской «оно, я, супер я»². Три уровня поддерживают устойчивые связи христианских образов с изначальными архетипами и регламентируют иерархию ценностей на когнитивном уровне массового сознания.

Специфика христианских ценностей, их персонифицированное выражение в архетипических образах, подробно изложена в ортодоксальной, апокрифической и научной литературе. На основании изученных данных было выявлено, что ценности христианства на *вещественно-энергетическом* уровне образа представляют социальную направленность на удовлетворение биологических потребностей, инстинктивных влечений, материальных благ (см. табл. 5.1.) На *функционально-организационном* уровне христианские ценности регламентируют правила групповой солидарности, порядок организационных отношений в социуме, условия функционирования

¹ Немировский В.Г. Социология. – М., 2010. – С. 47.

² Там же. С. 46.

структурных элементов социума (социальные институты), отражают убеждения относительно политических и идеологических предпочтений, отношение к власти и управленческим организациям. *Информационный уровень* ценностей связан с идеалами духовной жизни, христианскими представлениями о смысле жизни и праведном пути верующего.

Соответственно, два полярных архетипических конструкта христианства (эволюционные и инволюционные архетипы) в процессе своего историко-культурного развития и противоборства сформировали три иерархических уровня ценностей, которые задают параметры функционирования и модели развития социума в соответствии с активностью того или иного архетипа.

Итак, можно сделать вывод о том, что архетипические образы христианства – это подвижная самоорганизующаяся система ценностей, главной особенностью которой является реализация социальных изменений в соответствии с космогоническими представлениями христианства о миропорядке и гармонии «добра» и «зла», зафиксированных в ортодоксальных теологических доктринах и заветах, апокрифических текстах, демонологической литературе и воплощенных в образной системе христианства.

5.3. Методика исследования влияния архетипических образов и ценностей христианства на социальные изменения и процессы социальной дифференциации

На современном этапе в социологии сложились различные взгляды на методы исследования религиозных феноменов, явлений и процессов.

1. Ведущей методологической основой исследований выступает, как правило, структурно-функциональный подход, посредством которого изучаются общественные основы и закономерности возникновения, развития и функционирования религии; анализируются элементы, структура, место и роль религии в общественной системе; особенности вероисповедания населения; содержание, условия формирования и мотивы религиозного сознания респондентов; динамика религиозного сознания населения.

Таблица 5.1

**Структура ценностей архетипических образов христианства
в соответствии с принципами постнеклассической универсумной социологии**

Уровни	Способы персонафикации	Ценности
1	2	3
Информационный	Высшее божество, Божий Дух, основа мироздания, создатель Вселенной, Творец	Идеалы духовной жизни, изложенные в христианских заветах и догмах
Функционально-организационный	Властитель мироздания, «небесного» и «профанного» миров	Имперская, восточно-деспотическая модель взаимоотношения общества и власти; этатизм, эгалитаризм.
Вещественно-энергетический	Образ божественного Отца – заступника и покровителя	Патернализм, конформизм, подчинение, контроль
Уровни	Архетипический образ Иисуса Христа (архетип - Анимус)	
Информационный	Имманентный аспект Бога на земле	Ценностная модель образцовой жизни христианина: мученичество, терпеливость, любовь к Богу, любовь к ближнему своему и т.д.
Функционально-организационный	Учитель, миссия, Царь, «Судия Мира», Наставник, носитель тайны «Божественного Домостроительства»	Царецентризм – символическое уподобление правителя Христу. «Монарх как образ Христа на земле, - общество как образ тела Его»; солидарность, коллективизм
Вещественно-энергетический	Мифологический герой, чудотворец, носитель мужского начала	Нарциссизм, поклонение идеалам мужской красоты: ловкости, силы, здоровья, способности к наслаждению и т.д.

Продолжение табл. 5.1

1	2	3
Уровни	Архетипический образ Богоматери (архетип - Анима)	
Информационный	Священная Мать – Иисуса Христа	Ценности деторождения.
Функционально-организационный	Образ заступницы «человеческого» рода, покровительница семьи, брака, «домашнего очага», церкви, земли	Ценность социально значимых категорий, связанных с «родной» землей, родом, нацией: «Родина», «патриотизм», «страна»
Вещественно-энергетический	Образ первичной материи, «субстанции»; «демонический» аспект женского начала (Лилит, Мария Магдалена).	Культивирование женских идеалов красоты, гедонизма, блуда.
Уровни	Архетипический образ Сатаны	
Информационный	Антибог, Абсолютное зло, Диссонанс Вселенной, «Хаос»	Ценность материального бытия, в противовес духовной жизни (отсутствие смысловожизненных ориентаций)
Функционально-организационный	Властитель демонов, «империи зла»; разрушитель божественного порядка на небе и земле; «враг» человека и бога	Ценность антибожественного порядка, войны, реформ, революций
Вещественно-энергетический	Демонический образ смерти, болезней, телесного уродства	Ценности, связанные с физическим уничтожением человека: убийства, самоубийства, насилие, жестокость; ценности, ведущие к человеческому искажению тела и души: наркомания, алкоголизм, неправильный образ жизни, страдания и т.д.

Архетипический образ Дьявола		
Уровни		
Информационный	Падший ангел	Подмена христианской веры магическими и мистическими культами: искушение колдовством, гаданием, спиритуализмом и т.д.
Функционально-организационный	Образ лицемера, обманщика, клеветника, притворщика (например, Иуда)	Удовлетворение индивидуализированных форм бытия в социуме: эгоизм, безразличие к окружающим, беззаконие, безнравственность, корысть, скупость
Вещественно-энергетический	Дьявол в образе животного, Пана, Змея, Дракона, Химеры, Искусителя	Удовлетворение плоти: праздность, вещизм, пристрастие к роскоши, наслаждениям, чревоутолению, разврату

2. Главными методами исследования остаются массовые опросы различного вида. При этом намечается тенденция к конкретизации темы исследования: выявление факторов влияния религиозного сознания на процессы модернизации и трансформации социальных институтов власти, образования, семьи, экономики и т.д.

3. При разработке методики учитывается исторически обусловленная взаимосвязь национального и религиозного факторов, социально-культурная и конфессиональная специфика регионов. В основе типологизации данных лежат следующие критерии: культовое поведение, религиозные убеждения, мировоззренческая позиция (например, по отношению к религии и атеизму), конфессиональная ориентация, уровень воцерковления.

Следует отметить, что традиционные методы исследования динамики религиозных процессов в России затрагивают лишь поверхностный уровень массового сознания респондентов и нацелены, преимущественно на установление «социального факта» существования той или иной формы веры в Бога. Оттого эмпирические данные часто не поддаются верификации и не соответствуют реальной картине динамики религиозного сознания.

4. В современной постнеклассической социологии актуальность приобретают проективные методы исследования: ассоциативный эксперимент, глубинное интервью, семантический дифференциал, ассоциативный тест и т.д. Так, в книге «Трансперсональные методы исследования в социальных науках: слава человеческому опыту» проведён подробный обзор широкого спектра качественных подходов к исследованиям, не лишены внимания и количественные методы. Здесь приводятся примеры различных методов эмпирического изучения необычного человеческого опыта, включая универсальные человеческие ценности и смыслы, вершинные (пиковые) переживания, опыт трансценденции (выход за рамки за рамки собственного «Я») и высшие уровни сознания. Авторы также включают в свою работу новейшие исследования, посвященные медитации и парапсихологии, и современные примеры работы с религиозными образованиями и установками¹. Такой подход считается в постнеклассической социологии эвристически ценным, так как позволяет исследовать глубинные уровни массового сознания респондентов.

¹ Braud W., Anderson M. Transpersonal research methods for the social sciences: Honoring human experience. – Thousand Oaks, C A, SAGE Publication, Inc., 1998. – 321 p.

Учитывая эмпирический опыт классической и постнеклассической социологии, в качестве методологической базы был избран комплексный подход. В частности, применялись проективные методы исследования (ассоциативный эксперимент, ассоциативный вопрос) и массовый опрос жителей Красноярского края.

Была использована следующая схема эмпирического исследования:

I этап – Ассоциативный эксперимент и ассоциативный тест

Специфика исследования глубинного уровня массового сознания обуславливает сложность его выявления стандартными эмпирическими методами, так как предполагает апелляцию к конструктам неосознаваемым самими их носителями. В то время как массовые опросы, как правило, фиксируют отрефлексируемый, лежащий на поверхности массового сознания уровень информации, часто искаженной социальными стереотипами и неадекватной оценкой респондентов. Учитывая эти обстоятельства, мы обратились к проективным методам исследования – ассоциативному эксперименту и ассоциативному тесту.

Согласно определению отечественного социолога Л.А. Паутовой, ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В основе механизма ассоциативного эксперимента – соотнесение объекта (стимула) с первым пришедшим в голову смыслом (реакцией). С одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт. Важно отметить, что «как феномен, ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии, всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Изучая ассоциации, мы апеллируем к глубинному слою нашего сознания»¹.

Отличительные особенности ассоциативного эксперимента (АЭ) состоят в следующем:

– АЭ применяется с целью выявления глубинных социальных потребностей, мотиваций, влечений, архетипов, ценностных установок и социальных стереотипов;

¹ Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения [Электронный ресурс] // Социология: 4М. – 2007. – № 24. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/4M/24/Pautova.pdf>

– АЭ выявляет особенности национального языкового сознания социальной общности;

– АЭ позволяет исследовать качественное разнообразие социальных смыслов и социальных проблем: ценностно-значимых и периферийных;

– АЭ демонстрирует специфику социального опыта группы: профессиональные и гендерные ассоциации, реакции, связанные с вовлеченностью в политическую жизнь, стилем жизни, уровнем образования и т.д.;

– АЭ дает возможность скорректировать замысел и концепцию будущего массового исследования¹.

В связи с тем что ценности христианства тесно взаимосвязаны с архетипическими образами (Бог Отец, Иисус Христос, Богородица, Дьявол, Сатана) и затрагивают различные сферы традиционных смыслов и представлений, ассоциативный эксперимент представляется одним из наиболее подходящих методов исследования, поскольку он позволяет анализировать уровень массового бессознательного респондентов в качестве дискретных, фрагментарных и алогичных схем сознания, охватывающих различные элементы семиотических систем.

Ассоциативный эксперимент проводился в фокус-группах от 10 до 15 человек. После установления контакта с группой и прочтения инструкции респондентам предъявлялся список слов-стимулов (Бог Отец; Иисус Христос; Богородица; Дьявол; Сатана). С целью уменьшить сознательно вносимые искажения в высказывания время на ответы на каждое слово-стимул ограничивалось 10-15 секундами. В случае отсутствия ассоциаций респонденту предлагалось ставить прочерк. При этом участникам эксперимента рекомендовалось фиксировать те смыслы, которые сразу «пришли в голову». Метод реализован в форме свободного ассоциативного эксперимента, поэтому респондентам не ставилось никаких ограничений на реакции (семантических, грамматических или лингвистических).

Характер ассоциаций определил следующий ряд факторов: возраст и пол, образование, тем самым ассоциативный эксперимент позволил выявить инвариантные способы языковых значений, отражающих групповые особенности респондентов. В свободном экспери-

¹ Баранова Т.С. Психосемантические методы в социологии // Социология: методология, методы, математические модели. – 1993/94. – № 3–4. – С. 55– 64.

менте приняли участие 156 испытуемых: 67 опрошенных составили лица мужского пола, 89 – женского. Состав групп дифференцировался по возрасту: 18 – 25; 25 – 35; 35 – 45; 45 – 55; 55 и старше.

В качестве приложения к основному методу предлагался ассоциативный вопрос: «С какими из известных современных людей: политиков, деятелей искусства и культуры, ученых, и певцов и т.п. Вы бы могли сравнить библейские образы?»

Основой метода обработки данных ассоциативного эксперимента выступил контент-анализ. Были использованы такие разновидности данного метода, как частотная и нечастотная модели. При анализе ценностных компонентов (ценностного ядра) и установок использовалась частотная модель контент-анализа, при исследовании поля представлений – его нечастотная модель. Формирование тематических рубрик осуществлялось вслед за выявлением единых смысловых структур. Типологической моделью ассоциативных связей послужила диатропическая модель принципа минимального универсума: информационный, функционально-организационный и информационный уровни.

По результатам ассоциативного эксперимента общий массив данных составил 2874 ответов-реакций различного грамматического вида: словоформы, словосочетания, в отдельных случаях предложения и фразеологизмы. Еще раз отметим, что контент-анализ высказываний был направлен на выявление эмоционально-оценочных смыслов, отображающих комплекс ценностных предпочтений внутри идентификационной зоны архетипических образов христианства (Бог Отец, Иисус Христос, Богоматерь, Дьявол и Сатана), и позволяя определить сферу проявления ценностей христианства в социальных изменениях.

Применение проективных методов исследования продемонстрировало наличие в массовом сознании респондентов устойчивых очагов когнитивных преград или стереотипов – в формах внутренней религиозной цензуры. В отличие от ассоциативного эксперимента, где дискретность единиц описания блокировала сознательный контроль, ассоциативный тест вызвал неоднозначную поведенческую реакцию: смех, состояние недоумения и «паузы», потерянности, в других случаях – нежелание отвечать на вопрос. Респонденты аргументировали свое поведение отсутствием ассоциаций, неэтичностью вопросов, несоответствием содержания вопроса принципам христианской морали. Один из участников эксперимента, обучающийся за-

очно в Богословском университете Москвы, так выразил свое мнение по поводу анкеты: *«Попытка отвечать на вопрос ассоциативного теста вступает в конфликт с самой сутью христианского учения. Как можно соотносить Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым или вообще мало кому понятного, но от этого не менее обожествляемого Духа Святого, с конкретным известным современным политиком, деятелем искусств и культуры, ученым, певцом? Это полное кощунство и мракобесье»*. Провокационный характер вопроса поставил респондента в ситуацию внутреннего конфликта, разрешение которого предполагало выход за границы сознательной активности и сопротивление религиозным стереотипам – «Не произноси имя Бога всуе». Иначе свою позицию обозначили респонденты, не связанные с религиозными организациями. Например: *«Я не знаю, существует Бог или нет, но если существует, то после ваших вопросов мне не миновать Божьей кары»*. Возникший страх, есть не что иное, как борьба массового бессознательного за объекты описания действительности. В целом состояние фрустрации, неопределенности, страха, представляется формой проявления массово бессознательного в аспекте замещения сознания.

II этап – Массовое анкетирование жителей Красноярского края

Данные проективных методов показали, что выявить степень влияния ценностей христианства на процессы социальных изменений в российском социуме помогут исследования, касающиеся взаимоотношения российских граждан с социальным институтом власти. В этой связи содержание индикаторов анкеты составили вопросы, направленные на исследование влияния ценностей христианства на социально-политические изменения и процессы социальной дифференциации. На наш взгляд, ценности христианства составляют важную часть политического самосознания российских граждан и помогают понять характер и особенности социально-политических процессов в стране.

Для того чтобы раскрыть влияние православно-христианских ценностей на политические изменения и процессы социальной дифференциации, в состав анкеты были включены три блока вопросов: 1. Религиозные ориентации жителей края. 2. Отношение респондентов к социально-политическим ценностям, власти, политическим лидерам, реформам. 3. Оценка позиций респондентов в определении «виновников и проблем современной России».

Опрос был проведен в 2009 г. Для формирования генеральной совокупности использована районированная, репрезентативная, многоступенчатая, половозрастная выборка. Репрезентативность данной выборки определяется полом, возрастом и образованием. Выборочная совокупность представлена 810 респондентами, среди которых 58 % опрошенных – лица женского пола, 42 % – мужского. Фильтрующим критерием отбора явилось место жительства и возраст респондентов – старше 18 лет.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с помощью прикладных программ SPSS с применением корреляционного и факторного анализов, продемонстрировавших глубокий ценностный уровень массового сознания – массовое бессознательное.

Применение качественных и количественных методов исследования обосновано современными постнеклассическими подходами как соответствующими изучаемому объекту в данном исследовании.

Для преодоления раздробленности восприятия эмпирических данных предлагается следующая логика изложения материалов исследования:

1. Способы и сфера проявления ценностей христианства в социальных изменениях.
2. Влияние ценностей христианства на социально-политические изменения и процессы социальной дифференциации.

5.4. Формы проявления архетипических образов и христианских ценностей в социальных изменениях

Вполне ожидаемым оказался тот факт, что максимальное количество характеристик приписывалось христианскому **Богу-Отцу** (874).

Вещественно-энергетический уровень объединил две противоположные по смыслу оценочные позиции, приближенные по смыслу к первичной архетипической матрице образа Бога-Отца. Общее количество семантических единиц – 97 (11 %).

На глубинном уровне массового сознания представителей молодежи в возрасте от 18 до 25 лет образ христианского демиурга приближен к мифологизированной фигуре божественного мудреца-

волшебника. На это указывают высказывания описательного характера, выступающие фрагментами сказок и мифов. Количество высказываний – 36 (3 %).

Представители возрастной группы старше 55 лет – среди них немало пенсионеров, проживающих в сельской местности, – расценивают христианского Бога как покровителя, отца-наставника, благодетеля. С ним связаны ценностные переживания крайнего патернализма, потребность в конформности и опеке. Количество ответов – 61 (7 %).

Функционально-организационный уровень представлен ответами респондентов возрастной группы преимущественно от 25 до 55 лет, что составляет $\frac{1}{2}$ долю всех высказываний. Христианский Бог здесь наделен атрибутами власти, выступает в качестве закона, судьи, беспристрастного правителя – «указующий перст» организующей силы, высшей управляющей инстанции. Словоформы «управляет», «направляет», «руководит», «оценивает», «господствует», «карает» выступили основой ценностных переживаний, сопряженных с потребностью в контроле, социальной справедливости, а также сильной власти. Количество ответов – 411 (47 %).

Выдвинутое предположение находит свое подтверждение в ответах респондентов на последний вопрос ассоциативного теста: «С какими из известных современных людей – политиков, деятелей искусства и культуры, ученых, и певцов и т.п. Вы бы могли сравнить библейские образы?». Многие из участников отказались проводить сравнение, аргументируя свой позицию следующими выражениями: *«нет сравнений», «на это место вряд ли кто подходит, не то время», «никто несравним», «такие вещи нельзя сравнивать», «такое сравнение – грех»*. Из 156 респондентов ответили 73. Общее количество семантических единиц – 81. На место христианского Бога Отца участники опроса поставили: бывшего президента РФ «В.В. Путина» (23); нынешнего главу государства «Д.А. Медведева» (14); российских императоров – «Петр I» (9), «Александр I» (4), «Александр II» (3), «Николай I» (3); политиков современности – «Лебедь», «Жириновский», «Зюганов», «Потанин», Ельцин». Кроме политиков и царственных особ участники теста указали на таких известных личностей как «Кобзон» (3), «Толстой» (2), «Достоевский» (2), «Ницше» (2), «Солженицын» (2), «Академик Павлов», «Флоренский», «митрополит Алексей», «Михалков», «Басков», «Боб Марли», «Анатолий Вассерман».

Средняя частотность ответов относится к *информационному уровню* – 41 % или 366 семантических единиц. Несмотря на значительное количество семантических реакций, относящихся к данному уровню, информационный аспект образа Бога-Отца обозначен отсутствием ярко выраженных ценностей. Положительные оценки говорят о почтительном отношении к этому образу, что вызвано в большей степени данью религиозной традиции, однако в ряду ассоциаций не были отмечены такие ортодоксальные ценности христианства, как «любовь к ближнему», «совесть», «сострадание», «вера», «смысл жизни». Для респондентов христианский Бог – это нечто отстраненное, далекое и «туманное», растворенное в материи природы и Вселенной. Как отметил один из респондентов, «внематериальная и неживая субстанция». Причина возникновения индифферентного поля высказываний, по нашему мнению, кроется в доминировании иной архетипической энергии, дающей другие, противоположные ценностям христианства, смысложизненные приоритеты. Это подтверждается разобщенностью взглядов респондентов в представлении о сущностных чертах христианского Бога-Отца.

Представители молодежи ассоциируют Бога Отца с традиционной христианской символикой: «*церковь*» (19), «*храм*» (13), «*крест*» (9), «*свечи*», «*нимб*», «*иконостас*», «*Библия*», «*заветы*», «*притчи*», «*клик*», «*надписи на стенах*», «*Троица*», «*Иерусалим*», «*Голгофа*», «*Огненный столп*» и т.п. Количество ответов – (174).

Среди представителей возрастной группы от 25 до 35 лет доминирует **теоцентрическая или монотеистическая позиция** – представление о едином универсальном, вездесущем и всемогущем Боге: «*Бог един для всех, независимо от религии и от того, как его называют, если его нет, то следовало бы придумать*»; «*единый творец*»; «*творец сущего, Альфа и Омега*»; «*всему начало*»; «*персонифицированный логос*» и т.п. Количество ассоциаций – (86).

Ответы респондентов возрастной группы от 35 лет представили:

– **космоцентрическую позицию** – восприятие Бога как огромного и таинственного Космоса, гармоничного и многообразного в своих проявлениях: «*Вселенная*», «*Космический и вечный разум*», «*нематериальная, космическая субстанция*» «*метафизический свет*», «*окружение звезд*», «*планетарный эфир*», «*яйцеклетка*», «*мельчайшая частица планеты*», «*белый шар*» и т.д. Количество ответов – 71;

- **трансрелигиозную позицию** – Бог как время, энергия, пространство: *«энергоинформационная субстанция», «бесконечность времени и пространства»; «огромнейшая энергетическая субстанция, располагающаяся во вселенной, не имеющая ни образа, ни подобия, которую невозможно описать нашим ограниченным человеческим языком из-за невероятной сложности» и т.п.* Сумма ассоциаций – 19;

- **психологическую позицию** – личностное восприятие Бога как коммуникативного партнера: *«моя внутренняя вера», «душа», «душевная организация», «вера в душе», «Бог – это Я и нечто», «моя внутренняя любовь к богу».* Количество высказываний – 6;

- **атеистическую позицию** – отрицание священного статуса христианского Бога: *«материалистическое понимание природы и общества не оставляет возможности согласиться с наличием Бога Отца»; «выдумка», «ложь», «альтернатива».* Всего – 5 ответов.

Среди **идиосинкразийных ассоциаций** можно выделить буддийское представление: *«пустота», «спокойствие», «круг непостижимости»;* технократическое – *«интернет».*

Анализ ассоциативных высказываний показал, что в информационном поле участников эксперимента преобладает противоречивое соединение несоединимых по смыслу аналогий и инверсий. Такой индивидуализм представлений, как правило, характерен для процессов социальной дифференциации.

В концептуальных представлениях о высшем христианском божестве респонденты ориентировались на внутренний оценочный комплекс, мало взаимосвязанный с истинными христианскими воззрениями. Этот факт свидетельствуют о том, что в современных социальных реалиях высшие ценности христианства не выполняют общественной функции, они в целом практически не знакомы респондентам.

Обращает внимание «хаотический поток» ассоциаций у современной молодежи. Их представление о Боге сильно мифологизировано и архаично, в отдельных случаях даже иронично. Для них концептуальный уровень христианского Бога Отца – это нагромождение случайных и бессвязных сказочных картин и символов. Очевидно, что смысловые ценности этой группы респондентов выражены в иных категориях, далеких от христианских доктрин.

Таким образом, ассоциативный эксперимент показал наличие в идентификационном поле архетипического образа Бога Отца ценно-

стей, ориентированных на патернализм, конформность, сильную и «обожествленную» власть. В представлениях респондентов, христианский Бог Отец отображает разумно обоснованную концептуальную модель социального бытия. От него исходят запреты, мудрые советы, осуждения, модель мирового порядка, установление сдерживающих механизмов сексуальных, эгоистических и агрессивных устремлений, что свидетельствует о социальной потребности в сильной власти, дающей взамен свободы ощущение «отеческой опеки» и стабильности. На это указывает смысловая корреспонденция с атрибутами власти, ассоциации с политическими фигурами и конформистские устремления респондентов – желание подчиняться некой высшей силе, действовать под руководством сверхчеловеческого авторитета, как выразился один из респондентов «указующего перста». Данная социальная предрасположенность полностью совпадает с одним из важнейших догматов православия – «всякая власть от Бога». «...Ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Ап. Павел 13:1-7). Респонденты дали подробное описание «власти от Бога». Она должна быть суровой, указующей, карающей, сакральной, одновременно помогающей и справедливой.

Активность архетипа христианского Бога Отца в социальной сфере закономерно обретает эволюционную модель разумно обоснованной идеологии (религиозной или политической) и утверждает ценность социального порядка, закона, сильной власти. Тогда сфера социальных процессов и изменений будет связана с разработкой и внедрением в социум «образцовой» (утопической) модели социального бытия. Отсюда выявить степень влияния обозначенных ценностей на процессы социальных изменений помогут исследования, касающиеся взаимоотношения российских граждан с социальным институтом власти.

Следующей фигурой ассоциативного эксперимента выступил образ христианского мессии – **Иисуса Христа**. Полученный массив данных составил 637 семантических единиц.

Наименьшее количество ответов относится к *вещественно-энергетическому уровню* (62) – 8 %. Практически все ответы из этой группы исходили от представителей молодежи в возрасте до 25 лет. На данном уровне и Христос представлен как внешне привлекательный талантливый мужчина, благородный герой, эталон для подражания, что является следствием укрепления архаических воспоминаний о героях мифов и сказок. В описании Христа присутствуют

элементы, указующие на его физическую мощь, красоту, значимость тела и силы. Например, *«Христос – это необыкновенной красоты юный человек, которому были даны невероятно большие интеллектуальные возможности»*. Один из респондентов обозначил эротический аспект Христа: *«А не является ли популярность христианства во многом обусловленной сексуальной привлекательностью Христа? Ведь если проследить его изображения, то это – красавец мужчина «в полном расцвете сил». Или же становление Христа как секс-символа произошло уже в результате популярности его учения?»*.

Это значит, что вещественно-энергетический уровень выражает ориентации на переживание потребностей: в любовных переживаниях, гедонизме, романтике, приключениях, нарциссизме.

На *функционально-организационном* уровне фигура Христа представлена мудрым «учителем», «советником», «наставником», «духовным руководителем», «основоположником христианского учения». Количество ответов – 362 (57 %).

Анализ ответов позволяет утверждать, что архетипическая фигура Христа утвердила в массовом сознании привлекательность «обожествленного» харизматического лидера, ценность новатора, политического или религиозного идеолога, на которого возлагается миссия возрождения и обновления социальной сферы. По мнению А.В. Маленко, архетипическим прообразом национального лидера выступает миф о Герое, воплощенный в ходе историко-культурного развития в образе Христа, «не просто религиозного или политического функционера, фанатика, но личности цельной, сумевшей, поэтому подняться над временем, пространством, социальными стереотипами и собственными социальными барьерами»¹. Мы также согласны с точкой зрения А. Десницкого, согласно которой формирование культа Христа на Руси происходило под воздействием древневосточной парадигмы о царе-посреднике, в результате чего в общественном сознании россиян укрепился архетип правителя-жреца-жертвы. Каждый конкретный монах на Руси был своего рода «регентом», временным управителем, которого Бог назначил и смещал в случае неисполнения им своих обязанностей. С тех пор царь, император, князь, правитель представляли перед народом как «одушевленная икона Христа». «Идея «единого для всех христиан

¹ Маленко С.А. Архетипические образы и родовая среда осуществления сознания. – Новгород: Новгород, ГУ им. Я. Мудрого, 2006. – С. 160.

царя» и даже представление об этом царе как о хранителе Церкви вполне согласуются с византийской политической теорией... Как бы ни были извилисты дальнейшие пути «генеральной линии» официальной российской идеологии, это представление о царе как о единственном, божественном и мессианском правителе проходит красной нитью через все века вплоть до нашего времени¹. Это мнение разделяют многие исследователи, среди них В. Живов, Б. Успенский, Г.Л. Курбатов, В. Шохин, А. Зубов, С. Бычков и др. Ученые солидарны в одном, что культ Христа в секуляризованном обществе переродился в неискоренимую этническую потребность в «священном образе» жертвенного царя-правителя². Власть правителя, коренящаяся на архетипических корнях христианского мессии, являет ценность царцентризм, с помощью которого общество политически консолидирует самое себя, укрепляет силу государственной власти. Следовательно, архетип Христа имеет большое значение в социально-бессознательных механизмах оценки политических лидеров страны.

Для того чтобы соответствовать исходной матрице правителя, политический лидер должен обладать рядом ценностных качеств. Сравнивая данные фокус-группового исследования с исследованиями современных социологов об «идеальном» образе национального лидера, обнаруживаем очевидное сходство мнений, что еще раз подтверждает непосредственное влияние архетипа христианского мессии на этническую ценность царцентризм. Например, А.Ф. Гуцал и С.Л. Недбаевский отмечают, что исход выборов парламентской и президентской власти в России во многом зависит от национальных и традиционных образов массового сознания россиян. В особенности представителям православного славянства присущи такие качества, как «сочувствующее отношение» к «гонимым за правду», а также поклонение героическим образам «спасителей народа». Современная политическая практика подтверждает, что идея спасения от социальных невзгод увязывается в массовом сознании с тем политиком, который в своей биографии придерживается ряда иницирующих этапов: 1) возвышение – «первый подвиг»; 2) изгнание («хождение в народ», «хлебнул народного лиха»); 3) возвращение в

¹ Десницкий А.С. Священство и царство в российском общественном сознании // Континент. – 2000. – № 104. – С. 265.

² Там же.

новой славе, «чтобы защитить народ и покарать его обидчиков»¹. Л.Ф. Ромашкина указывает на то, что россияне высоко оценивают такие личностные качества политического лидера, как сила, справедливость, доброта, щедрость, властность². С.В. Нестерова находит важными для российских избирателей такие черты политика, как сострадание, терпение, «стремление жить заботами людей и воспринимать их как свои собственные»³. По мнению Ю.В. Ирхина, в массовом сознании россиян остается актуальным лидер-борец, своего рода судья, способный в нужный момент позаботиться о народе и наказать провинившихся чиновников⁴.

Все вышеобозначенные ценности национального лидера тождественны высказываниям участников ассоциативного эксперимента. Так, в ряду ассоциаций присутствуют экспликации «*добрый*» (25), «*терпеливый*» (21), «*всепрощающий*» (15), «*справедливый*» (15) «*помогающий*» (14), «*страдающий*» (12), «*любящий*» (10), «*великодушный*» (7), «*человеколюбивый*» (5), «*благородный*» (4), «*пассивный*», «*сочувствующий*», «*добродетельный*», «*послушный*», «*волевой*», «*убежденный*», «*щедрый*», «*страдающий*», «*жертвующий*», «*мудрый*», «*послушный*», «*величественный*» и т.п. Можно заметить, что в описании присутствуют в основном «созерцательные» слова, определяющие такие ценности как *терпение*, *страдание*, *смирение* – все это является результатом *внутреннего делания*, устройства души человека в противовес деланию внешнему или труду. Возможно, данная ментальная особенность – это следствие культурного воспитания, где православные ценности оставили свой неизгладимый след. Имеются высказывания, определяющие деятельное начало Христа: «*мессия*» (38), «*учитель*» (27), «*спаситель*» (24), «*наставник*» (16), «*защитник*» (14), «*чудотворец*» (12), «*проповедник*» (8), «*путь*» (5), «*искупитель*» (2). Одновременно респонденты называют Христа «*властным*», «*харизматичным*», «*циничным*», «*жестоким*», «*посвященным*». Во имя

¹ Гуцал А.Ф., Недбаевский С.Л. Портрет политического лидера в историческом интерьере [Электронный ресурс] // Стратегічна панорама. – 1999. – № 1–2. – Режим доступа: <http://www.niurr.gov.ua/ru/publication/methodology/90914portret.htm>

² Ромашкина Л.Ф. Формирования и функционирование имиджа политического лидера: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М, 1995. – С. 13.

³ Нестерова С., Сибирко В. Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян // Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 75.

⁴ Ирхин Ю.В., Котеленец Е.А., Слизовский Д.Е. Проблема теории и психологии политики. – М.: РУДЫ, 1996. – С. 121.

христианской веры Христос «жертвует собой», «терпит», «мучается», «страдает», «печалится», «проливает слезы и кровь», «несет тяжесть и бремя людей», «волей божьей прикрывает жестокие поступки людей», «несет кару за людей», «покровительствует всем христианам», «спасает род человеческий», «защищает от злобы и ненависти» и т.п. Все это еще раз доказывает воздействие архетипа Христа на ценность царцентризм как исходную ментальную структуру массового сознания, возникшую в результате тесного союза социальных институтов церкви и власти.

Следует отметить, что актуальность архетипа мессии-царя возрастает в период интенсивных процессов трансформаций, социальных изменений. В таких условиях усиливается значимость преобразующего центра, лидера как выразителя коллективно значимых ценностей. Согласно исследованиям И.В. Грошева, в современных условиях социально-политического и идеологического кризиса в массовом сознании россиян повышается потребность в сильном политическом лидере, способном своим авторитетом побуждать людей к деятельности и реформам. Связано это с тем, что переходный период выступает основой эмоциональной неустойчивости масс, сопровождающийся страхом и неудовлетворенностью своей жизнью, будущим и настоящим. Это подходящий момент для появления харизматического лидера, способного выступить защитником «народа», избавить его от страха и надвигающейся угрозы¹.

Следовательно, влияние эволюционного архетипа христианского мессии на современные социальные изменения будет демонстрировать факт культивирования главы власти, а также смену «мифической» ориентации в политической доктрине.

Первым результатом этого исследования можно считать данные ассоциативного теста. Так, для респондентов моложе 25 лет образ Христа трансформировался в современных художников, певцов, актеров, деятелей культуры: «Безруков» (5); «Никос Сафронов» (4); «Брюс Уиллис» (4), «Борис Гребенщиков»; «Джон Ленон»; «Ричард Бах»; «Джим Моррисон»; «Булгаков»; «Агутин»; «Курт Кобейн»; «Познер»; «Склифософский»; Некоторые респонденты старше 25 назвали своих «героев»: «Басков» (3); «Хворостовский» (3); «Розенбаум» (2); «Леонтьев» (2); «Евгений Миронов»; (2); «Эйнштейн»; «Забо-

¹ Грошев И.В. Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 25–47.

лоцкий»; «Сахаров»; «Лихачев». Респонденты от 25 сравнили образ мессии с политиками и государственными деятелями: «Медведев» (15); «Путин» (9); «Пимашков» (6); «Царь Николай» (3); «Ленин» (3); «Шойгу» (2); «Хлопонин» (2); «Александр II»; «Жириновский»; «Зюганов»; «Лукашенко»; «Лебедь»; «Обама»; «Кеннеди». Мнения респондентов старше 55 лет разошлись. Некоторые из них привели сравнения с политическими фигурами, другие обозначили людей, связанных с религией: «Патриарх Кирилл» (2), «Патриарх Алексей»; «Далай-лама». Количество ответов – 89.

Полученный массив данных демонстрирует значительную дифференциацию мнений. Для большинства представителей молодежи и респондентов в возрасте до 35 лет образ мессии, наставника и учителя связан с деятелями массовой культуры, певцами, артистами; социально-политический контекст образа обнаружен у респондентов в возрасте 35 – 55 лет и лишь незначительное количество опрошенных связали образ Христа с лидерами религиозных движений. Из этого следует, что в настоящий момент образ харизматического лидера децентрализован и эклектичен. Отсутствие лидера, по нашему мнению, приводит к процессам разобщения широких масс, а также отчуждению и социальному дистанцированию граждан от власти.

На *информационном уровне* также были выявлены ответы, представляющие возрастную дифференциацию. Количество ответов – 213 (33 %). Для представителей молодежи образ Христа слагает христианская символика, праздники, притчи, библейские выражения. Например, «крест» (41), «распятие» (21), «терновый венец» (8), «свет» (5), «голубь» (2), «Вифлеемская звезда», «Содом и Гоморра», «Новый год», «Пасха», «Благовещение», «Рождество», «Тайная вечеря». Часто встречается высказывание «Христос – суперзвезда» (6). Среди возрастной категории от 45 лет присутствует отождествление Христа с его родителем Богом-Отцом: «сын Бога Отца»; «Сын Божий»; «Послан Вселенской силой для спасения человечества»; «тот же, что и Бог Отец»; «Сын Бога – искупитель человеческого греха»; «божественный посредник», «Воплощение Бога Отца на Земле» и т.д. Среди респондентов старшего поколения встречаются высказывания притчевого характера. Например, «Возлюбите друг друга», «Да будет добро и свет на этой земле, данное нам от Христа» (5). Из этого следует, что ценности высшего порядка, такие как «любовь к ближнему», «любовь к Богу», свойственны незначительному числу респондентов в возрасте от 55 лет и старше.

Следовательно, ведущими ценностями, связанными с архетипической фигурой Иисуса Христа, мы будем считать ориентацию на царцентризм и комплекс ценностей вещественно-энергетического уровня, обозначенных у представителей молодежи: гедонизм, нарциссизм, романтизм, любовные переживания.

Образу **Богоматери** соответствует 540 семантических единиц.

Исследование *вещественно-энергетического* уровня выявило факт возрастной дифференциации при восприятии образа Богоматери (228 – 42 %).

В суждениях респондентов от 18 до 35 лет Богоматерь олицетворяет красоту и эротическую привлекательность (39). Иными словами, наблюдается ориентация на ценности гедонистического и сексуального характера. Встречаются достаточно противоречивые с позиции христианской морали ассоциации: «блудница», «фанатичка», «красотка», «привлекательность», «наслаждение», «Миледи» и т.д.

Респонденты от 35 лет обозначили природное, стихийное, первично-биологическое начало материнства (183). Эти качества были раскрыты следующими суждениями: «женщина с ребенком на руках»; «мать детей своих»; «любая женщина, родившая ребенка»; «скорее всего выдуманный библейский персонаж, либо простая женщина, являвшаяся биологической матерью вышеописанного простого человека»; «просто мать, давшая человеческую жизнь»; «добродетельный образ матери с младенцем»; «чудо рождения ребенка»; «женщина и мать в широком смысле этого слова, типа – Мать с большой буквы»; «женщина, оберегающая любовь и детей». Слово «мать», «моя мама», «материнство» встречается в общем количестве ассоциаций 93 раза. Среди ассоциаций встречаются такие слова, как «ребенок» (25), «грудь» (13), «молоко» (7), «запах», «утроба», «вода», «земля», «жизнь», «мягкость» и т.п. Этот образ сопровождается буквально телесными ощущениями «тепла», «заботы», «нежности». Она «животворящая», «любящая», «заботливая», «добрая», «теплая», «своя», «знакомая», «ласковая», «чистая» и т.д.

Можно предположить, что в условиях социальных перемен, когда не хватает централизованных социальных модусов, переживания респондентов сконцентрированы в личной сфере и связаны в большей степени с узким кругом людей, которые становятся для них главным источником заботы и любви. Сам образ сохраняет воспоминания респондентов о первичной идентичности, о полной безопасности в материнской утробе, материнской заботе в детском и под-

ростковом возрасте. В этом аспекте человек в трудную жизненную минуту инстинктивно больше надеется на материнское начало, нежели на рациональную деятельность отца. С другой стороны, в ситуациях кризиса, нестабильности, жизненных коллизий возвращение в материнское лоно первичных архетипов, как изначальную ступень развития человека и социума, соответствует синергетической тенденции инволюции, массово бессознательному стремлению к природе первичных биологических инстинктов, потребностей и архаических констант. Поэтому можно согласиться с мнением З.В. Сикевич о распространении в массовом сознании россиян ценности «инфантилизм», представляющей собой «пролонгацию бессознательного способа существования в пространство взрослого статуса личности, требующего иных – социально более зрелых, автономных и рефлексивных способов реагирования на «вызовы» ситуации и регуляции поведения в ней»¹. Социальный инфантилизм интерпретируется как задержка социального развития личности, когда взрослый человек не самостоятелен и находится в прямой зависимости от институтов семьи и государства. Атрибуты социального инфантилизма – это невыделенность из среды, внутренняя бесконтрольность, девиантное поведение. К явлением инфантилизма М.И. Буянов справедливо относит и рост числа браков молодых мужчин с женщинами старше себя. Глубинным мотивом таких браков является стремление консервации мужской несостоятельности, женской (материнской) зависимости. Проблема социального инфантилизма, по мнению автора, программирует ряд острых проблем в развитии общества и может привести к задержке его развития².

Меньше всего ассоциаций возникают на *функционально-организационном уровне*, демонстрирующем связь образа Богоматери с социально значимыми феноменами и явлениями (патриотизм, Родина, страна). Общее количество семантических единиц – 129 (24 %).

Показателями данного уровня являются суждения, обозначающие одну из главных функций Богоматери – защиту от враждебности социального мира (93): *«идеальная, сострадающая мать, которая может пожалеть и избавить от бед»; «мать-заступница, оберег человека»; «заступница наша перед Богом»; «женский образ,*

¹ Сикевич З.В., Крокинская О.К., Посель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – С. 48.

² Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии. – М.: Просвещение, 1986. – 208 с.

защищающий от невзгод»; ответы, демонстрирующие отождествление образа Богоматери с национальными символами (5): «Родина-мать» (2); «символ Земли Русской»; «печальный облик Отечества», «наша земля»; высказывания, определяющие взаимосвязь богини с социальными институтами семьи и религии (31): «храм» (14), «собор» (11), «семья» (4).

На данном уровне образ Богоматери отражает ценности, вмещающие такие понятия, как «Родина», «страна», «Отечество». Как видно из полученных данных, эти ценности идиосинкразийны и соответствуют поколению от 45 лет и старше. Когда участникам одного из опросов общественного мнения предложили список из 25 слов, обозначающих различные ценности, и попросили выбрать среди них три наиболее важных понятия, патриотизма среди актуальных ценностей не оказалось – патриотизм отметили всего лишь 3 % опрошенных. Первые места заняли такие общечеловеческие ценности как безопасность, мир и семья, получившие, соответственно, 33, 32, и 31 % голосов. Автор исследования делает неутешительные выводы: «Патриотизм вполне закономерно не ассоциируется в общественном сознании ни с «миром», ни с «безопасностью», ни с «семьей». Большинство граждан устали умирать за Родину. Только подумать об этом вслух все еще способно лишь меньшинство»¹.

Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают отсутствие взаимосвязи священного образа христианской матери с некими политическими и социальными категориями. В результате социально-политических трансформаций и идеологического кризиса в российском обществе еще не выработаны или, наоборот, уже потеряны, социально-значимые понятия, вызывающее у гражданина России чувство родства и идентичности с окружающими людьми, обществом, его героями, ценностями, историей. В этом случае трудно не согласиться со словами Ю.М. Антоняна: «Родина не может требовать от своих детей безусловной и безоглядной любви только потому, что человек родился в этой стране и является её гражданином, а сама она была к нему жестокой и равнодушной. Точно так же и

¹ Петрова А.С. «Безоглядная любовь... к Родине» [Электронный ресурс] // Всероссийский опрос городского и сельского населения. 24 ноября 2001 года. 1500 респондентов. Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: www.fom.ru <http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/of014505>.

родная мать не имеет основания рассчитывать на подобные чувства, если не любила и не заботилась о своем сыне или дочери»¹.

Информационный уровень фиксирует трансцендентный образ Святой Матери (183 – 34 %). В этот раздел включены ассоциации: «Мать всего живого на земле»; «Божья Матерь – это небесная сила, которой нет равных среди нас»; «небесная Матрона»; «она соединяет небо и землю» и т.п. (39); высказывания, отождествляющие Деву Марию с христианскими и языческими символами (150): «солнце», «икона», «Благовещение», «Архангел», «Святой Дух», «созвездье Девы», «луч», «свет», «сияние», «Святой Лик», «ягненок», «хлев», «младенец», «Волхвы», «пещера», «дом», «древо», «цветок», «роза» и т.д. Так же как и в других традиционных образах христианства, ценности на информационном уровне образа Богоматери не были обнаружены.

Таким образом, архетип Богоматери нельзя назвать «социально активным», так как священное отношение к ней ограничивается влечением к красоте образа. С другой стороны, архетипическая активность образа может выражаться в культивировании земной красоты. Связано это с тем, что исторически образ Богоматери развивался в гармонии с земледельческими культами, которые под влиянием урбанизации и научно-технического прогресса утратили свое былое значение. Отсутствие поддержания этого культа в обществе ведет к изменению архетипического проявления Богоматери, его функций и аспектов. Теперь архетипическая активность Богоматери сублимируется в ценностях «эротизм» и «гедонизм», что может стать опасной деструктивной силой, ведущей к разложению моральных и нравственных основ общества.

В особенности, «привлекательный» облик Богоматери проявляется в ассоциациях с современниками. Количество ответов – 65. Так, респонденты до 25 лет привели следующий ассоциативный ряд: «принцесса Диана» (8), «Анджелина Джоли» (5), «Мадонна» (4), «Моника Белуччи», «Успенская», «Кэтрин Зета-Джонс», «Шэрон Стоун». Участники опроса старше 25 лет предложили следующие ассоциации: «Мордюкова» (8), «Пугачева» (5), «Гурченко» (3), «София Ротару» (2), «Ахматова», «Понаровская», «Майя Плисецкая», «Анна Нетребко», «Татьяна Толстая», «Татьяна Пель-

¹ Антонян Ю.М. Великая Мать: реальность архетипа. – М.: Университетская книга; Логос, 2007. – С. 154.

тцер», «Сезария Эвори». В этой возрастной группе присутствуют также ассоциации с женщинами политиками: «Новодворская» (6), «Раиса Горбачева» (3), «Хакамада» (2), «Тимошенко» (2), «Индира Ганди» (2), «Матвиенко», «Пимашкова». Во всех возрастных группах главной ассоциативной фигурой оказалась «Мать Тереза» (17). Кроме того, священный образ матери, по мнению некоторых респондентов, соответствует пророчице «Ванге» (3). Как видно из данных ассоциативного теста, оценочная позиция образа Богоматери зависит от возрастных особенностей участников опроса. Выявляется положительная динамика процесса «десакрализации» образа, его перехода из «сакрального» в «профанный» мир. Чем моложе респондент, тем выше взаимосвязь между ценностями эротизма и гедонизма. Отсюда архетипическая сила образа сконцентрирована на инволюционных ценностях, приближенных к вещественно-энергетическому уровню.

В процессе анализа ассоциаций, полученных при характеристике образа Дьявола и Сатаны, выяснилось, что респонденты не находят оснований для различения этих библейских персонажей. Поэтому ассоциации, полученные при описании этих образов, рассматривались как одно целое. Количество семантических единиц, относящихся к Дьяволу, составляет – 749, Сатаны – 82. Всего было подвергнуто контент-анализу 831 ассоциация.

Ассоциативный ряд, предложенный респондентами, в целом представляет собой довольно широкий спектр. При этом выбранные вербализированные конструкции достаточно индивидуальны. Менее выражен уровень типичных, стереотипных и символических реакций, т.е. рефлексия респондентов по поводу инволюционных архетипов христианства явилась более сложной и разносторонней, чем в других образах.

Итак, *вещественно-энергетический уровень* составляют ассоциации, связанные с комплексом скрытых инстинктивных и недифференцированных аспектов человека, имеющих социально-негативных статус:

– отрицательные черты человеческих качеств (239). Многие из перечисленных свойств личности именуется в христианских учениях « пороками человеческой души»: «жестокость» (12), «злоба» (8), «коварство» (5), «злорадство» (2), «гордыня», «зависть», «хитрость», «порочность», «алчность», «ненависть», «высокомерие», «лицемерие» и т.д.

В этом аспекте Дьявол ассоциируется у женщин со словами: «искуситель», «соблазнитель», «любезобильный затайщик», «смешливость», «ехидство», «очарование», «азарт», «корысть», «хитрость», «обманищик», «лжеец», «неказистость», «изворотливость», «жестокость», «бессердечность», «таинственность», «необузданность», «завистливость». Следовательно, ассоциативный ряд отражает скрытые теневые и инстинктивные компоненты женской натуры. Еще основатели христианской церкви, осознавая силу женской привлекательности, причисляли женщину к числу демонов. Христианство видело в женщине коварную соблазнительницу, угрозу целомудренности, воплощение греха и даже орудие Дьявола.

Для мужчин Дьявол и Сатана – это разрушительная, агрессивная сторона человека: «злость» (4), «озлобленность» (2), «невежественность» (2), «непокорность», «цинизм», «раздражительность», «вероломство», «ненависть», «греховность». Он «жестокий» (9) «неуравновешенный» (2), «беспощадный», «сильный», «разгневанный», «надзирательный», «назойливый», «завистливый», «дикий», «яростный», «горделивый». Несмотря на преобладание негативных ассоциаций, присутствуют слова с положительной оценкой этого образа: «доверчивость», «искупление» (12), «ум» (3), «мудрость» (2), «справедливость» (2), «страдалец»;

– скрытые страхи, выраженные болезнями, переживаниями, психическими расстройствами (27): «истерия», «психоз», «горячка», «агония», «болезнь», «паранойя», «язва», «диагноз», «хандра», «заноза», «холера», «крик», «телесное уродство», «детский ужас», «смерть», «мучение» и т.п.;

– сфера социальных «пороков»: «пьянство» (4), «хамство» (3), «наркомания» (3), «секс», «блуд», «дела грязные и темные».

Наиболее популярными для всех респондентов оказались характеристики, представляющие визуальный облик Дьявола. В основном это черты фантастических образов животных (117): главные атрибуты Дьявола – это «рога» (21), «зубы» (19), «хвост» (13), «трезубец» (10), «копье» (2), «сковородка». Он «грязный», «дряблый», «гадкий», «плохой», «мерзкий», «злой», «страшный», «неистовый», «темный», «подлый», «коварный» и т.д. Менее популярны отождествления Дьявола и человека: «человек с бледным лицом, впалыми глазами, темными волосами. Еще у него круги под глазами». С недавнего времени у Дьявола появились новые атрибуты: он стал носить «Прадо» (6) и приобрел профессию «адвоката» (5);

– в ряду соответствий с Дьяволом находятся природные стихии и явления, символизирующие падение, земную материю (28): *«огонь», «пламя», «костер», «жар», «смола», «вулкан», «ночь», «темнота», «мрак» «взрыв», «ядро земли», «яма», «ураган», «воронка», «круговорот», «дыра» «сера», «земля», «подземелье», «холод»*. Традиционно Дьявол наделяется силой, ведущей вниз к бездне, к архетипическому началу.

Как видно, среди наиболее популярных ассоциаций оказались характеристики, отражающие свойства характера и поведение личности, а также человеческие пороки, страхи, переживания. Видимо, в этом проявляется самооценка «внутреннего врага», с которым респонденты отождествили Дьявола и Сатану. Разнообразный спектр ассоциаций демонстрирует сложную и многомерную картину теневых переживаний. Для каждого респондента она связана с определенным рефлексивным комплексом душевных и физических деструкций. Причем респонденты на уровне массового бессознательного в буквальном смысле испытывают процесс падения, нисхождения и надвигающейся угрозы. Это говорит о том, что ценности, ориентированные на личностную регрессию, хорошо знакомы респондентам, более того, они имеют ярко выраженное «лицо», черты и направление.

Анализ ответов респондентов позволил выявить *функционально-организационный* уровень в образе Дьявола и Сатаны. На этом уровне Дьявол выступает источником деструктивной силы, которая направлена на противостояние и борьбу с некими признанными и устоявшимися формами бытия (в христианстве – это закон Божий), принципами жизни, моралью и т.д. Описывая Дьявола как *«правителя подземного царства» (6), «владельца подземелья» (3), «чиновника бесов», «заведующего адом»,* респонденты определяют сферу его деяний: *«уничтожение света»; «нарушение социальных запретов»; «карает живые души, питаясь болью и страданиями»; «сеет зависть, убийства, жестокость и злобу»; «ведет человека к подлости»; «заставляет людей бороться со злыми намерениями»; «командует своими подчиненными, которые выбирают среди людей тех, у кого слабая сила воли»; «сбивает с истинного пути»; «стремится обратить мою душу в грех»; «склоняет к злости и неверным поступкам»; «наказывает за искушение, но все равно приятно»; «протестует против нас»; «предлагает обменять душу на что-то заманчивое»; «несет разрушение и несчастья»*. Одновременно, он отвечает за сферу ненормативного поведения: *«агрессия», «убий-*

ство» (17), «насильственная смерть», «преступление» (6), «нарушение социальных запретов»; за нарушение безопасности социальной системы, олицетворяя «войну» (21), «фашизм» (4) и «терроризм» (2).

Исходя из мнений респондентов можно сформулировать функциональное предназначение инволюционных архетипов христианства в пространстве общественной жизни. Архетип Дьявола и Сатаны на этом уровне выражается в социальной потребности в преобразовании, изменении и приведении существующего порядка к хаосу. Одновременно этот образ являет источник социального зла, обнажающего «эндемическую форму» социальных болезней. Недаром один из распространенных обликов Дьявола – оборотень. То есть цель архетипа – это «оборачивание» и обнажение «изнаночной» стороны того, что ранее почиталось и превозносилось. В этом контексте будет уместно привести данные, полученные при ответе на ассоциативный вопрос. Результаты исследования показали, что респонденты склонны к противоречивой и неоднозначной трактовке субъекта «социального зла». Так, среди молодежи лидирующие позиции заняли современные деятели поп-культуры, представители СМИ, герои кинофильмов: «Киркоров» (5), «Дима Билан» (3), «Ксения Собчак» (3), «Витас», «Мадонна», «Децл», «Борис Моисеев», «Пугачева», «Отар Кушанашвили», «Павел «Снежок» Воля», «Казаков», «Сергей Зверев», «Гарик «Бульдог Харламов», «Мэрлин Мэнсон», «Ганнибал Лектор», «Чикатило». Среди идиосинкразийных ассоциаций в этом блоке можно выделить такие: «мой учитель по физике», «преступники – их много», «реклама», «попса», «юмористы». Негативную оценку со стороны респондентов в возрасте от 25 до 45 лет получили современные зарубежные политики, участники международных конфликтов, террористы: «Джордж Буш», «Саддам Хусейн», «американские политики», «Барак Обама», «Бен Ладен», «Саакашвили», «Шамиль Басаев», «Ющенко», «Тимошенко», «Янукович», «террористы Аль-Каида». Респонденты от 45 и старше предпочли сравнивать Дьявола с российскими политиками. В качестве таковых были обозначены: политики советского периода («Брежнев», «Сталин», «Ленин»); участники «перестройки» («Березовский», «Горбачев», «Чубайс», «Черномырдин», «Шеварднадзе»); современные политики (Зюганов, Жириновский, Явлинский), олигархи («Абрамович», «Дерипаска»). Негативную оценку получили также «Мавроди», «Грбовой», «Кашиповский», «Виссарион» – харизматические личности – «оборотни», которые в свое время обманули, одурачили и ограбили

миллионы российских граждан. Несмотря на разнообразие взглядов, национальным олицетворением зла для респондентов всех возрастов стали: «Гитлер», «Сталин», «Муссолини», «Наполеон», «Буш».

Таким образом, многочисленные процессы преобразований и реформ во всех сферах общественной жизни способствовали образованию эклектической картины мира россиян. Так, в каждой возрастной группе образовался свой образ «разрушителя». Для старшего поколения таковыми стали устроители «перестройки», олигархи, современные политики; для зрелого населения источник зла переместился за пределы страны в сторону Востока и Запада; молодые люди увидели угрозу со стороны представителей поп-культуры и средств массовой информации. В зависимости от социальной позиции и исторических условий дихотомия добра и зла превращается в меняющиеся характеристики социальной жизни. Политические деятели, коммунистические вожди, харизматические личности, вызывавшие ранее доверие и благоговение, эволюционировали в демонических фигур, «обернулись» субъектами социального зла. Образ Дьявола в социальном контексте является своеобразным «зеркалом», в котором преломляются главные проблемы переходного общества и обнажаются источники возникновения социальных конфликтов и напряжений в стране.

На информационном уровне респонденты обозначили самую главную проблему современных россиян – «бездуховность» (15). Выделяется следующий блок ассоциаций, характеризующий этот уровень: «бездушность», «безбожие», «духовный хаос», «символический образ абсолютного зла, отдаляющий человека от Бога» и т.п.

Результаты проективных методов исследования показывают, что под воздействием архетипов христианства в массовом сознании респондентов сложился определенный комплекс архетипических ценностей. Так, в основе архетипа христианского Бога-Отца концентрируются ценности, ориентированные на патернализм и конформность. Архетипические ценности Иисуса Христа и Богородицы проявлены на вещественно-энергетическом уровне и соответствуют первичной архетипической матрице образов (Анима и Анимус). Они тесно связаны с ориентацией на гедонизм, нарциссизм, романтизм, потребность в любовных переживаниях. Одновременно в условиях социально-политических преобразований у респондентов повышается потребность в консолидированных ценностях, лидерах и власти, на которых возлагается надежда на установление порядка и

законности. Отсюда все больше актуализируются архетипические ценности – царцентризм и этатизм.

Высказывания, относящиеся к информационному уровню эволюционных архетипов христианства, противоречивы, алогичны, избыточно стереотипной символикой и мало взаимосвязаны с ортодоксальными религиозными ценностями. Это свидетельствует о том, что в современной социальной действительности высшие ценности христианства не выполняют общественной функции, не знакомы респондентам и, как показало исследование, замещены иными смыслообразующими категориями.

Ценности инволюционных архетипов христианства многослойны и затрагивают все уровни. На вещественно-энергетическом уровне они обозначены ориентацией на теневые переживания «внутреннего врага», ведущего к личностной регрессии. Эта архетипическая энергия, разрушающая физическое здоровье человека и общества, образована сферой социальных пороков: пьянство, наркомания, болезни, психические расстройства. Как видно из ответов подобные теневые переживания знакомы и актуальны для респондентов. В особенности это касается отрицательных качеств человека, таких как злословие, гордыня, праздность, вероломство и др. Весь этот комплекс отрицательных черт в контексте заветов и догматов христианства выражен человеческими «грехами», дьявольскими «искушениями». В православии эти грехи обозначены стремлением к тщеславию, лжи, лени, праздности; любви к земному и материальному больше, чем к духовному; пристрастием к деньгам, роскоши, наслаждениям; излишнее внимание к плоти, а также пьянство и наркомания. Представленный перечень человеческих «грехов» можно рассматривать и как причину социальных «болезней» современного российского общества. Функционально-организованный уровень представлен ценностями, ориентированными на разрушение социальных отношений, социальных структур, низвержение бывших устоев и политических лидеров. Этот процесс взаимосвязан с «оборачиванием» и разоблачением того, что ранее обеспечивало общественную солидарность и политическую консолидацию. В социальной сфере это может выражаться трансформацией социально значимых институтов власти, экономики и управления. Исходя из неоднородности высказываний респондентов можно сделать вывод о том, что динамика функционально-организационных изменений подвижна и дифференцирована.

Ценности, нарушающие нормы социальных взаимоотношений, раскрываются в таких православных воззрениях, как грех «против ближнего», дьявольское искушение эгоизмом, индивидуализмом и безразличием к окружающим. Все это ведет к разложению морально-нравственных устоев (неумение прощать, воздаяние злом за зло, отказ вступить за слабого и невинного, отказ помочь попавшему в беду); несоблюдению законов (избиение, покушение на чужую жизнь, лжесвидетельство, неуплата долгов, явное или тайное присвоение чужого, ограбление, вымогательство, обман); нарушению семейных отношений (отсутствие почтительности к старшим, к родителям, вражда с ближними, скандалы, истерики, проклятия, дерзость, наглое и вольное поведение по отношению к ближнему). Деструктивные процессы, происходящие на вещественно-энергетическом и функционально-организационном уровне социума, закономерно возникают из-за отсутствия идейного базиса – информационного уровня. В качестве концептуальных основ деструкции респонденты обозначили «бездушность», «безбожие», «духовный хаос». Здесь теневые архетипы Сатаны и Дьявола предстают противниками «духовной» жизни человека, соответствующей ценностям христианских догматов и заповедей, предназначенным для оправдания человеческого существования и обретения смысложизненных ориентиров. В контексте православных представлений это может быть связано с увлечением магией, колдовством, спиритуализмом, суеверием, верой в сны и приметы.

Таким образом, анализ данных, полученных с помощью проективных методов исследования, показал, что в массовом сознании респондентов жителей Красноярского края доминируют инволюционные ценности христианства, выступающие фактором деструктивных изменений в социуме.

5.5. Влияние ценностей христианства на социально-политические изменения и процессы социальной дифференциации

Политическая ситуация в современной России характеризуется ярко выраженным динамизмом. В попытках выявить природу этой динамики социологи нередко сводят исследования к анали-

зу социально-политической жизни российского общества. В ряду причин фигурируют конфликты политических партий и движений, колебания политических настроений, размежевания социально-политических взглядов социума, идеологический разлом поколений. Признавая важность вышеобозначенных причин, мы считаем, что при анализе факторов политических изменений и социальной дифференциации российского общества необходимо учитывать традиционные для национального самосознания ценности христианства, которые во многом определяют особенности социально-политического развития страны.

Целесообразность такого подхода обоснована теоретическими положениями многих социологов, демонстрирующих непосредственное влияние ценностей «народных религий» на политическое поведение общностей в качестве установок отношений к реформам, власти, политическим лидерам; самосознания политического развития в целом. «Новейшие тенденции в развитии современной политики свидетельствуют о повышении интереса к изучению функциональных связей системы традиционных и, прежде всего, религиозных ценностей, их влияния на индивидуальные и массовые системы политических ориентаций, политическую деятельность и политическое поведение элиты, а также на качественное состояние системы ценностей в целом»¹.

В данном контексте отметим, что подход христианства к политическому устройству государства коренится в специфике исторического развития страны, традициях, ментальных установках этнического бессознательного россиян, особенностях религиозных традиций. «Даже наиболее модернизированные направления современной философско-политической и политико-социологической теории обладают библейскими *мнемоническими* вкраплениями. А это свидетельствует о том, что память о двухтысячелетней истории христианского мира продолжает присутствовать в пространстве современного политического дискурса»².

¹ Мусиенко Т.В. Демократические и религиозные ценности: проблемы конфликтности и нетолерантности //Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 34.

² Бачинин В.А. Российская политическая реальность – сфера действий Бога и людей [Электронный ресурс] // Интернет–газета «Протестант». – 2007. – 23 октября. – Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/index.php/sociology/1547>

Чтобы на конкретном эмпирическом материале рассмотреть влияние христианских ценностей на современные политические изменения и процессы социальной дифференциации, представляется важным обратиться к некоторым аспектам политической теологии. Интерпретация данных требует конкретизации спектра христианских ценностей, составляющих основу политического самосознания российского социума. Несмотря на то что предрасположенность к этим ценностям была обнаружена в ходе ассоциативного эксперимента, их религиозная детерминация скрывается в учениях православно-христианских догматов, апостольских изречениях, религиозных мыслителей. Среди них присутствуют следующие ценности:

Патернализм. Христианство расценивает государство как упорядоченную форму отношений Бога и общества. В основе отношений – отеческая любовь Бога к «сыновьям своим» и «любовь к Богу» как Всевышнему Небесному Отцу. Христианская идея небесного патернализма приобретает в секулярном массовом сознании особый вид зависимости от политических институтов, потребность в социальной регламентации попечительства и государственного покровительства.

Этатизм. Этатизм рассматривается как примат государства в общественной жизни, основанный на популярности сильной власти. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему, противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести (Рим. 13: 16)», – гласит апостол Павел. В данной интерпретации государство выступает всеобъемлющей силой, в ней совмещается дуализм двух порядков – монизм власти и религии. Покорность властям, страх перед начальством, осуждение сопротивления правителям, терпимость – все это превращается в оправдание не только «сильной» власти, но и любого существующего политического порядка. «Это есть один из вечных соблазнов, подстерегающих христианский мир, и на этой почве рождаются утопии, принимающие разнообразные формы – от теократии папской и императорской до коммунизма»¹.

¹ Мусиенко Т.В. Демократические и религиозные ценности: проблемы конфликтности и нетолерантности //Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 28.

Ценность сильной централизованной власти получила свое развитие в системе государственной монархии, коммунизма, авторитаризма, продолжая оказывать влияние на отношение российского социума к политической действительности.

Царецентризм. В традиционном смысле под царецентризмом понимается постановка высшего руководителя в центр функционирования власти и общества. Апостол Петр гласит: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия... Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2: 13–17).

Эгалитаризм. Ценность «эгалитаризм» рассматривается как стремление к социальной справедливости и равенству граждан – эта традиция имеет длительный путь развития от соборности до коллективизма. В основе христианского понимания справедливости лежит идея единства религии, морали и права. Власть тогда воспринимается легитимной и праведной, когда её способы управления и забота о «ближних» совпадает с религиозно-нравственными принципами Библии. Отдаление «божьих наставников» от библейских заповедей рождает протест и сопротивление всему тому, что мешает «возвышению человеческого духа». «Противоположностью богобоязненной власти является власть безбожная, обозначаемая как господство апостатов (греч. *apostatos* – отступник, бунтарь, мятежник), или *апостасия*. Будучи предельной формой отступления от христианства, апостасия – это сугубо негативное проявление политики секуляризации. Когда в качестве отступника выступает само государство, бывшее некогда христианским, то это противоречит порядку, установленному Богом»¹. Апостасия трансформируется в конфронтацию широких слоев населения с государством не только в открытом противостоянии – восстаниях и бунтах, но и в повседневном несоблюдении законов: воровстве, симуляции, социальной девиации и др.

Не следует забывать, что в системе христианских ценностей присутствуют инволюционные ориентации, представленные деструктивными силами разрушения социально-политических отношений и структур власти. В Священном Писании сказано, что власть может

¹ Бачинин В.А. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. – М.: Алетейя, 2005. – С. 46.

исходить не только от Бога, но и от Дьявола: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?» (Мф. 12: 25–26). Власть дьявола предстает фазой апостасии, в основе которой греховное самосознание. Так, В. Соловьев утверждал, что царства гибнут от грехов собирательных, всенародных, государственных. Не обошел своим вниманием тему греха и христианский мыслитель Иоанн Павел II. В своих посланиях он использовал понятие «греховность социальных структур», понимая под ними те общественные силы, которые оказывают гнетущее воздействие на социальную жизнь человечества, привнося в нее много темного и деструктивного. К ним мыслитель относил коммунистическую и либерально-буржуазную идеологию, а также различные формы социального общежития¹. Социолог А. Тойнби считает социальные грехи вызовом истории, которое есть ничто иное, как общественные, корпоративные грехи, совершаемые большими сообществами людей и целыми социальными системами. Исторические вызовы принимают вид революций, тоталитарных режимов и мировых войн. По мнению А. Бачинина, «греховность» постмодернистских умонастроений поражает современное правосознание во всех его ипостасях – обыденном, теоретическом и массовом. «Они проникают в сферы законотворчества и юридической практики, заставляя профессиональных юристов изыскивать теоретические обоснования для легитимации эвтаназии, клонирования, однополых браков ...»²

Таким образом, с позиций христианской теологии деструкция социально-политической сферы вызвана формированием «греховного» самосознания социума во всех сферах процессами секуляризации, пренебрежением нормативными ориентирами и политической апостасией.

Прежде всего представляется важным остановиться на общих тенденциях в развитии религиозной ситуации. Это даст возможность определить степень влияния религиозных предпочтений респондентов на оценку социально-политической действительности.

¹ Бачинин В. А. Евангельские ценности в гражданском обществе. – М.: Алетейя, 2006. – 176 с.

² Бачинин В. А. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. – М.: Алетейя, 2005. – С. 211.

Радикальные политические и идеологические изменения в России выдвинули на первый план проблемы национального самосознания. Вслед за поиском мировоззренческой альтернативы некоторые из россиян обратились к религиозным истокам. На это указывают ответы жителей края на вопрос: «В какой мере для вас важна религия и вера?» (один вариант ответа) Полученные данные (рис. 1) отражают неустойчивую религиозную позицию участников опроса. Доля респондентов, которые считают религию «важной» в своей жизни, составляет 17 %. Больше половины не определились в своем отношении к религии, из них 40 % высказали свое мнение ответом «довольно важны» и 25 % – «не слишком важны». 10 % опрошенных утверждают, что религия и вера в их жизни «совсем не важны». Как мы видим, многие из респондентов сомневаются в религиозном вопросе. Существует лишь незначительный слой респондентов, признающих авторитет религии. В то время как для большинства участников опроса вопрос веры остается неразрешенным.

Кроме того, корреляционный анализ данных выявил позитивную предрасположенность к религии молодежи. Повышенная религиозность молодежи объясняется возрастными особенностями, когда еще отсутствует устойчивая мировоззренческая позиция и возникает потребность в приобщении к традиции, ко всему таинственному и необъяснимому. По достижению зрелого возраста респонденты начинают более осмысленно и рационально подходить к вопросам веры. Этим объясняется ослабление внимания к религии со стороны респондентов в возрасте от 25 лет.

Несмотря на дифференциацию мнений, в целом следует признать, что в мировоззренческом поиске жителей края религия занимает все более заметное место, к ней проявляет положительный интерес большинство опрошенных. Более того, социологические исследования показывают, что многие россияне видят пользу в распространении религиозных взглядов, из них некоторые уверены, что только в религии можно найти объединяющие народ социально-политические идеи и ценности¹.

Результаты анализа отношения жителей Красноярского края к различным верованиям и практикам показали, что значительная часть населения региона ориентирована на православие: 50 % ре-

¹ Косарев В.В. От язычества к монотеизму // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 175–182.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой мере для Вас важны религия и вера?» (2009 г.)

спондентов назвали православие своей верой. Меньшая часть участников опроса заявили о своей симпатии к католицизму (17 %) и христианству вообще (37 %). Наряду с православием анализ данных выявил значительную долю респондентов, испытывающих симпатию к буддизму – 23 %, а также мусульманству – 10 %. Многие респонденты, согласно исследованию, выразили положительное отношение к традициям шаманизма – 18 %, к древнерусскому язычеству – 17 % и эзотерическим учениям – 13 %.

Социологические исследования, посвященные анализу религиозной ситуации в России, также фиксируют стремительный рост всеобщего интереса к православию. При этом ученые солидарны в противоречивости и непредсказуемости этого процесса. Во многом количественные данные не совпадают с качественными характеристиками религиозного сознания: например, уровень истинно воцерковленных.

Несоответствие когнитивных убеждений массовым бессознательным ориентациям подтверждает осуществлённый нами факторный анализ данных. Так, в массовом бессознательном респондентов присутствуют три фактора:

Первый фактор проявляется в ориентациях на религиозный плюрализм: католичество, протестантизм, мусульманство, буддизм, шаманизм, язычество. Описательная сила – 48 %.

Второй фактор выражает ориентацию россиян на самопознание. Фактор включает: трансперсональную психологию, психоанализ, современную психологию, эзотерические учения. Описательная сила – 10 %.

Третий фактор отражает ориентацию респондентов на православие и христианство в целом. Описательная сила – 8 %.

Как видим, латентные религиозные ориентации в массовом бессознательном не соответствуют содержанию вербального уровня массового сознания: православная религия и христианство в целом выражены наименее слабой латентной ориентацией.

Согласно данным факторного анализа, на уровне массового бессознательного у респондентов присутствуют различные религиозные ориентации. Переход от одного общественного устройства к другому, идеологические блуждания, отсутствие ценностно-нормативных образцов послужили причиной для формирования свободного раскрепощенного религиозного сознания. Находясь в поисках смысловых приоритетов, современный россиянин приобретает черты открытого, интересующегося различными религиями и верованиями человека. В свою очередь, отсутствие единых религиозных универсалий, плюрализм религиозного сознания свидетельствуют о процессах размывания рациональных структур массового сознания, их замещения социально бессознательными механизмами оценки социальной действительности. Синкретизм внутренне противоречивых религиозных ориентаций создает основу для проявления религиозных архетипов, социальных мифов, изменения системы ценностей россиян. Во многом этот процесс определяет динамизм нынешней политической ситуации: исход реформ, процессы трансформации и модернизации социально-политических структур.

Так, влияние архаических архетипов и мифологем на формирование приоритетов социально-политических ценностей подтверждают эмпирические исследования отечественных социологов. По мнению К.Н. Костяка, «неоконсервативная волна» в современной России во многом воспроизводит архаику: «архаика появляется в современном обществе только вследствие неспособности выполнять традицией свои функции, вследствие вытеснения традиции в ходе модернизации. В этом смысле архаика – законное дитя модернизации»¹.

¹ Костяк К.Н. Архаика и модерн в российской культуре // Социологический журнал. – 1999. – № 3. – С. 38.

Л.Г. Бызов и С. Марочкин сходятся во мнении об отмирании досоветского и советского традиционализма в массовом сознании российского социума. Эти ценности присутствуют лишь на «парадном уровне», тогда как реальный процесс институционализации власти и отношение к политическим лидерам россиян «поражает» своей архетипичностью и мифологизацией. «Общество на уровне ценностей постепенно адаптирует перемены к своей социально-исторической «органике». Возрождается традиционная «русская власть» со своей традиционной социальной базой и традиционными политическими приоритетами»¹.

Таким образом, неопределенность религиозных ориентаций и апелляция к различным религиозным традициям свидетельствуют о процессах замещения сознательной рефлексии архетипами и мифологемами в массовом бессознательном респондентов. Это важный показатель существенных изменений в распространенности определенных норм, традиций, ценностей. Немаловажная роль в этих процессах принадлежит христианским ценностям. Данный факт обусловлен широким интересом со стороны населения Красноярского края к традициям христианства. Признавая возможность влияния религиозных ценностей на различные сферы социальных изменений, мы полагаем, что динамика нынешней политической ситуации также находится под их воздействием. Первыми показателями этого влияния можно считать результаты исследований отечественных социологов, демонстрирующих возрождение «традиционных» политических ценностей в процессах модернизации социально-политической сферы.

Актуальным представляется также анализ отношений жителей Красноярского края к реформам. Для этой цели респондентам был задан вопрос «Соответствуют ли вашим интересам, проводимые в последние годы реформы в различных сферах общественной жизни?» (допускался один вариант ответа). Распределение ответов респондентов на вопрос представлено на рис. 2.

Как мы видим, мнение респондентов в данном вопросе разделилось. Отрицательное отношение к общественным реформам высказало больше половины опрошенных жителей края. Каждый второй выбрал ответ «скорее нет, чем да» (55 %). Небольшая доля респон-

¹ Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 6.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Соответствуют ли вашим интересам, проводимые в последние годы реформы в различных сферах общественной жизни?» (2009 г.)

дентов (6 %) признались, что проводимые реформы «полностью не соответствуют» их интересам. При этом 5 % опрошенных считают, что современные реформы полностью соответствуют их интересам и 34 % выразили свое мнение ответом – «скорее да, чем нет».

Более глубокий анализ данных показал, что жители Красноярского края склонны по-разному оценивать современные общественные преобразования. Так, согласно корреляционному анализу процессы реформирования поддерживают молодые люди с высшим или с неполным высшим образованием в возрасте до 34 лет. И, наоборот, менее ориентированы на современные реформы респонденты в возрасте от 34 до 55 лет. Отрицательное отношение трудоспособного населения региона к реформам обусловлено рядом причин: недоверием к правящим структурам, низкой нравственной оценкой демократических преобразований, распространенностью в обществе социальной несправедливости, коррупции, материальная неустроенность и другие социальные проблемы. Немаловажным фактором сопротивления реформам, на наш взгляд, является «консервативность» ценностных установок. Это говорит о том, что в массовом сознании/

массовом бессознательном респондентов присутствуют ценностные барьеры, мешающие процессам реформирования.

В этой связи респондентам был задан вопрос «Какие задачи, на ваш взгляд, должна решать современная политическая власть в России?» (допускалось выбрать три варианта ответа).

Наибольшее количество положительных оценок получили следующие ценности:

- защита трудовых интересов людей – 44 %;
- соблюдение экономических прав и свобод российских граждан – 43 %;
- сохранение российской культуры и традиций – 40 %;
- поддержка социально-незащищенных слоев населения – 35 %;
- обретение национальной независимости и самостоятельности – 36 %;
- соблюдение принципов социальной справедливости и равенства – 29 %.

Остальные выделенные индикаторы существенно менее важны для респондентов:

- укрепление структуры власти – 16 %;
- сближение государства с зарубежными партнерами – 12 %.

Таким образом, исследование показало, что на поверхностном уровне массового сознания на *первом месте* находятся прагматические и демократические ценности. На фоне кризисных тенденций респондентов интересует их собственный жизненный статус, материальный достаток, «соблюдение экономических прав и свобод», «защита трудовых интересов».

На *втором месте* – традиционная система ценностей, связанная с потребностью в идеологической и культурной идентификации.

Третье место занимает комплекс ценностей эгалитарного и патерналистского характера. К ним относятся: «социальная справедливость», «равенство», «государственная поддержка», «национальная независимость». Обратим внимание на то, что связующим центром этих ценностей остается «государство», в нем видится главный источник социальных благ, прав и справедливости и отношение к которому в современных социально-политических условиях у значительной части респондентов связано с чувством «брошенности» и «оставленности». Государственный патернализм укреплен в

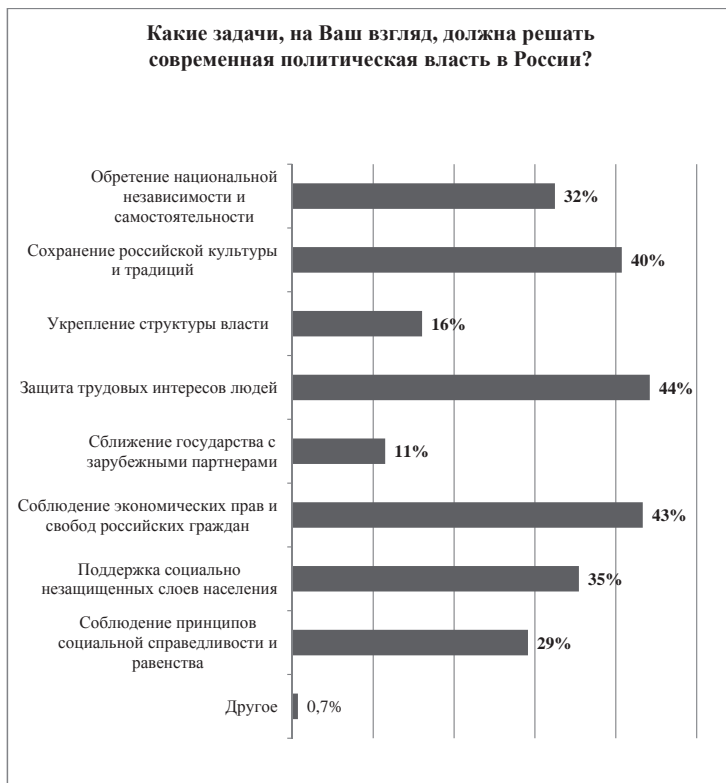

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие задачи, на Ваш взгляд, должна решать современная политическая власть в России?» (2009 г.)

системе ценностей советского типа, это своеобразное продолжение христианско-православных представлений, где власть олицетворяет могущество установленного Богом порядка, закона и покровительства. Во многом формированию патерналистских ориентаций способствовал прошлый опыт тесной взаимосвязи институтов государства и церкви. Много веков церковь декларировала православную монархию в качестве социального идеала, где власть выступала божественным посредником между людьми и Богом. Божественный статус давал право власти устанавливать жесткий контроль, руко-

водить по собственному усмотрению, совершать насилие, усмирять бунты, воспитывая в обществе такие качества, как покорность и терпеливость.

Менее всего жители края уделили внимание политическим ценностям: «укрепление структуры власти», «сближение государства с зарубежными партнерами». Отсутствие интереса к политике можно объяснить в первую очередь неверием респондентов в возможность повлиять на нее, а также низкой политической активностью российских граждан.

Как показало социологическое исследование, сегодня в массовом сознании населения Красноярского края отсутствует какая-либо доминирующая система ценностей. Индивидуализация мнений отражает ценностные размежевания респондентов, что является главным показателем социально-политических изменений. При этом факторный анализ продемонстрировал наличие в массовом бессознательном респондентов конкурирующих ценностных ориентаций. Четыре группы факторов распределились следующим образом:

Первый фактор описывает ценности, связанные с национально-государственными ориентациями: «обретение национальной независимости и самостоятельности»; «сохранение российской культуры и традиций». Отрицание – «сближение государства с зарубежными партнерами». Описательная сила фактора – 17 %.

Второй фактор выражает патернализм и авторитаризм: «поддержка социально незащищенных слоев населения», «защита трудовых интересов людей». Отрицание – «соблюдение экономических прав и свобод российских граждан». Описательная сила фактора – 16 %.

Третий фактор обозначает ценности «порядка» в обществе: «укрепление структуры власти», «соблюдение экономических прав и свобод российских граждан». Описательная сила фактора – 14 %.

Четвертый фактор представлен ценностями международного сотрудничества и социальной справедливости: «сближение государства с зарубежными партнерами», «соблюдение принципов социальной справедливости и равенства». Описательная сила фактора – 13 %.

На глубинном уровне массового бессознательного респондентов *первостепенное значение* имеют национально-государственные ценности. Это свидетельствует о том, что в массовом сознании жителей Красноярского края сохраняются претензии на особенный, «мессиан-

ский), путь развития страны, основанный на национальных идеалах, традициях, культуре. В досоветском обществе это идея была связана с доктриной «Москва – Третий Рим», когда «царства собирались под символикой мессианской идеи». Отсюда поиск идеологических приоритетов, опирающихся на национально-культурное наследие российского общества. По законам ментальной наследственности вера в православное избранничество «русского народа» трансформировалась в коммунистические представления о превосходстве советского народа над другими нациями, а также изоляцией страны от мирового пространства. Как показало исследование, национально-государственный путь развития страны, основанный на социальных идеалах религиозных традиций и культуры, играет доминирующую роль в современных реалиях социально-политических изменений.

Кроме того, на уровне массового бессознательного респондентов наблюдается конкуренция демократических и «консервативных» ценностей, включающих установки на патернализм и авторитаризм. Перемены общественно-политических настроений в сторону демократизации сформировали у российского населения комплекс ценностных размежеваний, который в немалой степени определяет развитие политической ситуации в стране.

Политический курс на модернизацию социальных институтов власти и управления, ориентированных на либерально-демократическую модель, противоречит установкам массового бессознательного. От этого ценностный сдвиг наблюдается лишь на поверхностном уровне массового сознания респондентов, тогда как для большинства населения базисные политические предпочтения остаются в прошлом. По верному мнению Б.П. Шулындина, незавершенная трансформация политической системы может обернуться затяжным кризисом и болезненным принятием «чуждых» ценностей. Реформы, ориентированные на западноевропейские модели социальных институтов власти и экономики, уже привели к таким последствиям, как «ослабление стимулов к производственному труду, к труду на благо общества, нарушению наиболее передовых, наукоемких отраслей производства и фундаментальной науки»¹. **Во многом процесс политической модернизации осложняется интересом широких слоёв населения к православно-христианской**

¹ Шулыдин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 52.

традиции, поскольку либерально-демократические ценности в корне противоречат традиционно-православным представлениям о политическом устройстве. В привнесенной западноевропейской модели государственности ведущим принципом является стимуляция индивидуализма, стремление к материальному достатку и политической конкуренции. Противоположную систему ценностей пролонгирует православие, в её основе – формирование централизованных модусов этатизма, патернализма и царцентризма. Это обстоятельство тормозит смену политических ориентаций и накладывает существенный отпечаток на размежевание политических сил и социально-политическую дифференциацию общества.

Ценностные расхождения и конкуренция ориентаций становятся важным фактором социальной дифференциации, обнаруженной в ходе корреляционного анализа данных. Так, молодым людям до 34 лет свойственна приверженность к прагматическим и демократическим ценностям. Эта группа респондентов более адаптирована к современным демократическим реформам, так как период кардинальных политических изменений в меньшей степени отразился на их благосостоянии. В группе респондентов в возрасте от 35 до 44 лет наблюдается совмещение различных ценностей. Они признают важным фактором развития страны сохранение российской культуры и традиции, а также поддерживают ценности «трудовых интересов», «экономических прав и свобод». Схожую точку зрения представили респонденты в возрасте от 55 лет и старше. В их представлениях первостепенная задача политических преобразований состоит не только в поддержке незащищенных слоев общества, но и в соблюдении принципов социальной справедливости и равенства. В массовом сознании данной группы респондентов очевидно превалирование патерналистских и эгалитаристских ценностей над ориентацией на правовое государство, экономическую выгоду, свободное общество. Можно предположить, что современный прагматизм для старшего поколения несовместим с его представлениями о нравственно значимом и морально оправданном. Новые ценности воспринимаются старшим поколением как «чуждые», «неправильные», «греховные», противоречащие убеждениям.

Таким образом, важным проявлением раскола поколений выступает отсутствие консолидированных социально-политических ценностей, которые могли бы аккумулировать политические ориентации жителей Красноярского края и сформировать новый идеологи-

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Существуют разные мнения о роли и месте государства, власти в жизни общества. Выберите суждения, с которым Вы в большей степени согласны?» (2009 г.)

ческий базис для тех, кто еще остается в границах государственно-патерналистской системы ценностей и тех, кто осваивает новые демократические и прагматические ценностные ориентиры.

Выяснить отношение россиян к современным институтам власти помог следующий вопрос анкеты: «Существуют разные мнения о роли и месте государства, власти в жизни общества. Выберите, пожалуйста, суждения, с которым Вы в большей степени согласны?» (рис. 4).

Основная масса респондентов согласна с тем, что власть находится в руках конкретной политической элиты и её лидеров (вариант ответа «согласен полностью» и «согласен частично» выбрали 88 % опрошенных). Второстепенное значение, по мнению участников опроса, имеет в России власть среднего управленческого звена (в целом согласны с утверждением – 73 %). При этом 62 % респондентов

не согласны с утверждением, что «власть в России зависит от мнения гражданского общества». Примечательно, что респонденты не отрицают существования социальной дистанции между властью и народом. Так, полностью и частично, в общей сумме 77 % опрошенных положительно оценили суждение «власть на данный момент оторвана от общества и существует отдельно от него».

Судя по ответам респондентов, отношение к власти противоречит представлениям о демократическом обществе, где ведущим принципом является политический консенсус граждан и государства. Нынешнее «пространство власти» воспринимается респондентами как отдельная элитарная группа «небожителей», политически изолированная от основной части общества. Тогда как социальная дистанция между политической элитой и массовыми группами, по мнению многих социологов, выступает ключевым фактором, препятствующим политической и ценностной консолидации российского народа. Как справедливо отмечают В.В. Лапкин и В.И. Панин, «вместо постепенного «подтягивания» массовых групп к элитным в ценностном плане наблюдается отрыв элитаобразующих групп (например, руководителей центральных и местных органов власти, крупных предпринимателей, директоров предприятий) от основной массы населения. Именно в этой выделенности, в этом доминировании ценностного противостояния «элит» и общества над иными размежеваниями, возможно, кроется одна из *фундаментальных особенностей России в сравнении со странами Запада*¹.

Феномен социальной дистанцированности власти от общества весьма симптоматичен для православного самосознания. Православно-монархический монизм государства предполагает культ власти, преклонение перед ней как воплощением силы и господства. Такое отношение к власти порождает этатизм, основанный на том, что человек у власти наделяется сверхъестественными свойствами и воспринимается как «демиург» российской действительности. Как заметили респонденты, в таком государстве власть «не зависит от мнения гражданского общества» и полностью сосредоточена в руках рядовых чиновников, бюрократов, политической элиты. Следовательно, само положение социального субъекта зависит не от собственных усилий, а от поддержки со стороны государства,

¹ Лапкин В.В., Панин В.И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 4. – С. 57.

общества и властных структур. В результате таких ценностных установок закономерным свойством политического сознания выступает гражданская пассивность и конформность, которая выражается в социальном ожидании со стороны государства выполнения своих «отеческих» функций, потребности в заботе и контроле. Т.И. Заславская справедливо отмечает, что «такие качества, как отсутствие гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, парадоксально сочетающиеся с неуважением к закону и чужой собственности, сформировались у россиян в первую очередь **под влиянием многовекового рабства и процессов христианизации**»¹.

Таким образом, проективные методы исследования показали, что в сознании респондентов доминируют ценности христианства, относящиеся к универсальному архетипу «нисхождения», выступающего фактором деструктивных изменений в социуме.

Проведенный опрос жителей Красноярского края подтвердил гипотезу о влиянии ценностей христианства на динамику политических изменений и процесса социальной дифференциации. Современное развитие российского общества происходит на фоне усложнения общественно-политической жизни – все это приводит к тому, что выбор политических ориентаций широкими слоями российского населения во многом происходит под влиянием факторов их массового бессознательного, одним из которых являются ценности христианства. Так, зафиксирован факт наличия в массовом сознании/массовом бессознательном жителей края конкурирующих ценностей между теми, кто еще остается в границах государственно-патерналистской системы ценностей, и теми, кто осваивает новые демократические и прагматические ориентиры. Либерально-демократическим ценностям противоречат ориентации респондентов на патернализм, этатизм, эгалитаризм, царцентризм, конформизм; представления о «мессианском» пути развития страны; специфическое отношение к представителям власти как власти апостатов, «грешников», «отступников». Полученные данные свидетельствуют о том, что в современной социально-политической ситуации ценности христианства осложняют процессы модернизации, выступая барьером для внедрения новых социально-политических ценностей и моделей

¹ Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – С. 60.

управления. На наш взгляд, исход политической конкуренции будет зависеть от того, какими средствами будут решаться проблемы «греховности» и «секулярности» массового сознания современного российского общества.

Из этого можно сделать вывод о том, что процессы модернизации и реформирования являются необходимой потребностью общественного развития российского социума, однако их эффективность во многом зависит от учета специфики национальных архетипических ценностей и традиций. В этой связи представляется перспективным дальнейшее исследование архетипических ценностей российского социума и степень их воздействия на процессы социальных изменений и социальной дифференциации в нем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не повторяя основные выводы всех глав (они достаточно подробно изложены в основном тексте книги), отметим лишь несколько важных, на наш взгляд, моментов. Прежде всего настоящее издание продолжает и углубляет исследования, поддержанные грантом РГНФ¹ и опубликованные в монографии «Социокультурный портрет Красноярского края», которая заняла второе место на ежегодном конкурсе Российского общества социологов за 2010 г. в номинации «монографии»².

Приведённые результаты исследований свидетельствуют о том, что изученные регионы Восточной Сибири по ряду параметров, характеризующих протекание важнейших социокультурных процессов, заметно отличаются от России в целом. И не в лучшую сторону. Несмотря на высокие достижения в области культуры и в развитии социальной сферы этих регионов в целом, существует ряд проблемных областей, среди которых одной из ключевых выступает государственное, региональное и муниципальное управление, деятельность органов которых на различных уровнях порождает стагнацию или неадекватное протекание важнейших социокультурных процессов. В определённой мере это связано и с отсутствием должного внимания к исследованиям и рекомендациям социологов. Серьёзные опасения вызывает также состояние системы общего образования, в частности, ценностные ориентации педагогов и, соответственно, эффективность их учебно-воспитательной работы. В целом мы полагаем, что имеются все основания говорить о Восточной Сибири (опираясь на анализ, проведённый в двух её регионах) как о специфической социокультурной территориальной общности, имеющей не только совместные характеристики с другими регионами России, но и целый ряд важных специфических особенностей, учёт которых жизненно важен для проведения адекватной и эффективной государ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10-03-00001а.

² Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края.

ственной региональной политики. В известной степени сказанное можно отнести и к другим регионам Сибири.

Представляется, что использование в данной коллективной монографии полипарадигмального подхода полностью оправдало себя. Так, удалось показать наличие чёткой корреляционной взаимосвязи между ориентациями на базовые ценности, выделяемые в соответствии с широкоизвестными подходами Н.И. Лапина и Ш. Шварца, и ориентациями жителей изученных регионов на ценностные переживания, раскрыть эмоциональную составляющую социального капитала, внося тем самым вклад в развитие в России давно популярной на Западе социологии эмоций. В научный оборот введены нетривиальные достоверные данные, характеризующие влияние архетипических образов христианства (Бог-Отец, Иисус Христос, Дева Мария, Сатана, Дьявол) и религиозных христианских ценностей на социальные изменения в нашей стране.

Остаётся только сожалеть, что сравнительные исследования по методикам, использованным в данной работе, пока не удаётся провести в других регионах страны, как и в России в целом. Это позволило бы получить новые сопоставимые данные, отражающие не изучавшиеся ранее важнейшие аспекты социокультурных процессов в современном российском обществе.

Научное издание

**Немировский Валентин Геннадьевич
Немировская Анна Валентиновна
Верещагина Елена Александровна
Анциферова Татьяна Николаевна
Борисенко Юлия Евгеньевна**

Социокультурные процессы в Восточной Сибири
(на материалах социокультурных исследований
в Красноярском крае и Республике Хакасия
в 2009 – 2011 гг.)

Редактор Е.Г. Иванова
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

Подписано в печать 17.11.2011 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 13,9. Уч.-изд. л. 12,8.
Тираж 100 экз. Заказ 5117.

Редакционно-издательский отдел
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391) 244-82-31. E-mail rio@sfu-kras.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел/факс (391)249-74-81, 249-73-55
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>